

И.К. СМИРНОВ

**МЕТОД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ЗАКОНА
ДВИЖЕНИЯ
КАПИТАЛИЗМА
В „КАПИТАЛЕ”
К. МАРКСА**

В монографии раскрывается диалектическая логика «Капитала» как частного случая диалектики, примененной к политической экономии капитализма К. Марксом. Обосновываются основное производственное отношение и основной экономический закон капитализма, а также закон их развития в систему отношений и законов как экономический закон движения капиталистического способа производства, ведущий к отрицанию последнего. Точка зрения автора на многие методологические проблемы политэкономии вообще и политэкономии социализма в частности не всегда традиционна, но всегда доказательна. Этим объясняются научная новизна работы и дискуссионность некоторых ее положений.

Для научных работников, преподавателей и аспирантов экономических факультетов и вузов, пропагандистов.

ВВЕДЕНИЕ

Определив «открытие экономического закона движения современного общества»¹ конечной целью своего исследования в «Капитале», К. Маркс уже в IV, VII, VIII и XI главах I тома² выявляет цель, специфическое содержание и движущий мотив капиталистического производства, а в XXIII главе формулирует абсолютный закон капитализма: «Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 10.

² См. там же, с. 160, 240, 306, 342.

производства».³ Данный закон получил в учебном курсе политэкономии признание в качестве закона прибавочной стоимости, основного экономического закона капитализма, экономического закона его движения.

Значит ли это, что автором «Капитала» конечная цель исследования достигнута в самом его начале? Ответ на поставленный вопрос предполагает раскрытие диалектики закона вообще, основного экономического закона в особенности. Сделать это можно только на основе и в результате познания и применения диалектического метода.

Наиболее полную разработку до Маркса на идеалистической основе этот метод получил у Гегеля, особенно в его «Науке логики». Впервые материалистический диалектический метод был разработан и применен к политической экономии К. Марксом.

В письме к Ф. Энгельсу 14 января 1858 г. К. Маркс писал: «Для *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал „*Логику*“ Гегеля... Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал».⁴ О замысле написать специальную работу по диалектике К. Маркс сообщает и в письме И. Дицгену десять лет спустя, 9 мая 1868 г., т. е. уже после выхода в свет I тома «Капитала».⁵ В апреле 1883 г. Ф. Энгельс писал П. Лаврову, что среди рукописей К. Маркса, еще ждущих своего просмотра, его

---

³ Там же, с. 632.

⁴ Там же, т. 29, с. 212.

⁵ См. там же, т. 32, с. 456. — Б. М. Кедров ошибается, утверждая, что после 1858 г. «к вопросу о написании специальной работы о диалектическом методе Маркс не возвращался» (К е д р о в Б. М. О методе изложения диалектики. М., 1983, с. 45).

особенно интересуется очерк диалектики, который К. Маркс давно хотел написать.⁶

К сожалению, такой «Диалектики» Маркс после себя не оставил, но он оставил «Капитал» как частный случай диалектики— диалектики буржуазного общества.

Диалектическому методу в «Капитале» в целом и его отдельным моментам посвящено значительное число работ советских философов и экономистов.⁷ Однако среди них нет тех, в которых бы специально рассматривался метод исследования экономического закона движения капитализма. В значительной степени это объясняется отождествлением основного экономического закона и экономического закона движения способа производства, утверждением неизменности их сущности.

Раскрытие диалектики в каждом отдельном случае, в каждой области исследования предполагает познание, овладение ее общими формами. Широко известен афоризм В. И. Ленина о том, что «нельзя вполне понять „Капитала" Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля».⁸

Конечно, изучение логики Гегеля является самостоятельной задачей каждого, кто стремится глубже, полнее понять «Капитал». Вместе с тем автор настоящей работы счел необходимым предпослать рассмотрению специфической диалектики эконо-

---

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 36, с. 3.

⁷ Нарский И. С. Вопросы диалектики познания в «Капитале» К- Маркса. М., 1959; Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960; Тихухин В. Н. Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса. Омск, 1960; Ваккерев Ф. Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М., 1963; Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967; Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968; Оруджев З. М. Единство диалектики, логики и теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968; Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973; Шевцов И. С. Вопросы методологии в «Капитале» К. Маркса. Казань, 1977; Файнбург З. И., Козлова Г. П. Диалектическая логика политической экономии социализма. Саратов, 1982; Кедров Б. М. О методе изложения диалектики.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.29, с. 162.

номического закона движения капитализма изложение общих положений марксистского диалектического метода в сопоставлении с диалектикой Гегеля. Это соответствует диалектическому движению от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. В первом разделе монографии показывается преемственность и коренное отличие метода К. Маркса от метода Гегеля. Здесь рассматривается понятие диалектического метода как такового, его отличие и соотношение с формально-логическим методом и специальными методами частных наук. Определение диалектического метода не просто как способа или инструмента, а как процесса познания предполагает исследование прежде всего проблемы начала этого процесса, собственно диалектического движения и его результата. Здесь же в общем плане раскрывается содержание таких логических категорий, как становление, момент, снятие, диалектическое отрицание, противоречие, абстрактное и конкретное, логическое и историческое, истина и др. Все они присутствуют и «работают» в «Капитале» как конкретные экономические категории. Однако для того чтобы понять конкретное содержание этих категорий, их следует первоначально рассмотреть в самом общем, простом виде.

Разумеется, разработка диалектического метода марксизма ушла далеко вперед со времени опубликования «Капитала». Этот метод стал марксистско-ленинским. Теоретическая деятельность КПСС и других коммунистических партий обогатила его рядом новых важных положений. Он получил апробацию и обоснование в великих революционных преобразованиях нашей эпохи, в практике социалистического строительства, в котором сегодня участвуют миллионы людей. В настоящей работе не ставится задача рассмотрения метода исследования экономического закона

движения общественно-экономической формации с позиций современных достижений марксистско-ленинской диалектики. Здесь предпринята попытка рассмотрения метода исследования экономического закона движения капитализма на определенном этапе развития этого способа производства и соответствующем этапе развития универсального материалистического диалектического метода. Поэтому автор монографии при рассмотрении системы категорий диалектической логики пользуется той терминологией, тем обозначением их, которое существовало в период работы К. Маркса над «Капиталом».

Характеристика диалектического метода, объективной и субъективной логики как развивающейся системы дает возможность определения в ней места закона. Такое определение есть не просто одна из многих и поэтому неполных дефиниций закона, а его выведение, обоснование его необходимости. Закон определяет себя лишь как один из этапов развития объективного мира и одна из ступеней познания этого развития. Следовательно, он сам есть движение. Автор различает движение закона как одного из определений сферы сущности, различие определений закона в пределах этой сферы и его развитие в сфере понятия как диалектического единства непосредственного бытия и сущности. Характеристика движения в последней сфере требует исследования цели как логической категории, ее диалектики и соотношения с законом. Дается новая классификация законов с выделением основного, производных и закона движения системы.

Основной закон определяется как исходный. В силу этого он является самым общим, самым абстрактным законом системы. Он должен быть не только открыт, но и раскрыт, т. е. познан. Раскрывающийся, реализующий себя основной закон выступает как

закон движения. Данное положение является основанием для принципиально важного вывода о том, что конечной целью исследования в «Капитале» является не просто открытие, а раскрытие экономического закона движения капиталистического способа производства, которое осуществляется К. Марксом во всех томах его гениального произведения. Именно так характеризовал конечную цель исследования в этом произведении Ф. Энгельс.⁹ Определение этой цели как открытие названного закона следует отнести к неточности перевода на русский язык соответствующего фрагмента из предисловия к первому изданию «Капитала».

Открытие основного экономического закона есть лишь начало исследования экономического закона движения общества. В свою очередь, это открытие предполагает нахождение основного (исходного) производственного отношения способа производства. В качестве такого отношения в любой общественно-экономической формации является не собственность вообще, а элементарное специфическое отношение собственности.

Рассмотрение во втором разделе настоящей работы основного производственного отношения капитализма позволяет прийти к выводу, что таковым является не просто товарное отношение, а купля-продажа товара рабочая сила.

Поскольку это отношение регулируется законом стоимости, постольку последний выступает как основной экономический закон капитализма. В монографии показывается, что так определяли этот закон классики марксизма-ленинизма. Здесь же обнаруживается необоснованность определения производства прибавочной стоимости как закона прибавочной стоимости. По Марксу, это — закон капитала, капиталистического способа производства.

---

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 215.

Конечно, прибавочная стоимость, как экономическое явление, также имеет свои законы. Вместе с тем К. Маркс никогда не называл производство прибавочной стоимости основным экономическим законом капитализма. Он обращал внимание на производность этого закона от закона стоимости.

Закон движения капитализма есть закон движения капитала. Поэтому далее в монографии исследуется диалектический процесс становления капитала, его формирование как развитие меновой стоимости, этапы этого развития. Соответственно этому развитию рассматривается развертывание законов стоимости и прибавочной стоимости в законы капиталистического накопления, нормы прибыли, тенденции нормы прибыли к понижению. Движение капитала, которое вначале определилось как бесконечный процесс, затем, в силу своих внутренних противоречий, развития имманентных законов, определяет свой собственный предел и выводит себя за него.

Диалектика капитала обнаруживается и в том, что его абстрактные законы становятся конкретными, действительными. В капиталистической действительности абстрактные законы проявляют себя как законы движения обособившихся частей капитала и законы конкуренции, т. е. взаимодействия капиталов. В качестве такого действительного закона в монографии рассматривается закон капиталистической земельной ренты. Последовательное применение диалектического метода при исследовании этого закона дает возможность конкретизировать ряд важных методологических и теоретических положений марксистской аграрной теории и, в частности, уточнить количественную определенность дифференциальной и абсолютной земельной ренты, действительное движение последней.

Первым применив диалектический метод к исследованию капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена, Маркс совершил революционный переворот в политической экономии. Это позволило ему разрешить те диалектические противоречия в этой науке, которые оказались непреодолимыми для его предшественников, стремившихся к объективному исследованию буржуазного общества, и разоблачить псевдонаучность «теорий» апологетов капитализма. Он показал, что абстрактные экономические законы непосредственно не объясняют действительного движения, а поверхность этого движения не являет непосредственно его сущности. Познание действительности нельзя сводить к простейшим абстракциям, даже если они характеризуют самую глубокую сущность изучаемого. Конкретная сущность конкретного целого есть процесс, и познание его предполагает движение от абстрактного к конкретному через систему опосредующих звеньев, последовательно «снимающих», отрицающих своих непосредственных предшественников — законы и категории. Это опосредование означает изменение и самой сущности, ее конкретизацию, превращение из абстрактной в конкретную, в действительную. Подобно тому как абстрактная сущность,¹ взятая сама по себе, непосредственно не объясняет действительности, действительность, взятая лишь непосредственно, поверхностно, лишена сущности.

Итогом рассмотрения диалектического процесса движения капиталистического способа производства в «Капитале» явилось учение о классах и классовой борьбе, которое, к сожалению, в этом своем произведении Маркс не успел изложить. Но все содержание всех томов «Капитала» есть развертывание и обоснование этого

учения, обоснование всемирно исторической роли рабочего класса как могильщика капитализма и революционного создателя нового общества. Ограничивать это обоснование лишь теорией прибавочной стоимости, несмотря на ее основополагающее значение, было бы глубочайшей ошибкой и отступлением от марксизма.

В процессе своего движения капитал отрицает себя. Но он отрицает себя не вообще, а определенно. Из экономического закона движения капитализма К. Маркс выводит неизбежность замены его коммунистическим обществом. В заключительной части монографии рассматриваются некоторые возможности применения диалектического метода «Капитала» к исследованию социалистических производственных отношений, к открытию и раскрытию экономического закона движения коммунистического способа производства.

Автор настоящей работы видит всю сложность поставленной им перед собой задачи и, конечно, не претендует на ее полное решение. Среди основных положений, выдвигаемых и обосновываемых им, можно выделить следующие:

уточнение в соответствии с буквой и логикой «Капитала» конечной цели исследования в этом произведении К. Маркса;

исследование движения экономического закона как диалектического процесса;

определение основного экономического закона как закона явления основного производственного отношения и, следовательно, как самого простого из всех экономических законов системы;

утверждение закона стоимости в качестве, основного экономического закона капитализма;

отрицание тождества основного экономического закона и экономического закона движения общественно-экономической формации, раскрытие последнего как реализующегося основного экономического закона;

конкретизация количественной определенности капиталистической дифференциальной и абсолютной земельной ренты.

**МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА
К. МАРКСОМ ДИАЛЕКТИКИ ГЕГЕЛЯ**

Глава I

**ПОНЯТИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА:
ГЕГЕЛЬ И МАРКС**

**§ 1. КОРЕННАЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ
МЕТОДА МАРКСА МЕТОДУ ГЕГЕЛЯ**

Разработка К. Марксом собственного метода исследования капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена сопровождалась поисками и критической переработкой огромного материала по методологии, оставленного его историческими предшественниками, и в первую очередь материалистической переработкой идеалистической диалектики Гегеля.

«Мое отношение к диалектике Гегеля, — писал К. Маркс, — очень просто. Гегель — мой учитель, и болтовня умничающих эпигонов, полагающих, что они покончили с этим выдающимся мыслителем, мне просто смешна. Однако я позволил себе отнестись к моему учителю критически, снять с его диалектики покров мистицизма и тем самым существенно ее изменить и т. д., и т. д.».¹⁰ Критикуя Ланге за пренебрежительное отношение к Гегелю и противопоставление метода исследования предмету, эмпирическому материалу, К. Маркс писал: «Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я „двигаюсь на редкость свободно“. Ему и в голову не приходит, что это „свободное движение в материале“ есть не что иное, как парафраз

---

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 50, с. 34.

определенного *метода* изучения материала — именно *диалектического метода*».¹¹

Гегель определял метод философии как «осознание формы внутреннего самодвижения ее содержания».¹² Это определение в значительной части разделялось и Марксом: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом?».¹³

Таким образом, и по Гегелю, и по Марксу диалектический метод не есть нечто только внешнее по отношению к объекту и субъекту исследования, только один из способов, инструментов познания. Он — единство объективного (форма внутреннего самодвижения содержания) и субъективного (осознание этой формы).

Диалектический метод имманентен предмету исследования. Поэтому овладение методом означает познание предмета, и наоборот, познание предмета тождественно овладению методом. Метод изменяется вместе с предметом и его полное определение есть развернутый в систему предмет, развернутая истина. Метод и система образуют диалектическое тождество. Если ненаучна система — то ненаучен и метод, и наоборот.

Как единственно истинный путь исследования диалектический метод не существует *наряду* с другими, он является всеобщим, абсолютным. Это не значит, что диалектическая логика отвергает все другие методы или методы других наук. «Она не от-

---

¹¹ Там же, т. 32, с. 571 – 572.

¹² Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1970, т. 1, с. 107.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 7 – 8.

брасывает в сторону эмпирического содержания последних, а признает его, пользуется им и делает его своим собственным содержанием: она также признает всеобщее в этих науках, законы, роды и т. д., но она вводит в эти категории другие категории и удерживает их. Различие, таким образом, состоит лишь в этом изменении категорий».¹⁴ Таким образом, диалектическая логика, указывая на ограниченность частных, специальных методов, перерабатывает и усваивает их как содержание единого диалектического метода.

Вместе с тем овладение универсальным диалектическим методом как системой не освобождает от необходимости овладения специальными методами исследования специфического предмета.

Если применительно к политической экономии диалектический метод есть осознание формы внутреннего самодвижения способа производства, то овладение этим методом означает познание не только общих законов диалектики, но и экономического закона движения данного способа производства, системы его производственных отношений. Построение же системы экономических категорий и законов, адекватных этому способу производства, свидетельствует об овладении диалектическим методом исследования данного специфического предмета. Если кто-то утверждает, что он знает метод исследования социальных производственных отношений, но не в состоянии представить научную систему экономических категорий и законов социализма, то можно сразу сказать, что предлагаемый метод не истинен или что истинность его не доказана. Усвоение логики развития определенной системы производственных отношений, конечно, не означает усвоение диалектики системы

---

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 94.

производственных отношений вообще или другой определенной системы производственных отношений.

Всякая система предполагает свою основу, которая является в то же время основой метода. Если эта основа ненаучна, то не могут быть научны вырастающие из нее система, метод. «Существенное изменение» диалектики Гегеля Марксом как раз и заключалось прежде всего в радикальном изменении ее *основы* — основы диалектического метода.

Гегель — объективный идеалист. Он утверждал, что субстанцией мира является некая абсолютная идея, существовавшая до появления природы и человека. Абсолютная идея противоречива и деятельна. Ее деятельность заключается в самодвижении, которое есть процесс ее самопознания. Движение в стихии чистой мысли — это сфера логики, и абсолютная идея обнаруживает себя здесь в системе логических категорий, законов, понятий. В процессе своего самодвижения абсолютная идея переходит в свою противоположность — природу, а затем, отрицая природу, возвращается к себе как абсолютный дух. Движение абсолютной идеи в сфере абсолютного духа, так же как и в сфере логики, есть мышление, но не мышление вообще как движение чистой мысли, а мышление человеческое. Результатом этого процесса здесь является абсолютное знание идеей самой себя. Таким образом, диалектическое движение, по Гегелю, есть процесс саморазвертывания абсолютной идеи, принимающей различные образы, процесс движения мысли, процесс мышления. Вещи, реальный чувственный мир, человек и человеческое общество являются лишь отблеском, внешней формой абсолютной идеи. Вместе с тем нельзя утверждать, что гегелевская философия, логика, изгоняет вещи за свои пределы. Она изучает их, поскольку,

по Гегелю, *мышление и бытие тождественны*. Поскольку процесс диалектического движения является процессом самопознания абсолютной идеи, постольку она является *объектом, субъектом* познания и их *единством*. Положение о тождестве мышления и бытия, субъекта и объекта, пронизывает всю философию Гегеля. Если субстанцию всех вещей образует абсолютная идея в ее логических формах (понятиях), то логическая формула движения представляется абсолютным методом, «который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи».¹⁵

«Мой диалектический метод, — подчеркивал К. Маркс, — по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, создатель) действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».¹⁶ Утверждение К. Марксом материалистической основы диалектики означало превращение ее в науку, а диалектического метода — в единственный подлинно научный метод. Положив в основу развития реальный объективный мир и определив идеи, сознание как отражение этого мира, материалистическая диалектика установила истинное соотношение объекта и субъекта познания.

Диалектический метод Маркса является отрицанием метода Гегеля. Но это отрицание диалектическое. Оно означает не просто отбрасывание, а сохранение и развитие всего того положительного, рационального, что имелось в отрицаемом. Это относится к

---

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 131.

¹⁶ Там же, т. 23, с. 21.

разработанной Гегелем категориальной схеме диалектической логики. Рассмотрение некоторых категорий гегелевской системы позволяет лучше уяснить их значимость в становлении материалистической диалектики и коренную противоположность диалектического метода Маркса и Гегеля.

Поскольку диалектический метод есть процесс, его моментами являются: 1) начало, 2) собственно движение, 3) результат.

§ 2. ПРОБЛЕМА «НАЧАЛА» НАУКИ

Начало всякой науки, как известно, трудно. Особенно трудной, сложной является эта проблема в философии и логике. Древние скептики признавали ее вообще неразрешимой. Действительно, если каждая конечная наука есть звено в развивающемся по кругу (спирали) познании, то начало одной из них есть результат другой. В отличие от всех наук в философии начало признавалось только абсолютным. Оно поэтому является непосредственностью как таковой. Однако оно — начало результата. Следовательно, оно предполагается результатом, опосредуется им, выводится из него. Но коль скоро начало опосредуется, выводится, то оно не начало, а результат, а результат — не результат, а начало. Начало и результат взаимно предполагают и отрицают друг друга.

Как же решает эту проблему Гегель?

Прежде всего он отвергает абсолютную непосредственность и абсолютное опосредование, утверждая их единство как тождество противоположностей. В мире нет ничего, что не содержало бы в такой же степени непосредственность, в какой и опосредование. «Главное для науки, — писал он, — не столько то, что началом служит нечто исключительно непосредственное, а то, что вся наука в целом есть в самом себе круговорот, в котором первое становится

также и последним, а последнее — также и первым».¹⁷ В диалектическом движении по кругу (спирали) начало определяет себя как неразвитый результат, а результат — как развитое начало. Из этого, конечно, не следует, что определение начала не имеет значения и даже бессмысленно. Без начала нет системы, а без системы — науки.

Хотя начало *не дано* исключительно как непосредственность, оно может и должно быть *взято* как непосредственность. В противном случае оно не начало. Взятое таким образом, оно не выводится, не обосновывается, не доказывается. Выбор его поэтому представляется случайным, произвольным, а истинность проблематичной. Однако это представление исчезает, если иметь в виду, что «в философии движение вперед есть скорее возвращение назад и обоснование, только благодаря которому и делается вывод, что то, с чего начали, есть не просто принятое произвольно, а в самом деле есть отчасти *истинное*, отчасти *первое истинное*».¹⁸ Начало не может быть доказано до тех пор, пока не создана вырастающая из него система, которую венчает результат, а система не может быть создана до определения начала. Начало обосновывается своим движением, своим разворачиванием, достижением результата как своего развитого целого, как своей истины. Оно поэтому должно обладать импульсом к разворачиванию, движению. Следовательно, абсолютное начало — не голая абстракция, а элементарная конкретность, которая, однако, еще не положена, которая в себе.

Категории «в себе» и «для себя» занимают важное место в диалектике Гегеля; ими часто пользовался Маркс. Отмечая это, В. И. Ленин так интерпретирует категорию «в себе»: «..., *в себе*» = *в*

---

¹⁷ Гегель В.Ф.Г. Наука логики, т. 1, с. 128.

¹⁸ Там же, с. 127.

потенции, еще не развито, еще не развернуто».¹⁹ Так, зародыш человека есть человек в себе, но еще не для себя. Он становится таковым в процессе и результате своего развития. Рабочая сила как способность к труду является трудом в себе. Она становится для себя, т. е. трудом, в процессе своей реализации. Понятие «в себе» может быть началом системы, ее отдельных звеньев (сфер), категорий. Оно — начало диалектического движения, результатом которого является не только «в себе», но и «для себя».

Абсолютное начало является чем-то первичным, элементарным, не поддающимся анализу. Оно нечто исходное, основание всей науки. К нему сводится и из него выводится вся наука как система знаний. Начало определяет себя как основу сохраняющихся во всех производных от нее определениях, т. е. как всеобщность.

Итак, по Гегелю, начало является простым, первичным, исходным, основным, определяющим, абстрактно-всеобщим, обладающим импульсом к движению. Как бы предвидя обвинения в схоластике в адрес тех, кто занимается поисками клеточки целого, начала системы, он писал: «Если кто-то выведенный из терпения рассматриванием абстрактного начала скажет, что нужно начинать не с начала, а прямо с самой *сути*, то [мы на это ответим], что суть эта не что иное, как указанное пустое бытие, ибо, что такое суть, это должно выясниться именно только в ходе самой науки и не может предполагаться известным до нее».²⁰ Даже если предположить, что суть, или сущность, уже известна, исследование ее как процесса не снимает проблемы начала. Исследование сути тоже должно быть начато с чего-то, а именно с нее же самой, но в

---

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 208.

²⁰ Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 1, с. 132.

элементарной, исходной, абстрактно-всеобщей и т. д., и т. д. форме.

Как наука, гегелевская философская система «абсолютного идеализма» представлена в его «Энциклопедии философских наук» тремя частями: «Наукой логики», «Философией природы» и «Философией духа».²¹ Началом этой системы является абсолютная идея в себе, результатом — познавшая себя абсолютная идея, идея не только в себе, но и для себя.

Каждая из частей системы имеет *особенное* начало, каждый элемент частей — *единичное*, и в то же время как части и элементы целого они не могут не иметь начала абсолютного, *всеобщего*, каковым является абсолютная идея, или понятие в себе. «Каждая часть философии есть философское целое, замкнутый в себе круг, но каждая из этих частей содержит философскую идею в ее особенной определенности или как особенный момент целого. Отдельный круг именно потому, что он есть в самом себе тотальность, прорывает границу своей определенности и служит основанием более обширной сферы; целое есть поэтому круг, состоящий из кругов, каждый из которых есть необходимый момент, так что их система составляет целостную идею, которая вместе с тем проявляется также в каждом из них в отдельности».²²

В «Капитале» К. Маркс не рассматривает проблему всеобщего начала философской системы. Однако он сталкивается с проблемой начала политической экономии в широком смысле

---

²¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 103.— Последовательность этих частей относительна. Они скорее моменты или части умозаключения философского знания, которые содержатся друг в друге и переходят друг в друга, меняясь местами. Это умозаключение может иметь своим отправным пунктом логическое, серединой — природу и вторым крайним термином — дух; оно может начинаться с природы и смыкаться с логикой через дух как средний термин; система в качестве своей первой части может иметь дух, второй — логику и третьей — природу.

²² Там же, с. 100.

слова и начала политической экономии определенного способа производства.

Еще в своих ранних работах Маркс резко критиковал Гегеля за спекулятивный способ выведения реального из абстрактной идеи, абстрактного понятия и сведения специфического к чему-то неопределенному, способ, который не объяснял конкретного, растворяя его в общем. Так, политический строй, государственный организм выводились Гегелем из понятия «организм вообще», или «организм в себе». Из этого же понятия можно вывести и к нему свести, например, растения, животный организм. «Чем же, таким образом, — спрашивал Маркс, — *отличается животный организм от политического?* Из этого общего определения это отличие не вытекает. А объяснение, в котором нет указания на специфическое различие, *не есть объяснение*».²³

Таким образом, К. Маркс указывает на весьма важную характеристику особенного начала. Будучи результатом одной системы и началом другой, ее предельной абстракцией, оно должно содержать в себе, в зародыше, *специфику* этой системы. К. Маркс решительно отвергал в качестве начала системы капиталистических производственных отношений абстрактное богатство, богатство вообще. Начало системы капиталистического способа производства должно быть результатом предшествующей системы и в то же время содержать в себе зародыш жизни и смерти капитализма.

В своем первом экономическом произведении — «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» — К. Маркс исходной капиталистической категорией считал отчуждение,

---

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 229.

отчужденный труд.²⁴ Лишь в процессе длительных научных поисков, результатом которых явилось познание всей системы капиталистических производственных отношений, К. Маркс называет в качестве таковой товар как специфическую элементарную всеобщую форму капиталистического богатства.

Товар как начало системы экономических категорий капитализма является, конечно, абстракцией такой развитой формы капиталистического богатства, как капитал. В то же время он есть продукт исторического развития. Как начало, он обосновывается развертыванием всей системы капиталистических экономических категорий и законов, представленной в трех томах «Капитала», и в то же время это развертывание есть изображение движения не понятия, а действительного движения товара, капитала, капиталистического общества. «Сравните, — писал Ф. Энгельс К. Шмидту, — хотя бы у Маркса развитие от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к сущности, и у Вас будет прекрасная параллель: с одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит в действительности, и, с другой стороны, абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как, например, качества в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие одного понятия из другого».²⁵

Начало чего-либо должно быть одним. Несмотря на провозглашенное мистическое тождество субъекта и объекта, мышления и бытия, Гегелю не удалось преодолеть дуализма. Наряду с вещью как материализацией идеи, ее предметным бытием, существует ее душа как нечто идеальное. По Марксу же, сущность вещи столь же материальна, предметна, сколь и сама вещь. Вместе

---

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 570.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 177.

с тем рациональность гегелевского положения о тождестве мышления и бытия Маркс видел в попытке ликвидации разрыва между логическими формами и реальными вещами.

§ 3. СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

По Гегелю, философия как целое, как всеобъемлющая система, как большой круг не имеет начала в том смысле, в каком имеют его другие науки или ее части. Она начинается с субъективной предпосылки, что ее предметом является мышление, что она как наука является мышлением о мышлении. Это субъективная точка зрения, которая является поэтому *непосредственной*. Она есть предельно абстрактное отношение предельно абстрактного субъекта к предельно абстрактному объекту, или различение абстрактной идеи в самой себе *себя как объекта и себя как субъекта*. Философия как наука начинается, таким образом, с *дифференциации* абсолютной идеи. Отчуждая и противопоставляя себя как объект себе же как субъекту, абсолютная идея вступает в определенные отношения сама с собой, определяет себя. Этими первичными, начальными, исходными отношениями являются чувства, ощущения, созерцание. Отчуждая и противопоставляя себя объекту, вступая в определенные отношения с внешними предметами, событиями, фактами, субъект *сознает* их. Движение сознания есть сложный процесс развития субъекта и объекта, их взаимоотношения и отрицания, их взаимодействия. Этот процесс различает внутри себя следующие три ступени: 1) предметное сознание, 2) самосознание, 3) разум. Движение сознания на третьей ступени венчается абсолютным знанием.

Сознание как определенное соотношение субъекта с объектом бывает *теоретическим* и *практическим*. Первое — пассивно. Оно рассматривает данный нам внешний предмет таким, какой он есть, и превращает его в некоторое представление. Практическое знание активно, деятельно. Оно начинается с внутреннего определения, которое называется решением, а затем реализует его. Внутреннее определение превращается во внешнее. Этот процесс Гегель называл *практической деятельностью*, практикой, которая осуществляется посредством труда.

Данное положение было существенно конкретизировано и развито К. Марксом.

Критикуя А. Вагнера и его «Учебник политической экономии», Маркс указывал, что у него отношение человека к природе с самого начала рассматривается не как практическое, т. е. основанное на действии, а как теоретическое. Однако люди никоим образом не начинают с теоретического отношения к предметам внешнего мира. Они начинают с того, что при помощи действия овладевают предметами и таким образом удовлетворяют свои потребности. Следовательно, отношение человека к природе с самого начала выступает как процесс добывания жизненных средств, как процесс производства. Из непрерывно повторяющегося производства, т. е. из опыта производственной деятельности, люди черпают определения предметов внешнего мира и самих себя.²⁶

Гегель был одним из первых, кто показал, что через труд человек не только изменяет объект, но и изменяется сам, становится собственно человеком. В процессе труда он субъективирует объект и объективирует, отчуждает себя.

---

²⁶ См. там же, т. 19, с. 377 – 378.

Это положение Гегеля было высоко оценено К. Марксом в его «Тезисах о Фейербахе».²⁷ Еще раньше, в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», он писал: «Величие гегелевской „Феноменологии“ и ее конечного результата — диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа — заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*».²⁸

Отмечая, что в понимании труда Гегель стоял на уровне современной ему политической экономии, Маркс в то же время подчеркивал, что «Гегель знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный* труд. Таким образом, Гегель признает за сущность труда то, что вообще образует *сущность* философии, а именно—*самоотчуждение знающего себя человека, или мыслящую себя самоотчужденную науку...*».²⁹ Маркс отмечал также односторонность Гегеля, видевшего в труде лишь положительную сторону.

Исторически исходным пунктом философии является опыт, непосредственное сознание. Однако ее стихия, ее сфера — это чистая мысль, как мышление о мышлении. Система чистых определений мышления образует науку логики. Она имеет дело не с созерцаниями и даже не с абстрактными чувственными представлениями, как, например, геометрия, а с чистыми

---

²⁷ См. там же, т. 3, с. 1.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, с. 627.

²⁹ Там же, с. 627 – 628.

абстракциями. По отношению к ней другие философские науки — философия природы и философия духа — являются как бы прикладной логикой. Здесь логические формы познаются не в чистом виде, а в образах природы и духа, которые суть только особенный способ выражения форм чистого мышления.

Поскольку движение абсолютной идеи есть в то же время процесс ее самопознания, постольку основные этапы ее развития являются в то же время основными этапами процесса познания. Это движение рассматривается Гегелем в его «Науке логики». Последняя включает в себя логику бытия с такими разделами, как качество, количество, мера; логику сущности — сущность, как рефлексия в самой себе, явление, действительность; логику понятия — субъективность, объективность, идея. Учение о непосредственном бытии и сущности образует объективную логику, учение о понятии — субъективную.

Логическое как мышление о мышлении имеет, по Гегелю, три стороны: 1) абстрактную, или рассудочную, 2) диалектическую, или отрицательно-разумную, 3) спекулятивную, или положительно-разумную. Данные три стороны не составляют трех частей логики, а суть моменты всякого логического, всякого понятия, или всякого истинного вообще.

Рассудочное мышление, или рассудок, есть способность мысленно определять вообще и фиксировать что-то в мысленных определениях. Исследование предмета на этом уровне предполагает разложение его на части, признаки, срезы и т. д. (анализ). Определение предмета как обратный процесс представляет собой перечисление признаков, внешнее механическое соединение частей (синтез). И в первом, и во втором случае отдельные определения и их соединение не в органическую систему, а в механический

агрегат суть абстракции конкретного предмета, односторонние определения. Рассудочное мышление имеет, таким образом, дело с абстракциями как застывшим процессом, как с чем-то неподвижным, ограниченным, обособленным, признающим себя самостоятельно существующим. Эти пустые, голые абстракции — предмет и материал обычной, или формальной, логики.

Односторонность и ограниченность рассудочного мышления преодолевается разумным мышлением, разумом. Последний есть единство знания о предмете и о себе, т. е. единство сознания и самосознания, объективного и субъективного. Разум называется негативным, диалектическим, так как он показывает переход всякого определения рассудка в свою противоположность. Это диалектическое проявляется либо тогда, когда относительно предмета высказываются два противоположных суждения, либо тогда, когда показывается, что какое-либо рассудочное определение отрицает, упраздняет себя внутри себя. Примером диалектического, или отрицательно-разумного, мышления является утверждение, что капитал не может возникнуть из обращения и также не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время вне обращения. Таким образом, на уровне диалектического, или отрицательно-разумного, мышления определения обнаруживают в самих себе отрицание себя, т. е. отрицания себя как пустой абстракции, как простого положительного тождества, результатом чего является имманентный переход одного определения в другое, их подвижность, гибкость, текучесть.

Спекулятивное, или положительно-разумное, мышление отрицает отрицание предыдущих определений, восстанавливая тождество. Но это уже не простое, формальное, абстрактное

тождество, а конкретное как единство различных определений. В качестве синонима спекулятивного мышления Гегель употребляет понятие «мистика». При этом под мистикой понимается, конечно, не суеверие и обман, а все разумное, т. е. все то, что «выходит за пределы рассудка, а отнюдь не то, что оно должно рассматриваться вообще как недоступное мышлению и непостижимое».³⁰

Ф. Энгельс писал, что гегелевское различие рассудка и разума, согласно которому только диалектическое мышление разумно, имеет известный смысл, поскольку последнее возможно только для человека, да и то лишь сравнительно высокой ступени развития.³¹ В отличие от рассудочного, диалектическое, разумное мышление имеет дело не с предметами как только застывшим процессом, но и с собственно процессом. «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, т. е. различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из нижестоящих».³² Исследовать и определить предмет на уровне диалектической логики — значит вывести, опосредовать, доказать его необходимость, найти его место в системе.

Вместе с тем диалектическая логика признает право и заслугу чисто рассудочного мышления в теоретической и практической областях, так как никакая прочность и определенность невозможны без помощи рассудка. В природе, в предметном и духовном мире

---

³⁰ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 213.

³¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 537—538.

³² Там же, с. 538.

различное фиксируется и воспроизводится в этом различии. Сам процесс познания начинается с того, что наличные предметы постигаются в их определенных различиях, которые фиксируются. Рассудок, по Гегелю, есть вообще существенный момент образования.³³ Таким образом, рассудочное мышление, формальная логика является необходимой ступенью познания и моментом логики диалектической.

Вообще, говоря о различии формальной и диалектической логики, следует иметь в виду также различия между формальной логикой как таковой и ею же как *моментом* логики диалектической.

Термин «момент» позаимствован Гегелем из механики. Здесь вес и расстояние от некоторой точки в рычаге называются механическими моментами из-за тождественности оказываемого ими действия при всем их внешнем различии. Расстояние и вес как таковые и как моменты рычага далеко не одно и то же. Как моменты, они теряют самостоятельность, переходя друг в друга. В рычаге расстояние может заменить массу, и наоборот.

В качестве примера можно привести различное соотношение категорий анализа и синтеза в формальной и диалектической логике. В формальной логике, в конечных науках анализ предшествует синтезу. Сначала целое надо разложить, изучить отдельные его части и признаки, а затем проделать обратный путь — собрать разобранное в целое. В диалектике же движение вперед есть в то же время возвращение назад, и наоборот. Синтез здесь является в то же время и в том же отношении и анализом. «Путь, или *метод* абсолютного знания,— подчеркивал Гегель, — является столь же аналитическим, сколь и синтетическим. Развертывание того, что содержится в понятии, анализ, представляет собой

---

³³ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 203—204.

обнаружение различных определений, которые содержатся в понятии, но как таковые не даны непосредственно, и, следовательно, являются одновременно синтетическими. Выражение понятия в его реальных определениях вытекает здесь из самого понятия, и то, что в обычном познании образует доказательство, является здесь возвращением перешедших в различие моментов понятия к единству».³⁴

В формальной и диалектической логике различны не только последовательность, соотношение анализа и синтеза, но и их содержание. В первой — они самостоятельны, во второй — лишь моменты. В развитом диалектическом методе анализ и синтез теряют свою самостоятельность, низводятся до моментов, переходят и исчезают друг в друге. С одной стороны, анализ — уже не анализ, но еще и не синтез, он — исчезающий анализ. С другой стороны, синтез — уже не синтез, но еще и не анализ. Он — анализ, существующий в своем исчезновении.

Это очень важное положение диалектического метода также получило материалистическое обоснование, развитие и применение в «Капитале» К. Маркса. Действительно, для того чтобы обнаружить товар как начало экономических категорий капитализма, следовало разложить такие общие понятия, как капиталистическое государство, население, на различные определения (классы, капитал, наемный труд, деньги и т. д.). Данное разложение есть анализ. Но этот анализ есть в то же самое время обнаружение в товаре в зародыше всех этих определений, всех противоречий капиталистического способа производства, т. е. синтез. Обратное движение от товара есть выведение из него конкретных определений (анализ) и в то же время синтезирование

---

³⁴ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1973, т. 2, с. 146 — 147.

капиталистического способа производства как богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями.

Производство, распределение, обмен и потребление, взятые самостоятельно и как моменты процесса воспроизводства, далеко не одно и то же. В последнем случае они переходят и исчезают друг в друге. Примером существующего в своем исчезновении являются в высшей математике бесконечно малые величины. Как таковые они определены не до своего исчезновения, так как в этом случае они были бы конечными величинами, и не после своего исчезновения, так как в данном случае они ничто.

Единство исчезающих друг в друге моментов как нечто третье по отношению к ним есть *становление*. Становлением является само начало философии. Оно становится, поскольку ставшее есть уже не начало, а результат. Начало существует как непосредственно исчезающее в своей противоположности, в результате. Стороны становления существуют как исчезание. Но само становление имеется лишь благодаря разности сторон. Их исчезание есть исчезание разности, исчезание исчезания и, следовательно, исчезание самого становления, его *снятие*.

Снятие и *снятое* — важнейшие понятия диалектической логики, диалектического метода. Снятие означает *отрицание*, *удержание* и *возвышение* в одно и то же время в одном и том же отношении. Рассудочное мышление понимает отрицание как превращение отрицаемого в ничто. Диалектическая логика рассматривает отрицание чего-либо как его переход в *свое иное*, в *свое отрицательное*. В этом отрицательном отрицаемое сохраняется и удерживается. «Удерживать положительное в *его* отрицательном,

содержание предпосылки — в ее результате, это — самое важное в основанном на разуме познании...». ³⁵

Начало, взятое только как непосредственность, отрицает себя как опосредованное, и это отрицание является его определением. Отрицая опосредование, оно опосредуется этим отрицанием и, следовательно, определяет себя иным по отношению к себе. Начало как только всеобщее отрицает в себе особенное, и это отрицание также является его определением себя иным по отношению к себе. В отличие от конечного знания (формальной логики) определения здесь не присоединяются к началу внешним образом, а находятся в нем в себе и полагаются, развиваются им самим. «Этот столь же синтетический, сколь и аналитический момент *суждения*, в силу которого первоначальное всеобщее определяет себя из самого себя как *иное по отношению к себе*, — писал Гегель, — должен быть назван *диалектическим*». ³⁶

Определение себя иным по отношению к себе — это *первое отрицание*. Однако отрицательное определение есть не только опосредованное, но и опосредующее. Оно иное не чего-то такого, к чему оно безразлично, а такого, с которым оно соотносится как с моментом. Оно иное, иным которого является, т. е. иное иного. Таким образом, это определение содержит в самом себе свое собственное иное и является тем самым *противоречием*.

§ 4. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Категория «противоречие» является центральной категорией гегелевской и марксистской диалектики.

---

³⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1972, т. 3, с. 299.

³⁶ Там же, с. 296.

«... Противоречие, — писал Гегель, — не следует считать просто какой-то ненормальностью, встречающейся лишь кое-где: оно есть отрицательное в своем существенном определении, принцип всякого самодвижения, состоящего не более как в изображении противоречия. Само внешнее чувственное движение есть непосредственное наличное бытие противоречия».³⁷ Таким образом, то, что противоречие есть, обнаруживается уже чувственно, внешне, в движении, в котором в каждый данный момент нечто находится здесь и не здесь.

Непосредственное противоречие выступает и в таких определениях отношения, как верх и низ, правое и левое и т. д. Каждое из этих определений имеется лишь во внешнем отношении с другим. На этом уровне противоречие еще не является чисто диалектическим и характеризуется как утверждение об одном и том же взаимоотрицающих определений.

Однако представление, воспринимая противоречие непосредственно, не доходит до осознания его. Взаимоотрицающие определения сопоставляются лишь внешним образом. «Внешняя рефлексия сопоставляет эти два определения внешним образом и имеет в виду *лишь их*, а не [их] *переход*, который составляет суть и содержит противоречие».³⁸ Указать на стороны противоречия и охарактеризовать их — значит сделать еще очень мало для раскрытия противоречия. Обнаруженное как непосредственное, противоречие должно быть выведено, опосредовано, осознано как процесс. Это, собственно, и есть осознание диалектического метода в другом его определении.

Гегель решительно выступал не только против утверждения, что противоречие нельзя воспринять чувственно, но и против того,

---

³⁷ Гегель В.Ф.Г. Наука логики. М., 1971, т. 2., с. 66.

³⁸ Там же, с. 67.

что его нельзя мыслить. Он показал ограниченность, неистинность таких законов формальной логики, как законы тождества, непротиворечивости, исключенного третьего и достаточного основания.

Диалектическая логика отрицает рассудочное, абстрактное, пустое тождество. Тождество всегда есть единство с чем-то различным в самом себе, т. е. различие в самом себе и отрицание этой различенности. Оно тем самым есть абсолютное нетождество. Но, как подчеркивал Гегель, нетождество абсолютно, поскольку в себе оно соотносится только с собой и не содержит ничего из своего иного. Следовательно, оно абсолютное тождество с собой. Таким образом, в тождестве обнаруживается соотносящееся с собой *различие* как отрицание, как отличие себя от самого себя. Различие в тождестве распадается на *разность*, моментами которой являются соотносящиеся внешним образом тождество и само различие, одинаковость и неодинаковость. Разность развивается в *противоположность*, стороны которой начинают соотноситься друг с другом как иное друг друга, т. е. внутренне. Каждая из сторон развивается до противоположности и тем самым отрицает себя в самой себе. Противоположность переходит в отрицание отрицания, в противоречие, которое разрешается в *основание*. Последнее есть снятое противоречие или обогатившееся новыми определениями и возвратившееся в себя тождество.

Именно так рассматривал движение скрытого в товаре противоречия К. Маркс: «Тот простой факт, что товар имеет двойное существование, как определенный продукт, который в своей натуральной форме существования идеально содержит (в скрытом виде содержит) свою меновую стоимость, и как проявившаяся

меновая стоимость (*деньги*), которая, в свою очередь, утратила всякую связь с натуральной формой существования продукта, — это двойное *неодинаковое* существование должно развиваться дальше в *различие*, различие в *противоположность* и ... *противоречие*». ³⁹

Положение о противоречии как основе и сущности диалектического движения определяет содержание марксистской диалектики. Однако понимание Марксом противоречий и их разрешения существенно отличалось от гегелевского. У Гегеля противоречия явлений и процессов выступают как проявление противоречий опосредующей самое себя абсолютной идеи, чистого разума, чистой мысли. Маркс критикует Гегеля за то, что он выдает за действительные противоположности абстрактные моменты умозаключения, за то, что борьба противоположностей выступает у него лишь как борьба идей, результатом которой является их опосредование друг другом, примирение через снятие в новом тождестве.

Главную ошибку Гегеля он видит в том, что тот противоречие явления понимал как единство в сущности, в идее, тогда как его сущностью является существенное противоречие. ⁴⁰ Рассматривая последние, К. Маркс выделил два рода различий (противоположностей): различия *существования* и различия между *сущностями*. Первые существуют в пределах одной сущности, делая ее сущностью дифференцированной. Они есть не что иное, как различенное определение сущности. В качестве примера таких различий К. Маркс приводит Северный и Южный полюсы, сущность которых тождественна, поскольку оба они являются полюсами. Вторые различия есть непримиримые крайности. Положение их неодинаково. Одна имеет значение истинной

---

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 89.

⁴⁰ См. там же, т. I, с. 324

действительности и берет верх над другой в процессе бескомпромиссной борьбы.⁴¹ Так, в пределах антагонизма между имущим классом и классом пролетариата «частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение».⁴² Уничтожив этот антагонизм, пролетариат уничтожает частную собственность и себя как обусловленную этой собственностью противоположность.

Идеалистическая система, идеалистическая диалектика Гегеля, тезис об опосредовании и примирении противоречий объективно открывали широкие возможности для оправдания действительности и отказа от революционной практики. К. Маркс подверг беспощадной критике как объективную основу этих утверждений, так и попытки извращений сущности диалектического метода. Он подчеркивал, что основой и сущностью действительного движения являются действительные противоречия. Разрешение этих противоречий предполагает не примирение противоположностей, а обострение их борьбы. В социальной области разрешение антагонизмов предполагает не только борьбу идей, но и революционную практику. «Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие».⁴³

Противоречие, как и любая другая категория, любой предмет и его определение в своем движении, проходит три ступени. В

---

⁴¹ См. там же, с. 321 – 322.

⁴² Там же, т. 2, с. 39.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, с. 606.

начале оно выступает целым как непосредственное тождество (тезис), затем это тождество, различенное внутри себя, распадается на взаимозависимые, но еще лишь внешним образом соотносящиеся стороны (антитезис). Далее это внешнее соотношение разворачивается во внутреннее диалектическое единство противоположностей, целое как снятое противоречие (синтез). Оно снимается, успокаивается в новом тождестве как результате своего трехступенчатого движения. Но этот результат содержит снятое противоречие в себе и тем самым содержит в себе зародыш своего разложения, своего самодвижения. Будучи результатом одного этапа движения, снятое противоречие является в то же время началом нового этапа. Всякий новый этап является опровержением истинности результата, полученного на предыдущем этапе.

Трехступенчатость движения саморазвертывания определенной является важным принципом гегелевского метода. Как уже говорилось, вся его философская система состоит из трех частей: «Науки логики», «Философии природы», «Философии духа». «Наука логики» включает в себя учение о бытии, учение о сущности, учение о понятии. В учении о бытии выделяются три раздела: качество, количество, мера; в разделе качество — три главы: бытие, наличное бытие, для-себя-бытие и т. д. и т. д.

К. Маркс высмеивал гегелевское триадическое «кувыркание» соотносящегося с собой чистого разума, но он не отрицал содержательности и значимости трехступенчатости в познании объективной действительности.⁴⁴ Недобросовестные критики обвиняли К. Маркса в догматическом использовании триадической гегелевской формулы, в насильственном втискивании в нее экономической действительности.

---

⁴⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 130 – 132.

Несостоятельность этой критики и истоки ее несостоятельности были определены еще Ф. Энгельсом, В. И. Лениным, Г. В. Плехановым.⁴⁵ Не втискивание действительности в априорные формулы, а открытие и раскрытие объективных законов капитализма — вот что определяет содержание «Капитала». И если исследование этих законов подтверждает один из рациональных принципов материалистической диалектики, то это — свидетельство ее жизненности.

§ 5. АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ

Познание движется от простых определений к сложным, от абстрактного к конкретному. «Это движение вперед определяет себя прежде всего таким образом, что оно начинает с простых определенностей и что следующие за ними определенности становятся все *богаче* и *конкретнее*. Ибо результат содержит свое начало, и движение этого начала обогатило его новой определенностью ... На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя».⁴⁶

Принцип движения и восхождения при разворачивании логической системы от абстрактного к конкретному впервые в философии был выдвинут и реализован Гегелем. На первый взгляд он противоречит действительному движению познания от чувственно воспринимаемого конкретного предмета к всеобщим

---

⁴⁵ См. там же, т. 20, с. 133 – 140; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 147; Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. М., 1956, т.1, с. 694 – 700.

⁴⁶ Гегель В.Ф.Г. Наука логики, т. 3., с 306 – 307.

абстрактным определениям. Однако это не так. К. Маркс высоко оценил данный принцип гегелевской диалектики и, освободив его от идеалистических извращений, блестяще использовал при исследовании движения капиталистических производственных отношений и разработке системы экономических категорий и законов капитализма.

Вместе с тем он решительно выступил против гегелевского понимания чувственно-конкретного, реального как порождения идеального. Он подчеркивал, что «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного».⁴⁷

По Гегелю, конкретным является предмет во всей полноте его чувственных и мысленных определений. Опускание этих определений он называет абстрагированием, результатом которого является менее определенный, или абстрактный, предмет.⁴⁸ Таким образом, достаточно опустить одно из образующих полноту определений предмета, как он из конкретного превращается в абстрактный. Когда же мы абстрагируемся от всех определений чувств и мыслей о предмете, то остается что-то совершенно пустое, формальная мысль, или голая абстракция. Гегель подчеркивал, что «философии вообще совершенно нечего делать с голыми абстракциями или формальными мыслями, она занимается лишь конкретными мыслями».⁴⁹

Итак, следует различать абстракции формальной и диалектической логики. Среди последних можно выделить следующие.

---

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 727.

⁴⁸ Гегель В.Ф.Г. Работы разных лет, т. 2, с. 11

⁴⁹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 210.

Во-первых, абстракции как *нечто определенное*, нечто конкретное, но *в себе*, т. е. соотносящееся только с собой. Такими абстракциями являются, например, бытие в себе, сущность как таковая, созерцание и мышление вообще (абстрактное мышление).

Во-вторых, абстракции как *одностороннее определение* предмета, независимо от того, получены ли эти определения опусканием всех других или сведением, растворением их в одном. Выделение какого-либо свойства, какой-либо стороны предмета превращает в абстракцию не только эту сторону, но и сам предмет, лишенный полноты своих определений.

В-третьих, абстракции как *нечто менее определенное по отношению к более определенному*. Так, становление есть первое конкретное определение, первая конкретная мысль. Его результатом является ставшее, т. е. наличное бытие. В этом отношении первое — абстрактно, второе — конкретно. В свою очередь, наличное бытие становится определенным бытием, нечто. По отношению к нечто оно абстрактно и т. д.

Таким образом, граница между конкретным и абстрактным подвижна. Предмет в одном отношении может быть определен конкретным, в другом — абстрактным.

В самом конкретном как полноте определений чувств и мыслей Гегель выделяет объективное, чувственно-конкретное, и субъективное, мысленно-конкретное. Истинно конкретное является, следовательно, единством чувственно-конкретного и мысленно-конкретного. Последние как таковые суть абстракции. Как моменты единого, они — противоположности, взаимопроникающие, полагающие и отрицающие друг друга. Диалектика конкретного, данного в чувствах, и конкретного, данного в мыслях, такая же, как и рассмотренная выше диалектика анализа и синтеза.

Материалистически определяя содержание абстрактного и конкретного, К. Маркс в целом не отрицал научной и практической значимости тех выводов относительно их движения и соотношения, к которым пришел Гегель. По Марксу, абстракция — это прежде всего отражение в форме мысли того содержания, которое уже заключается в объективно существующих вещах.⁵⁰ Степень полноты этого отражения может быть разной.

К. Маркс широко использовал в своих исследованиях абстракции «соотносящегося только с собой», «простого», «в себе». Таковы «производство вообще», «простой капитал», «деньги как капитал в себе», «кризис в возможности» и др.⁵¹ Абстракциями Маркс считал одностороннее определение конкретного и относительно бедные определения ступени познания объективной действительности.⁵²

Говоря о конкретном, К. Маркс различает конкретное как

---

⁵⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 180.

⁵¹ См. там же, т. 12, с. 711; т. 26, ч. II, с. 566; ч. III, с. 494; т. 46, ч. I, с. 264, 377, 436 – 437.

⁵² См. там же, т. 12, с. 727.

реально существующее, данное в представлении, и конкретное как продукт мышления: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления».⁵³

Истинно конкретное и по Марксу есть познанное посредством чувств, созерцания, представления, мыслей, понятий и преобразованное в результате практики, практической деятельности объективное. Таким образом, у К. Маркса истинно конкретное есть единство объективно существующей реальности и реализованного в результате практической деятельности общества знания о ней. Диалектическое, а не только формально-логическое понимание абстрактного и конкретного вполне согласуется с положением К. Маркса о познании как движении от хаотического представления о целом к целому как богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями.

Действительно, сказать, что познание начинается с чувственно-конкретного, все равно, что сказать — оно начинается с абстракции действительно конкретного. Заявить, что оно движется затем к абстрактному мышлению, все равно, что сказать — оно движется к мысленно-конкретному как моменту действительно-конкретного, т. е. это движение от одного конкретного в себе к другому как моментам единого. Движение это в целом может быть представлено в следующем виде: объективно существующее конкретное как конкретное в себе (абстракция, хаотическое представление о целом) — раздвоение единого на чувственно-конкретное (одностороннее определение, абстракция) и мысленно-конкретное (то же самое) — единство первого и второго моментов как результат теоретического и практического

---

⁵³ Там же.

знания, практической деятельности (истинно конкретное, целое в полноте своих чувственных и мысленных определений). Это как раз то диалектическое «раскрытие абстрактных противоположностей во всей их несостоятельности, причем как только собираешься удержать лишь одну сторону, так она незаметно превращается в другую и т. д.». ⁵⁴

Чувственно воспринимаемое как первое определение конкретного всегда беднее последующих определений. Непосредственное чувственное сознание, поскольку оно так же и мыслит, всегда начинается с самых простых абстракций. Другого пути, другого способа познания целого во всем богатстве его определений нет.

На наш взгляд, глубоко заблуждаются те авторы, которые считают, что движение от абстрактного к конкретному — это движение от сущности к явлению и что именно такое восхождение имеет место в «Капитале» К. Маркса. ⁵⁵ Сущность не лежит на поверхности, она опосредована бытием, является его истиной и, следовательно, конкретна. С сущности непосредственно нельзя начать восхождение, поскольку до нее еще надо добраться.

Итак, диалектическое развитие есть движение от абстрактно-всеобщего к конкретно-всеобщему. Это трехфазное движение: бытие — сущность — понятие. Понятие такого движения находит выражение в понятии бытия, понятии сущности и понятии понятия.

Под понятием в формальной логике имеется в виду простая форма мышления, или абстрактное, общее представление, полученное рассудком из наглядных представлений.

В идеалистической диалектической логике Гегеля «понятие следует рассматривать как форму, но как бесконечную, творческую форму, которая заключает в самой себе всю полноту всякого содержания и служит вместе с тем его источником. Можно также

---

⁵⁴ Там же, т. 38, с. 176; см. также: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 384.

⁵⁵ Шевцов И. С. Вопросы методологии в «Капитале» К. Маркса. Казань, 1977, с. 37—38; Нарский И. С. Вопросы диалектики познания в «Капитале» К. Маркса. М., 1959, с. 342.

называть понятие абстрактным, если под конкретным понимать лишь чувственное конкретное и вообще непосредственно воспринимаемое; понятие как таковое нельзя ощупать руками, и мы должны вообще оставить в стороне слух и зрение, когда дело идет о понятии».⁵⁶ Если обратиться к «Капиталу», то понятию здесь соответствует экономическая форма, при анализе которой «нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции».⁵⁷ Восприятию, представлению всегда соответствует чувственно-конкретное, идеальными образами которого они являются. Понятие же, как правило, не имеет такого прообраза. Существует реальный, *конкретный* товар, но нет чувственного аналога понятию товара или капитала *вообще*.

Понять предмет означает осознать его понятие. Узнать, что такое понятие в диалектической логике или что такое капитал как понятие, значит проследить их движение от абстрактно-всеобщего до конкретно-всеобщего.

В соответствии с трехфазным движением Гегель различает понятия в сфере бытия, которые он называет *категориями*, в сфере сущности, которые есть *определения рефлексии*, и в сфере понятия — *собственно понятия*. Категории как определения бытия просты, они являются «понятиями в себе». Определения сущности — сложнее, конкретнее. Они представляют собой «положенное понятие». Понятие же в сфере понятия как единства бытия и сущности является их истиною. Здесь оно находится в своей сфере, оно истинное понятие, «в-себе—для-себя понятие». Таким образом, в диалектической логике Гегеля, в отличие от логики формальной, понятие содержательней категории.

---

⁵⁶ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 342.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

Конечно, вопрос о терминах — не главный в науке. Можно все определения мысли называть категориями, однако нельзя не видеть различий в характере определений и их движения в различных сферах. В сфере бытия движение есть *становление, переход в другое*. Определения здесь как таковые есть непосредственное соотношение с иным вообще. Одно нечто соотносится с другим нечто и переходит в другое, качественно отличное от него нечто. В сфере сущности движение есть ее *соотношение с самой собой* как со своим отрицанием внутри самой себя. В процессе этого движения, которое является процессом ее определения, сущность не переходит в другое, а соотносится сама с собой как менее глубокая с более глубокой, как сущность первого порядка с сущностью второго, третьего и т. д. порядка. Движение в сфере понятия есть *развитие*, а определенности этой сферы — отличие *единичного, особенного и общего*. Движение в сфере бытия, конечно, тоже является развитием, но оно — лишь развитие в себе. В сфере сущности оно есть в себе и для иного. И только в сфере понятия оно — «движение в-себе — для-себя», т. е. собственно развитие. «Переход в другое, — писал Гегель, — есть диалектический процесс в сфере *бытия*, а видимость в другом есть диалектический процесс в сфере *сущности*. Движение *понятия* есть, напротив, *развитие*, посредством которого полагается лишь то, что уже имеется в себе».⁵⁸

В качестве примера такого диалектического процесса Гегель приводит развитие растения из своего зародыша — зерна. Примером такого процесса в «Капитале» является исследованное К. Марксом развитие форм стоимости. «Простая, или единичная, относительная форма стоимости товара делает другой товар единичным эквивалентом. Развернутая форма относительной стоимости, — это выражение стоимости товара во всех других товарах, — придает последним форму разнообразных особенных эквивалентов. Наконец, один особенный вид

---

⁵⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1. С. 343.

товара получает форму всеобщего эквивалента, потому что все другие товары делают его материалом для своей единой всеобщей формы стоимости».⁵⁹

Всеобщность, особенность и единичность суть моменты субъективного понятия. Они содержат в себе друг друга и не могут быть обособлены. Взятые абстрактно, они перестают быть всеобщностью, особенностью и единичностью.

Известно, что К. Маркс отличал способ исследования от способа изложения, хотя и считал это отличие формальным. Нельзя, однако, согласиться с М. М. Розенталем, который считает эти отличия существенными. Он утверждает, что у К. Маркса исследование представляет движение мысли от конкретного к абстрактному и от абстрактного снова к конкретному, познанному уже на новой, высшей основе. Что же касается изложения системы в «Капитале», то здесь преобладает движение от абстрактного к конкретному.⁶⁰ За пределами «Капитала» остались, таким образом, движение от чувственно-конкретного реального предмета, выведение товара как абстракции капиталистического способа производства, как начала системы экономических категорий и законов капитализма.

С утверждением М. М. Розенталя нельзя согласиться потому, что оно, во-первых, противоречит самому понятию диалектического метода вообще, во-вторых, не соответствует самому содержанию «Капитала» и, в-третьих, находится в несоответствии с заявлениями самого К. Маркса, который подчеркивал, что в своем исследовании он отправляется не от абстракций, а от реальных непосредственно данных фактов капиталистической действительности.

В диалектическом движении не может быть восхождения от абстрактного к конкретному, которое в то же время не было бы

---

⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 77

⁶⁰ Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967, с. 427.

возвращением конкретного к самому себе. Содержание «Капитала» было бы значительно обеднено, если бы оно было подчинено только задаче изложения готового материала. В «Капитале» представлен *и метод исследования движения капитализма, и само это движение, и метод изложения в их диалектическом единстве.*

Формальное отличие способа изложения от метода исследования заключается, в частности, в том, что здесь опускается многообразное, несущественное, случайное, с которым встречается исследователь целого как непосредственно данного, что само изложение в силу неприспособленности форм предложений, суждений, формально-логических доказательств для выражения диалектического процесса является в определенной степени его огрублением.

Восхождение от чувственно-конкретного к истинно-конкретному, которое есть в то же время восхождение от абстрактного к конкретному, нельзя представлять упрощенно. В большинстве случаев исследователь располагает определенным результатом как суммой знаний, полученных его предшественниками. Ему нет необходимости начинать каждый раз с нуля. В развитой системе наук, как об этом уже говорилось, результат одной есть начало другой. Наука логики, например, по Гегелю, имеет дело с чистым знанием как результатом развития, предшествовавшего логическому. Наука логики поэтому может и должна начать с этого чистого знания, не опускаясь до знания непосредственного вообще, хотя Гегель никогда не отрицал, что познание вообще начинается с непосредственного знания.⁶¹

§ 6. ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЛОГИЧЕСКОЕ

Большой заслугой Гегеля в разработке диалектического метода является исследование им проблемы соотношения исторического и

---

⁶¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики, т. 3, с. 22.

логического. Впрочем, для него, исходившего из тождества мышления и бытия, здесь никакой проблемы нет. Действительно, логическое у Гегеля — это абсолютная идея, осуществляющая свое движение в стихии чистой мысли. Выходя за пределы этой стихии, абсолют превращается в природу, которая не имеет истории, не развивается во времени, а только в пространстве. В своем дальнейшем движении, отрицая себя как природу, т. е. отрицая первое отрицание, абсолютная идея возвращается в сферу чистой мысли как абсолютный дух, который приходит к самопознанию. Реальная история человечества, история развития мысли, познания, есть, таким образом, отблеск развивающегося абсолютного духа, как возвращающейся к себе абсолютной идеи. Историческое и логическое поэтому тождественны.

Это находит выражение в совпадении развертывания логического и исторического как истории мысли, истории философии. Логика, по Гегелю, начинается с того же, с чего начинается история, и последовательность этапов их поступательного движения совпадает. История философии являет нам различные философские системы, в основе которых лежит особая дефиниция абсолютной идеи. В то же время каждая философская система, если она действительно заслуживает этого звания, является формой различных ступеней развития логической идеи. «Подобно тому как развитие логической идеи, — утверждал Гегель, — оказывается движением от абстрактного к конкретному, так и в истории философии наиболее ранние системы суть также наиболее абстрактные и, следовательно, вместе с тем и наиболее бедные системы. Отношение между более ранними и более поздними философскими системами в общем такое же, как между предшествующими и последующими ступенями логической идеи, а именно последующие ступени содержат в себе предшествующие как снятые».⁶²

---

⁶² Гегель В.Ф.Г. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 218.

Сказанное относительно соотношения логического и исторического дает основание для ряда интересных выводов.

Из тождества логического и исторического следует важный принцип единства логики, диалектики и теории познания, который был воспринят К. Марксом и развит на материалистической основе в «Капитале». Об этом писал В. И. Ленин, подчеркивая, что «в „Капитале" применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед».⁶³

Имея в виду данное единство и говоря о тождестве логического и исторического, следует в то же время различать соотношение развивающегося объекта с мыслью о нем, оформившейся в виде логической конструкции или системы, соотношение этого объекта с историей мысли о нем, представленной в виде различных научных систем, и соотношение истории науки об объекте с системой знаний о нем, претендующей на истинную.

Совпадение логического и исторического является важным критерием систематизации категорий, построения научной системы. Правда, у идеалиста Гегеля история должна соответствовать логике, парящей в эфире чистой мысли. К каким извращениям действительного исторического процесса в области политической экономии приводит реализация этого принципа идеалистической диалектики, К. Маркс показал в своей работе «Нищета философии» на примере надуманных конструкций Прудона.⁶⁴

У К. Маркса, как отмечал Ф. Энгельс, логический метод «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и

---

⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

⁶⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 129 – 133.

ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы». ⁶⁵

Последнее следует особенно подчеркнуть. Тождество логического и исторического отнюдь не предполагает их абсолютного совпадения. Было бы ошибочным всегда брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически возникли или в которой играли исторически решающую роль. Деньги, например, исторически существовали раньше капитала. Они и логически предшествуют капиталу как менее богатая по своему содержанию категория. В данном случае ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу. Земельная рента также возникла раньше капитала. Казалось бы, и она должна быть рассмотрена раньше него. Однако логически раскрыть содержание капиталистической земельной ренты можно только после того, как раскрыто содержание капитала.

В целом и основном последовательность экономических категорий в «Капитале» «определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития». ⁶⁶ Исходя из этого высказывания К. Маркса, некоторые советские ученые делают вывод об ошибочности утверждения о совпадении форм движения мысли с формами движения предмета. ⁶⁷ С

---

⁶⁵ Там же, т. 13, с. 497.

⁶⁶ Там же, т. 12, с. 734.

⁶⁷ Столяров В. И. Диалектика как логика и методология науки. М., 1975, с. 117—118.

нашей точки зрения, этот вывод столь же односторонен, сколь и абсолютизация тождества логического и исторического. Что же касается данного положения К. Маркса, то, раскрывая его содержание, следует иметь в виду не только общие принципы диалектического метода вообще, но и специфическую логику специфического предмета, о котором здесь идет речь.

Если говорить о политической экономии в широком смысле слова как науке, изучающей законы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества, то здесь логическое, как формы мысли о закономерности и последовательности смены одной общественно-экономической формации другой, совпадает с действительным историческим процессом. Если сравнивать последовательность возникновения общих экономических категорий в этом историческом процессе с последовательностью их рассмотрения в политической экономии капитализма, то совпадение исторического, выходящего за пределы капиталистического способа производства, с логическим в его границах мы не обнаружим. Дело в том, что капитализм снимает предшествующий ему исторический процесс с его категориями и законами не по-гегелевски (путем примирения противоречий), а путем революционного взрыва. В противном случае экономические законы и категории этого способа производства были бы действительно вечными. «Так как, далее, — писал К. Маркс, — буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде, как, например, общинная собственность. Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономики заключают в себе какую-то истину для **всех** других общественных форм, то это надо принимать лишь с известной

оговоркой. Они могут содержать в себе эти последние в развитом, в искаженном, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде».⁶⁸ Взрывая предшествующий способ производства, капитализм погребает под его обломками многие экономические категории, существенно меняет содержание и порядок оставшихся. Главное же заключается в том, что возникает новый субъект — буржуазное общество, которое творит новую историю — историю капитализма. В границах этой истории логическое и историческое в основном и в целом совпадают. Об этом свидетельствует все содержание «Капитала».

Отвергая идеалистическое «исправление» истории на основе гегелевских логических конструкций, К. Маркс в то же время обращал внимание на то, что исторический процесс смены общественно-экономических формаций есть движение от простого к сложному, от низшего к высшему. Категории относительно высшего способа производства, его организации дают возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех предшествующих, отживших способов производства и тем самым правильно понять историю общественного развития. От низшего к высшему и от него снова к низшему — таково возвращающееся к себе диалектическое движение познания действительного объекта и действительного исторического процесса.

Что касается соотношения развивающегося объекта с историей науки о нем, то К. Маркс считал, что и здесь имеются определенные параллели. Подтверждение этому он видел в последовательности возникновения различных научных систем в буржуазной политической экономии, содержание которых соответствовало определенным этапам зрелости капитализма. Зрелая научная система не может возникнуть раньше, чем возникает ее зрелый предмет. К. Маркс не отрицал

---

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 732.

определенных достижений тех школ буржуазной политической экономии, представители которых пытались добросовестно исследовать объективные явления и процессы становления и развития капитализма. Беспощадно разоблачая апологетические вульгарные буржуазные теории, К. Маркс видел прогрессивное развитие науки в целом. «Его учение, — писал В. И. Ленин, — возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма».⁶⁹

Рассматривая историю философии, последовательную смену философских систем как движение от абстрактного к конкретному, от простого к сложному. Гегель считал свою систему преемницей всего лучшего, что было создано до него в философии. От своих предшественниц она отличается не только полнотой, поскольку имеет их в себе в качестве снятых, но и тем, что в ней истина, наконец, познает самое себя и становится абсолютной. Таким образом, вопреки диалектическому методу, движение, развитие, процесс познания истины объявлялись завершенными.

§ 7. ИСТИНА

Гегель утверждал конкретность истины в том смысле, что она является единством различного, противоположностей, она всегда определена. Так, истиной чистого бытия и ничто является становление, истиной качества и количества — мера, истиной сущности и явления — действительность, и т. д.

Истина, по Гегелю, объективна, конечно, в его идеалистическом понимании объективности. Объективной истиной является сама абсолютная идея, стремящаяся познать самую себя. Самопознающаяся идея есть саморазвертывающаяся истина. Гегель решительно выступает

---

⁶⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 23, с. 40.

против понимания истины как чего-то застывшего, как только готового результата. Она есть движение, процесс. Каждая ступенька в познании абсолютной идеи самой себя обладает относительной истиной, и, следовательно, относительно неистинна. Истинное и ложное и исключают, и предполагают друг друга. В истинном содержится момент ложного, а в ложном — момент истинного. Лишь в конце движения абсолютная идея полностью познает себя как абсолютную.

В соответствии с триадической формулой движения развертывание понятия истины проходит три ступени. На уровне рассудочного мышления истина понимается как согласие представления о вещи с ней самой. Определенная таким образом, она — лишь истина в себе, или *правильность*. Например, определение капитала только как стоимости, способной к самовозрастанию, правильно, но не истинно. Вторым понятием истины является соответствие вещи своему понятию. Если, например, государство не соответствует понятию о нем, то оно плохое, неистинное государство. Истина на этой стадии своего развертывания называется *достоверностью*. На уровне разумного мышления истина означает не только согласие некоторого предмета с внешним ему понятием о нем, а согласие некоторого содержания с самим собой. Все конечные вещи имеют в себе неистинность, поскольку их существование не соответствует их понятию всеобщего, бесконечного. Такие вещи в конце концов погибают. Каждый человек смертен, человечество же как род, как всеобщность — вечно. Истинным признается содержание, поскольку оно опосредовано не чем-либо другим, не ограничивается им, а опосредуется самим собой и, таким образом, в одно и то же время есть опосредование и непосредственное соотношение с самим собой. «Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее».⁷⁰

---

⁷⁰ Гегель. Соч., т. IV, с. 3.

Отдавая должное гегелевскому учению о понятии истины, ее объективности, конкретности, относительности, марксизм решительно отвергает претензии какой-либо системы на абсолютную завершенность, полное познание абсолютной истины. Как бесконечен объективный мир, так бесконечно его познание. «... Понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой самой действительности».⁷¹ Критерием истины марксизм считает практическую деятельность людей, практику.

---

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 354.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ЗАКОН

§ 1. МЕСТО ЗАКОНА

В СИСТЕМЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

В диалектической логике определить что-либо, в том числе и закон, — значит вывести его, указать его место в системе. На необходимость выведения, обоснования категорий, законов и понятий указывали К. Маркс и В. И. Ленин. «...У Маркса,— подчеркивал Ф. Энгельс, — вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений».⁷² «Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция».⁷³

В философской системе Гегеля закон обнаруживает себя и в сфере чистой мысли — логике, и в природе, и в «абсолютном духе». (При этом следует еще раз подчеркнуть, что законы диалектики не выведены Гегелем из природы и истории, а навязаны им как законы мышления.) В логике впервые закон обозначает себя как одно из определений сферы сущности на той стадии ее самодвижения, саморазвертывания, когда сущность являет себя. Он впервые рассматривается в «Науке логики» как *закон явления*. В книге второй «Науки логики», где излагается учение о сущности, насчитывается 27 ее иерархических определений, каждое из которых в своем движении проходит определенные стадии. Закон явления — ее тринадцатое определение. Таким образом, в логической системе Гегеля закон вначале можно определить как сущность тринадцатого порядка.

---

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I. с. 16.

⁷³ Там же, т. 20, с. 634 – 635.

Четкое определение места закона в логической системе позволяет сделать ряд важнейших выводов. Для его характеристики не могут быть использованы определения сферы непосредственного бытия. Нельзя, например, говорить о качественной и количественной определенности закона, как нельзя говорить о качестве сущности. Закон во всеобщей форме выражает определенные количественные отношения, но сам он количественно не определен. О законе нельзя сказать, что он уменьшается или увеличивается, что его имеется больше или меньше. Как определение сферы сущности, он, конечно, содержит в себе все определения сферы непосредственного бытия, но в снятом виде.

Обозначение закона в системе дает возможность уточнить его соотношение с другими элементами этой системы, в частности, с категориями и понятиями. Материалистически читая «Науку логики», В. И. Ленин подчеркивал гегелевскую мысль о том, что «понятие *закона* есть **одна** из ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса». ⁷⁴ Таким образом, если рассматривать категории как «существенное, типическое во всем многообразии содержания», ⁷⁵ как ступеньки выделения, т. е. познания мира, как узловые пункты в сети явлений природы, помогающие познавать ее и овладевать ею, то следует признать, что категория, закон и понятие отличаются друг от друга лишь как более сложное от менее сложного.

В. И. Ленин положительно оценивал борьбу Гегеля как с упрощением понятия диалектического закона, так и с его абсолютизированием, фетишизированием. Закон есть лишь одно из определений, или определенная ступенька, в движении и познании. «...Если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с

---

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 135.

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 55.

бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение».⁷⁶

Ответ на поставленный вопрос предполагает различие категорий и законов как определений логики формальной и логики диалектической. Первая, как об этом уже говорилось, является необходимой ступенью познания. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, — писал В. И. Ленин, — не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия. И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей».⁷⁷

Категории, законы, понятия формальной логики, изображающие движение только как остановку или как простой количественный рост, как простое повторение, мертвы, статичны.

Категории, законы, понятия диалектической логики, выражающие движение как скачок, как перерыв непрерывности, как единство противоположностей, подвижны, гибки, динамичны. В противном случае они были бы неистинными, не способными переходить друг в друга. «Ведь само собой разумеется, — писал Ф. Энгельс, — что, когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования».⁷⁸

Важной характеристикой категорий, законов, понятий является их отношение к субъекту познания. Выше уже говорилось о проблеме

---

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

⁷⁷ Там же, с. 233.

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 16.

объекта и субъекта в диалектической логике Гегеля и марксистской диалектике. Конечно, марксистское понимание объективности законов принципиально отличается от гегелевского. «У Гегеля, например, — совершенно справедливо отмечает Г. И. Ойзерман, — законы диалектики считаются внешними, так как они присущи лишь онтологически интерпретируемому (субстанционализированному) мышлению. Что же касается материальных (отчужденных) по гегелевским представлениям процессов, то они не носят, согласно Гегелю, диалектического характера. Потому мы имеем основание утверждать, что лишь благодаря диалектическому материализму диалектический процесс, законы диалектики были поняты как действительно всеобщие».⁷⁹

§ 2. ПОЗНАНИЕ ЗАКОНА

Познание закона начинается с признания его объективности как чего-то внешнего по отношению к субъекту. Однако это, согласно диалектической логике, лишь одна сторона познания. Оно не пассивно, а деятельно. Закон используется, и использование его есть создание условий обязательного наступления желаемого результата или предотвращения нежелательного. Закон, взятый лишь как внешнее по отношению к субъекту, — только объективен, а точнее, объективен только как вещь в себе. Закон же, взятый лишь как мысленное определение, — только субъективен, идеален.

Но диалектический процесс познания как целое является единством познания теоретического и практического. Человек познает в той мере, в какой он изменяет внешнее, действуя на него, в какой он изменяется, подвергаясь воздействию внешнего. Закон познается в такой же степени, в какой он используется, и наоборот. Процесс

---

⁷⁹ Вопросы философии, 1982, № 5, с. 34.

познания бесконечен, но в итоге, в тенденции он есть слияние объективного и субъективного как истины закона.

Познание закона предполагает исследование его бытия, сущности и их единства — понятия. (Во избежание недоразумения следует различать непосредственное бытие, бытие в сфере сущности и бытие в сфере понятия.) Закон не явствует сам по себе как первая непосредственная определенность или качество, он скрыт, закутан в явление. Необходимо подчеркнуть, что, говоря о явлении, Гегель различал явление сущности и явление, лишенное сущности. Последнее есть непосредственное бытие. Закон никогда не является непосредственностью как таковой. Чтобы добраться до закона, надо, пройдя сферу непосредственного бытия, спуститься в сферу сущности и подняться в ней до явления сущности. Закон как постоянное в явлении существует только благодаря *постоянному изменению* явления. Вне этого изменения закона нет. За днем следует ночь, за ночью — день, за зимой — весна, за весной — лето, за летом — осень, за осенью — зима и так постоянно. В этом постоянстве изменения, которое есть *закономерность*, и проявляется закон. Существующее— это вещь, обладающая многими свойствами, каждое из которых тоже вещь. Таким образом, вещь есть единство единообразного и многообразного. В одно и то же время в одном и том же отношении она — единство и множество, т. е. противоречие. В результате разрешения этого противоречия и образуется закон. Как постоянный образ изменяющегося явления, он вначале обнаруживает себя в закономерности, которая, следовательно, есть форма его проявления. Установление ее дает возможность напасть на след закона, открыть его. Этого можно достичь опытным путем. Наблюдая закономерность смены дня ночью, и наоборот, можно утверждать, что ее основанием является закон. Но для познания этого закона требуется не только его

открытие, но и *раскрытие*, опосредование, исследование его сущности и понятия.

Исследовать закон — значит определить те чистые, существенные условия, при которых происходят изменения явления. Так, чистыми условиями постоянной смены времен года и суток является обращение Земли вокруг Солнца и вращение ее вокруг собственной оси. Исследование чистых условий изменения есть исследование *сущности* закона, которая состоит в неразрывном единстве, в необходимой внутренней связи различных определений.

«Получается, — писал Гегель, — некоторый *второй закон*, содержание коего противоположно тому, что прежде было названо законом, т. е. постоянному, остающему себе равным различию; ибо этот новый закон выражает, напротив, то, что одинаковое становится неодинаковым, а неодинаковое — *одинаковым*. Понятие ждет от безмыслия, что оно сведет вместе оба закона и осознает их противоположение».⁸⁰ Действительно, определив себя как чистые условия изменения, закон тем самым впустил в себя или положил в самом себе эти изменения. Тем самым он подверг себя как постоянного в явлении отрицанию. Изменяющееся явление имеет место потому, что есть его закон, но последний есть потому, что имеется изменяющееся явление. В одно и то же время, в одном и том же отношении закон есть основание явления и основанное им. Он развивается до противоречия и снимает себя.

Итак, познание диалектического закона необходимо предполагает исследование его как процесса, как движения. Определение Гегелем закона как движения и противоречия, критически переработанное и развитое марксизмом на принципиально новой основе, является одним из важнейших положений материалистической диалектики.

---

⁸⁰ Гегель. Соч., т. IV, с. 85.

Рассмотрим, как происходит движение, изменение, развитие диалектических законов. При этом следует различать их движение как *одного* из определений сущности, движение в процессе развертывания определений сущности в *пределах ее сферы* и движение в сфере *понятия*.

§ 3. ДИАЛЕКТИКА ЗАКОНА

Закон как одно из определений сущности не пребывает в покое. Будучи диалектическим процессом своего самоопределения, он в своем движении проходит три ступени. Вначале он есть результат разрешения противоречия «вещи», противоречия между ее единством и многообразием ее свойств. Как таковой он — успокоившееся, ставшее равным себе различие, положительное тождество, закон в себе, основа явления, безразличная, равнодушная к самому явлению. Закон вначале есть *постоянный образ* изменчивого явления. Определение закона как прочного (остающегося), идентичного в явлении, как спокойного отражения явлений отмечено В. И. Лениным в его конспекте «Науки логики». ⁸¹ Это определение закона просто, поскольку он лишь в себе, в потенции. Он открыт, но не раскрыт, не положен. Он еще лишен момента отрицательности и, следовательно, самодвижения.

Поскольку закон есть тождество, в нем различаются стороны этого тождества. Поскольку же эти стороны различаются, постольку они разные. Закон, таким образом, приобретает не-достававший ему момент отрицательности. Внутреннее различие его разных сторон развивается далее во внешнее соотношение закона и его иного — явления как такового. В этом определении закон не просто основа, а основание явления. Он не безразличен к явлению, а определяет его и определяется им. Он есть существенное явление в отличие от несущественного. Таким образом, явление помимо закона как существенного в нем содержит и несущественное. Следовательно, оно

---

⁸¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 136.

богаче закона. Это новое определение закона также было отмечено В. И. Лениным.⁸²

Затем стороны закона развиваются в противоположности. Каждая из них утверждает свою самостоятельность через отрицание самостоятельности другой. В то же время они одно и то же. Таким образом, каждая из сторон закона утверждает свою самостоятельность через отрицание своей самостоятельности. Закон поэтому есть противоречие, которое разрешается в существенное отношение.⁸³

Таким образом, как *одно* из определений сущности закон явления последовательно определяет себя и как прочное, спокойное, остающееся в явлениях, и как причинно-следственную связь разных сторон явления, и как взаимодействие этих сторон, их диалектическое единство, прочное и непрочное, остающееся и исчезающее, спокойное и беспокойное в одно и то же время в одном и том же отношении, т. е. как противоречие. Последнее определение как развертывание первых двух содержит их в самом себе в снятом виде. Оно поэтому наиболее полное, богатое, конкретное.

Примером движения и диалектического познания закона как одного из определений сферы сущности является исследование К. Марксом в «Капитале» экономического закона тенденции нормы прибыли к понижению. Вначале этот закон рассматривается как таковой, затем — в соотношении с противодействующими ему внешними факторами и, наконец, исследуется развитие внутренних противоречий закона.⁸⁴ Это — движение закона тенденции нормы прибыли к понижению в его пределах.

К сожалению, раскрытию процесса самоопределения закона явления в «Науке логики» Гегеля отведено не очень много места. Поскольку, однако, здесь говорится иногда не только о законе явления,

---

⁸² См. там же, с. 137.

⁸³ См. там же, с. 138.

⁸⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 231-292

но, например, и о законе силы, постольку можно предполагать, что свои законы имеют и другие, более развитые определения сущности. В связи с этим возникает проблема движения закона в этой сфере, так сказать, по вертикали.

Сущность в диалектическом понимании есть не предмет, а процесс, и в своем движении она приобретает последовательно ряд определений. Содержание, форма, явление — одни из них. Эти определения в движении от абстрактного к конкретному, от простого к сложному снимают друг друга. Сущность как таковая не находится рядом с содержанием, а есть в нем, поскольку оно содержание сущности; сущность не находится рядом с явлением или за ним, а в нем, поскольку она явление сущности. «...Форма есть содержание, — писал Гегель,— а в своей развитой определенности она есть закон явлений».⁸⁵

Гегель критиковал Канта за то, что тот отрывал явление от сущности, фиксировал изолированную абстрактную сущность как стоящую вне явления, не подверженную изменениям и недоступную нашему познанию «вещь в себе». Он подчеркивал, что сущность и все ее внутренние определения (опосредование себя самой *внутри себя*), включая, конечно, форму и содержание, находят свое подтверждение единственно лишь в том, как они выступают в явлении. Если, например, человек в своей сущности, внутренне, характеризуется целым рядом добродетелей, по эти добродетели не проявляются внешне в поступках, действиях человека, а остаются только в области его намерений и умонастроений, т. е. если внешнее не тождественно с его внутренним, то одно так же бессодержательно и пусто, как и другое. Каков человек внешне, в своих действиях, таков он и внутренне, в сущности. Только в тождестве внутреннего и внешнего он — действительный человек. Таким образом, изменение явления есть

---

⁸⁵ Гегель Г.В.Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 298.

изменение являющей себя сущности, а изменение являющей себя сущности есть изменение явления. Поскольку закон — одно из определений сущности, он изменяется так же, как изменяются ее определения.

Примером эволюции экономических законов в процессе развертывания определений сущности является превращение законов прибавочной стоимости в законы прибыли.

Известны высказывания К. Маркса о том, что изменяется в зависимости от объективных исторических условий лишь форма проявления остающихся в силе общих законов.⁸⁶ Но оставаться в силе — это не значит не изменяться в сущности. В процессе своего самоопределения сущность остается той же сущностью, но отличающей себя в начале движения от себя же в конце его как бедную определениями — от богатой, как неразвитую — от развитой. Форма, например, есть одно из определений сущности, она в своей развитой определенности становится законом явления, а последний, достигнув в своем движении вершины, которая есть его противоречие, становится существенным отношением. Чтобы не затруднять читателя усвоением непривычной гегелевской терминологии, можно условно все следующие за явлением целокупные определения сущности назвать явлениями первого, второго, третьего и так далее порядка. Если каждое из этих явлений имеет свой закон, то движение этих законов есть не что иное, как движение от простого к сложному, от абстрактного к конкретному, а точнее, от закона самого простого явления к закону самого сложного, самого конкретного явления. Каждый относительно конкретный закон отрицает своего непосредственного предшественника, удерживает и возвышает его в самом себе, становится законом более конкретного, более определенного явления сущности. Изменяется ли при этом сущность самого закона?

---

⁸⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 32, с. 460 – 461.

Конечно! Она становится богаче. Сохраняется ли при этом его самая глубинная сущность? Безусловно, поскольку диалектический процесс есть отрицание с удержанием, с сохранением. Ф. Энгельс подчеркивал, что в развитом явлении законы относительно неразвитого «хотя и продолжают действовать, но отступают на задний план перед другими, более высокими законами...».⁸⁷

Итак, движение закона *в сфере сущности* связано с изменением его сущности и формы ее проявления. Вместе с тем это движение является разворачиванием *системы*. Действительно, поскольку существует множество явлений, постольку имеется и множество отличных друг от друга и противостоящих друг другу законов явлений.

У Гегеля нет понятия «система законов», однако он рассматривает близкое к данному понятие «царство законов».⁸⁸

«Царство законов» также не есть нечто застывшее, мертвое. Оно развивается, изменяется. В начале оно содержит лишь простое, неизменное, разнообразное содержание существующего мира, является в себе и для себя сущим миром. Затем, приобретая отрицательный момент, оно становится целокупностью содержания являющегося мира и основанием всего его многообразия. Наконец, оно разворачивается до единства противоположностей, единства в себе и для себя сущего мира и мира являющегося. Это единство определено так, что являющийся мир есть в себе и для себя сущий мир наизнанку, и наоборот. Оба мира относятся друг к другу так, что то, что в одном положительно, в другом отрицательно, то, что в являющемся наличном бытии определено как добро, есть в себе и для себя зло. К. Маркс часто использовал понятие «мир наизнанку» при раскрытии содержания превращенных (иллюзорных) экономических форм, овеществленных производственных отношений, тайны товарного фетишизма.⁸⁹

---

⁸⁷ Там же, т. 21, с. 286.

⁸⁸ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 141 — 151.

⁸⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 394, 398

Рациональным в гегелевском понятии «царство законов» является также и то, что, во-первых, оно определяется не просто как совокупность внешним образом соотносящихся разных по содержанию законов, но и как их внутреннее единство, так что каждый из них, будучи относительно самостоятельным, есть в то же время нечто несамостоятельное как сторона своего иного. Развиваясь далее в часть целого, они в то же время сами являются целым. «Царство законов», во-вторых, определяется не только как результат развития, но и как процесс, как дальнейшее движение. В качестве системы его следует рассматривать и как процесс рождения, и как процесс движения от положительного тождества к противоречию и самоотрицанию. Следует, в-третьих, особо отметить то, что только в системе, в «царстве законов», закон есть налицо, приобретает свое наличное бытие, реализует себя, становится действительным. Здесь он приобретает новые определенности закона, взаимодействующего с другими законами. Закономерность, которая вначале определилась как форма проявления только одного закона, теперь определяется как форма проявления взаимодействия законов. В действительности, таким образом, закон существует как *закон системы*. Чем сложнее явление, система, тем в большей степени модифицируются действие, форма проявления чистого закона. В особенности это относится к таким сложным явлениям и системам, как социальные, где закон проявляется как господствующая тенденция. Говоря о действии экономических законов, Ф. Энгельс подчеркивал, что «все они не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в *непосредственной* действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и вследствие их природы как понятий».⁹⁰

---

⁹⁰ Там же, т. 39, с. 355.

Как об этом говорилось выше, движение в сфере понятия есть развитие, а определенности закона здесь — это отличие единичности, особенности и всеобщности. Ф. Энгельс обращал внимание на то, что гегелевское движение мысли в сфере понятия в действительности выступает перед нами как развитие наших, покоящихся на эмпирической основе, теоретических знаний о природе движения вообще, что законы мышления и законы природы необходимо согласуются между собой, если только они надлежащим образом познаны. Прошли сотни тысяч лет, прежде чем добытое на эмпирической основе знание о том, что трение производит теплоту, люди возвели в единичное суждение: «трение есть источник теплоты». Это *единичный* закон. Прошли новые тысячелетия, пока не было сформулировано следующее суждение: «всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту». Это суждение можно рассматривать как суждение особенности, как *особенный* закон. Наконец, была сформулирована наивысшая форма суждения, суждение понятия: «любая форма движения способна и вынуждена при определенных для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения». «Третье суждение, — писал Ф. Энгельс, — есть суждение всеобщности: любая форма движения оказалась способной и вынужденной превращаться в любую другую форму движения. Дойдя до этой формы, закон достиг своего последнего выражения. Посредством новых открытий мы можем доставить ему новые подтверждения, дать ему новое, более богатое содержание. Но к самому закону, как он здесь выражен, мы не можем прибавить больше ничего. В своей всеобщности, в которой и форма и содержание одинаково всеобщны, он не способен ни к какому дальнейшему расширению: он есть абсолютный закон природы».⁹¹

---

⁹¹ Там же, т. 20, с. 540.

Во второй части гегелевской философской системы, в его «Философии природы», включающей в себя механику, физику, органическую физику, законы обнаруживаются в механическом движении. Здесь «законами называются связи между двумя простыми определениями, так что лишь это простое отношение их друг с другом составляет целостное отношение, члены же отношения должны сохранять видимость свободы».⁹² Вместе с тем Гегель различает законы неорганической природы и органической. В первой законы суть необходимые отношения, сторонами которых служат явления, внешние объекты, существующие определенности, т. е. они суть отношения между внешним и внешним. В органической природе законы — отношения между внутренней сущностью, скрытой от взоров разума, и внешними явлениями.

В третьей части гегелевской системы — «Философии духа» законы суть отношения субъективного и объективного духа, искусства, религии, абсолютного знания. Методический путь сознания к абсолютному знанию изложен Гегелем в «Феноменологии духа».

Итак, многообразию являющегося мира соответствует многообразие его законов. Более того, Г. И. Ойзерман считает, что каждый закон многообразен и представляет собой единство существенно различных необходимых отношений. Любое из этих открытых исследователями отношений могло бы быть названо «новым законом», хотя, с его точки зрения, это лишено смысла.⁹³

§ 4. КЛАССИФИКАЦИЯ ЗАКОНОВ

В произведениях К. Маркса можно найти такие определения закона, как основной, главный, всеобщий, общий, абсолютный, абстрактный, внутренний, имманентный, конкретный, действительный, закон движения, развития и др.

---

⁹² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975, т. 2, с. 98.

⁹³ Вопросы философии, № 5, 1982, с. 32.

Для раскрытия их содержания, для познания множества законов вообще важное значение имеет их классификация.

В советской литературе широкое распространение получила классификация законов общества, предложенная В. П. Тугариновым. В соответствии с ней различаются законы: а) действующие во всех сферах и во всех формациях (общеисторические); б) действующие на протяжении жизни одной формации (специфические); в) проявляющиеся лишь на определенной стадии общественно-экономической формации (стадиальные).⁹⁴

По аналогии в политической экономии выделяются всеобщие, общие, специфические экономические законы и основной экономический закон.

Существуют и другие классификации. Предлагается, например, различать законы абсолютные и законы-тенденции, законы функционирования и законы развития системы.

Исходя из диалектического понимания законов как совершающих движение и развитие в сфере сущности и понятия от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, на наш взгляд, следует прежде всего выделить *основной, производные законы и закон движения (развития)*.

Основной закон есть *начало* системы законов. Он поэтому – самая бедная, простая *абстрактная всеобщность*. По отношению к нему все другие законы являются производными и, следовательно, более содержательными, конкретными. В то же время в снятом виде основной закон есть во всех без исключения законах. Будучи самой бедной абстракцией закона, он выражает самую глубокую сущность явления, целокупности.

Ф. Энгельс сводил все многообразие законов диалектики, в том числе открытых и исследованных Гегелем, к трем законам: перехода

---

⁹⁴ Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958, с. 25.

количества в качество и обратно, взаимного проникновения противоположностей и отрицания отрицания. Последний он называл основным законом всей гегелевской системы.⁹⁵

Все определенные, конкретные законы могут быть сведены к абстрактным законам или к одному основному закону. Так, например, закон, согласно которому брошенный камень падает на землю, и закон, согласно которому движутся небесные тела, понимается как один закон. Но с этим их совмещением, сведением к одному конкретные, определенные законы утрачивают свою определенность. «Таким образом, — писал Гегель, — определенным законам противостоят всеобщее притяжение или чистое понятие закона. Поскольку это чистое понятие как сущность или как истинное внутреннее, *определенность* самого определенного закона принадлежит еще явлению и, вернее, чувственному бытию. Однако чистое *понятие* закона выходит не только за пределы закона, который сам, будучи определенным законом, противостоит другим *определенным* законам, но и *за пределы закона* как такового».⁹⁶

Такая характеристика основного закона расходится с широко распространенной в советской экономической литературе, согласно которой, в отличие от специфических экономических законов, выражающих «существенное в содержании тех или иных отдельных сторон производственных отношений», основной закон «выражает сущность данных производственных отношений в их целостности».⁹⁷

Однако, отправляясь от основных положений материалистической диалектики, трудно понять, почему специфические законы выражают лишь отдельные стороны производственных отношений, а основной закон — их целостность. Ведь *любое* явление сущности есть

---

⁹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 384.

⁹⁶ Гегель. Соч., т. IV, с. 82.

⁹⁷ Политическая экономия: Капиталистический способ производства. М., 1976, т. 1, с. 24.

конкретность, многообразность, целостность, и закон этого явления есть выражение данной целостности. Другое дело, что целостность может быть разной. Система капиталистических производственных отношений как *целостность* может быть представлена в *зародыше* (товар) и *развернутой системой* (конкуренция капиталов). Между первой и второй существует целый ряд целостностей, характер связей и отношений внутри которых различен. Это, например, отношение целого и частей, субстанции и акциденций, внутреннего и внешнего, возможности и необходимости, причины и следствия, и т. д.

Рассматривая связи объективного мира, Гегель различает отношения механизма, химизма и целевое отношение (организм). «Гегелевское (первоначальное) деление на механизм, химизм, организм, — писал Ф. Энгельс, — было совершенным для своего времени. Механизм — это движение масс, химизм — это молекулярное (ибо сюда включена и физика, и обе — как физика, так и химия — относятся ведь к одному и тому же порядку) и атомное движение; организм — это движение таких тел, в которых одно от другого неотделимо. Ибо организм есть, несомненно, *высшее единство, связывающее в себе в одно целое механику, физику и химию*, так что эту трицу нельзя больше разделить».⁹⁸

Рациональным в гегелевских рассуждениях по поводу механизма, химизма и организма является плодотворная попытка раскрытия этапов диалектического движения и познания объективности. Гегель определил механизм в качестве всеобщей логической категории, показал, что он присутствует не только в природе, но и в таких сложных образованиях, как человек и его мышление, обосновал необходимость его исследования как первой формы и первого этапа познания объективности. Вместе с тем он подчеркивал, что механизм—

---

⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 565—566.

это очень бедное понятие, а механическое рассмотрение объективного мира является поверхностным.

Конспектируя ту часть «Науки логики», в которой рассматривается механизм, В. И. Ленин отмечал, что понятие закона сближается здесь с понятиями «порядок», «неоднородность», «необходимость», «объективная тотальность», «принцип самодвижения».⁹⁹ Это ленинское замечание имеет очень важное значение для уточнения понятия «закон» и иерархии законов.

Вначале закон определяет себя как всеобщность на определенном этапе ее развития от абстрактной до конкретной. Он появляется как постоянный образ изменяющегося явления, как единообразие многообразного. Однако само это многообразное в процессе поступательного движения от простого к сложному конкретизируется, как об этом уже говорилось выше, оно последовательно выступает в виде целого и частей, субстанции и акциденций, причин и следствий, особенного и единичного, механического и химического объектов, организма. Соответственно конкретизируются и формы единообразия многообразного, формы всеобщности. Они выступают как сила, необходимость, причинность, взаимодействие, субъективная и объективная всеобщность, род, цель.

Если под законом понимать не просто конкретную, определенную всеобщность, а все ее определенности, начиная от явления сущности, то перечисленные выше формы внутреннего единообразия многообразного можно было бы назвать законами. Именно так определял Гегель понятие «сила». «Сила, — писал он, — есть внутреннее единство многообразного и в этом единстве познается господствующий закон».¹⁰⁰

---

⁹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 167.

¹⁰⁰ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с. 305.

Для характеристики основного экономического закона большое значение имеет понятие «цель», поэтому есть необходимость остановиться на рассмотрении этого понятия подробнее.

Цель, или целевое отношение, является третьей высшей формой объективности, единством механизма и химизма. В своем развитии она проходит три ступени: 1) субъективная цель, 2) осуществляющаяся цель, 3) осуществленная цель.

Вначале цель как субъективное противостоит в себе объекту. Она соотносится с объектом потому, что объективность есть в ней как идеальное, или идеальный образ объекта. Ее первой определенностью как субъективности является отрицание объективного. Вторая ее определенность — отрицание отрицания и полагание отрицательного по отношению к субъекту, т. е. полагание внешнего объекта. Это полагание еще не есть сама осуществленная цель. Определенный таким образом объект есть средство. Через средство цель связывает себя с результатом, продуктом, в котором она должна воплотиться. Осуществленная в результате внешней целесообразной деятельности субъективная цель конечна. Результат, продукт этой деятельности является средством новой цели, которая осуществляется в продукте, являющемся средством новой цели, и так до бесконечности. Этот не имеющий конца процесс, или «дурная» бесконечность, снимается истинною бесконечностью, которая есть внутренняя целесообразная деятельность. Здесь цель имеет средства в самой себе, а не вовне. В одно и то же время она есть цель и средство, причина и следствие, начало и результат, субъективность и объективность. *«Внутренняя целесообразность»,* — писал Гегель, — заключается в том, что нечто является в самом себе как целью, так и средством, как своим продуктом, так и началом, производящим этот продукт. В этом и заключается *самоцель*». ¹⁰¹

---

¹⁰¹ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1973, т. 2. с. 168

Субъективная цель, становящаяся объективной всеобщностью, находится как бы вне механического и химического процессов, где объекты действуют друг на друга соответственно их природе и обобщают себя в этом взаимодействии. Вместе с тем она есть то, что *сохраняется* в них. «Бог, — писал Гегель, — дает людям действовать как им угодно, не стесняет игру их страстей и интересов, а получается из этого осуществление его целей, которые отличны от целей, руководивших теми, которыми он пользуется».¹⁰²

Диалектический материализм, конечно, решительно отвергает целесообразность, сознательно реализуемую цель в истории развития природы. Однако в обществе ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. «Желаемое, — подчеркивал Ф. Энгельс, — совершается лишь в редких случаях; по большей же части цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления.

Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют известную желаемую цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны. А если вначале они, по-видимому, и соответствуют желаемой цели, то в конце концов они ведут совсем не к тем последствиям, которые были желательны. Таким образом, получается, что в общем и целом случайность господствует также и в области исторических явлений. Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность

---

¹⁰² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1, с.397 – 398.

всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы».¹⁰³

По Гегелю, цель и целесообразность выступают как единство, истина механизма и химизма, как единство и истина их законов. Именно на это обратил внимание В. И. Ленин в конспекте «Науки логики»: «*Материалистическая диалектика: Законы внешнего мира, природы, подразделяемые на механические и химические* (это очень важно), суть основы *целесообразной* деятельности человека. Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность».¹⁰⁴

В качестве примера цели можно привести потребность. Вначале она определяет себя как состояние зависимости человека, социальной группы, общества от объективных условий их существования, развития.

Потребность не только как состояние субъекта, но и как процесс реализации переходит в потребление. Потребление, таким образом, есть удовлетворение потребности. Вместе они образуют противоречивое единство. Утверждение самостоятельности каждого из них осуществляется через отрицание этой самостоятельности. Действительно, удовлетворение потребности означает ее отрицание, и в то же время само удовлетворение потребности как необходимости есть потребность.

Удовлетворение потребности предполагает как субъекта, так и объект, предметы потребления. Предметы потребления, т. е. продукты, соответствующие потребностям, в подавляющем большинстве своем не даются природой непосредственно, а создаются людьми в процессе производства. Сам процесс производства в поверхностном определении есть не что иное, как приспособление

---

¹⁰³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306.

¹⁰⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 169—170.

(создание, преобразование) продуктов природы к человеческим потребностям. Таким образом, реальному созданию продукта потребления в объективной форме предшествует создание его идеально в субъективной форме как цели производства.

Производство и потребление отрицают друг друга, поскольку второе есть уничтожение продукта первого. Но уничтожение продукта производства в процессе потребления не означает превращения его в ничто. Он преобразуется в другой продукт и в качестве такового выступает как результат производства. Различаются собственно потребление, как уничтожающая противоположность производства, и потребление производительное. Процесс собственно потребления есть в то же время непосредственно процесс производства человека (потребительное производство). Потребляя, например, пищу, человек производит собственное тело. Однако производство есть также и потребление. В процессе производства материальных благ производительно потребляются средства производства и рабочая сила (производительное потребление).

Итак, производство есть непосредственно потребление, а потребление — непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между ними имеет место опосредующее движение. Производство опосредует потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет. Однако и потребление опосредует производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами.¹⁰⁵

Опосредующее движение, отношения между потребностями, потреблением и производством можно представить в следующем виде. В данном выше общем определении потребности она есть один из

---

¹⁰⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 717.

примеров цели как заранее намеченного результата необходимой деятельности человека (группы людей, общества). Абстрактная (неразвитая) потребность выступает как необходимость субъекта объективизировать идеальный образ предмета (вещи, услуги) и субъективизировать противостоящий этому образу объективный предмет. Потребность, таким образом, есть противоречие. Будучи целью, она определяет себя как субъективное в противоположность объективному. Но, отрицая объективность, она отрицает эту свою определенность и, следовательно, — себя как субъективность и переходит в свою противоположность. Это противоречие разрешается и в производстве, и в потреблении. Производство и потребление, как реализация потребности, означают переход идеального в реальное, снятие различия между внутренним образом предмета и его объективностью, развертывание цели в целесообразную деятельность. Потребление, уничтожая продукт этой деятельности, обозначает и завершение производства, его конечный пункт. Но достижение конечного пункта производства не прекращает движения, развития потребности. Удовлетворенная потребность возвращается к себе. Но это ее возвращение означает отрицание удовлетворенности. Возвратившаяся к себе, как к неудовлетворенной, она есть развитая, обогатившаяся, конкретная потребность. Она опосредована производством и потреблением, возвратилась из них, она реально, объективно создана производством. Неопосредованная потребность есть абстракция. С тех пор, как человек стал производить, т. е. с тех пор, как он стал человеком, его потребность является объективностью, определяемой производством. Чем более развито производство, тем богаче, разнообразнее, содержательнее потребности. Определяемые производством потребности обуславливают производство как средство. Однако как таковые они находятся с последним лишь во внешней связи.

Внутренним отношением, как единством противоположностей, является отношение потребления и производства. В этом отношении потребление и производство как *цель* и *средство* идентичны и различны, предполагают и отрицают друг друга, и каждое есть оно и своя противоположность. Однако господствующим моментом этого единства является производство.

«Производство — не только непосредственно потребление, а потребление — непосредственно производство; производство также — не только средство для потребления, а потребление — цель для производства, т. е. в том смысле, что каждое доставляет другому его предмет: производство — внешний предмет для потребления, потребление — мысленно представляемый предмет для производства. Каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое».¹⁰⁶

Итак, потребность как таковая есть действующая цель, предпосылка, причина, побудительный мотив производства, внешний по отношению к нему.

Потребность как реализуемая цель, как потребление — это конечная цель производства, его момент. Поскольку производство и потребление соотносятся как средство и цель и в этом отношении господствующим моментом является производство, то здесь не цель определяет средство, а средство — цель. Наконец, возвратившаяся к себе потребность есть в себе и для себя сущее единство потребления и производства, субъективного и объективного, есть цель, снявшая свою конечность.

Цель есть, таким образом, всеобщность, но, в отличие от начала, она есть не абстрактная, а *конкретная всеобщность*. В этом своем определении она не только результат движения от абстрактного начала,

---

¹⁰⁶ Там же, с. 719.

но результат вместе с движением. Только таким образом во всеобщей форме она содержит все богатство конкретного.

Вот почему, определив цель капиталистического способа производства в самом начале его исследования, К. Маркс исследует процесс движения капитализма к этой цели, процесс ее реализации.

Как всеобщность, цель можно определить в качестве закона. «Человек, — отмечал К. Маркс, — не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю».¹⁰⁷

Уточнение понятия цели дает возможность уточнить содержание основного закона. Он, конечно, содержит в самом себе и цель, и средство, и все другие конкретные определенности, но лишь в зародыше, подобно тому, как товар в зародыше содержит все определенности и противоречия капитализма. Основной закон, конечно, определяет и цель, и средство, подобно тому, как он *определяет* все производные от него законы. Но определяет он *не непосредственно*, и в этом определении самыми важными и сложными являются нахождение и исследование опосредующих звеньев.

Термины «главный», «основной», «всеобщий», «общий» закон означают одно и то же. К. Маркс говорит об абсолютном, всеобщем законе капиталистического накопления. Он характеризует капиталистическое производство как всеобщую форму товарного производства, или как его абсолютную форму. Таким образом, абсолютное — это ничем не обусловленное, соотносящееся только с собой, всеобщее. Ф. Энгельс рассматривал закон сохранения и превращения энергии как абсолютный закон природы. Под последним

---

¹⁰⁷ Там же, т. 23, с. 189.

он понимал такой закон, который в своей всеобщности «не способен ни к какому дальнейшему расширению...».¹⁰⁸

Абсолютным законом является абстрактная всеобщность и всеобщность конкретная. Таким образом, основной закон является абсолютным, но не всякий абсолютный закон есть основной.

На первый взгляд предлагаемая классификация с различием основного и производных законов, а тем более всеобщего, особенных и единичных, мало чем отличается от широко распространенной в советской экономической литературе классификации с выделением всеобщих, общих, специфических законов и основного экономического закона. Однако это не так. Данные классификации принципиально отличаются друг от друга по своему критерию.

В первом случае таковыми являются этапы саморазвертывания и познания законов в их движении от абстрактного к являющемуся конкретному, т. е. действительному, во втором — сфера действия законов. При этом утверждается, что всеобщие законы действуют во всех общественно-экономических формациях, общие — в некоторых, специфические — только в одной. Таким образом, признается, что существуют самостоятельно рядом друг с другом, действуют и взаимодействуют всеобщие, общие, специфические законы и отличный от них основной закон. Это явно противоречит известным положениям материалистической диалектики о соотношении всеобщего, особенного и единичного.

Конечно, абстрактно можно представить общее и особенное изолированными и самостоятельными по отношению друг к другу. Но их истина в том, что они не являются таковыми. Общее существует только в особенном и вне особенного в реальной действительности его нет. Вместе с тем особенное всегда существует как особенное общего и без последнего в действительности его также нет. Таким образом,

---

¹⁰⁸ Там же, т. 20, с. 540.

общие законы существуют и действуют только как конкретные, определенные законы. Другими словами, действительные, действующие, или истинные, законы всегда конкретны. Истинными и действительно конкретными являются законы как диалектическое единство их бытия и сущности. При этом истина, как об этом говорилось выше, есть не только результат, но и процесс саморазвертывания (действия) и познания закона, который есть в то же время и его использование. Движение развертывания законов в систему и познание этого движения предполагает выделение среди них основного и производных, общих и определенных, несмотря на всю относительность этих понятий.

Классификация по сфере действия имеет определенный смысл только в отношении определенных законов. Наряду с различиями определенные законы имеют нечто общее, позволяющее объединять их в классы, группы, подгруппы и т. д. Определенные законы природы, например, несмотря на отличие друг от друга, имеют нечто общее, что отличает их от социологических законов в целом. В то же время, как было отмечено выше, законы органической природы отличаются от законов природы неорганической. В экономике можно выделить группу законов, действующих в сфере собственно производства, распределения, обмена и потребления. При этом, конечно, не следует забывать, что названные сферы являются моментами производства, и утверждение, что есть законы, действующие *только* в данной сфере, упрощает их, лишает их полноты определений, истинности. Нужно, конечно, различать внутренние, имманентные законы и форму их проявления.

Вообще, чем богаче определенные законы определениями, тем больше возможностей классификации их по самым различным признакам. Однако важно, чтобы эти признаки не были случайными или только видимыми. Так, представляется неправомерным

сопоставление абсолютных законов и законов-тенденций. Дело в том, что абсолютные законы в действительности всегда проявляют себя как тенденции. Но доказательство этого требует опосредующих звеньев, которые в названном непосредственном сопоставлении отсутствуют. Неправильно, вернее, неистинно говорить о так называемых законах функционирования и законах развития как просто самостоятельных. Истина состоит в том, что функционирующая система есть в то же время развивающаяся, и наоборот, а функционирующий закон является в то же время развивающимся, и наоборот. Функционирующее, но не развивающееся есть, по терминологии Гегеля, «дурная бесконечность».

Деление законов на основной и производные, конечно, нельзя абсолютизировать. Основной закон в одном отношении может быть производным в другом. В иерархической системе законов каждый является основным по отношению к вышестоящему и производным по отношению к нижестоящему. В. И. Ленин рассматривал в качестве общего и основного закона империалистической стадии капитализма «порождение монополии концентрацией производства...».¹⁰⁹ В то же время этот закон с точки зрения капиталистического способа производства, взятого в целом, является производным.

Определенные явления имеют определенные законы. Если эти явления образуют целокупность, систему, то она как сложное явление имеет свой определенный закон. Этот определенный закон системы является в то же время общим законом ее составляющих. Будучи основным по отношению к законам явлений систем, он в то же время производный, поскольку выведен путем абстрагирования. Таким образом, закон системы есть *определенный общий закон*, или *производный основной*.

Это противоречие является лишь внешним выражением движения законов. Общий закон отличает себя от определенного, как основной —

---

¹⁰⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 315.

от производного, чтобы снять это различие, и снимает для того, чтобы вновь положить его на новом этапе движения. В процессе и результате этого движения общий закон как абстрактная всеобщность развертывается в конкретную всеобщность, или, что то же самое, основной закон — в систему действительных законов. Таким образом, общий, основной закон реализуется через развертывание в систему являющих себя и взаимодействующих определенных конкретных законов.

Реализующий себя основной закон системы есть *закон ее движения*. Следовательно, основной закон и закон движения — понятия далеко не тождественные. Последний богаче первого и содержит его в самом себе как свой момент, свое начало.

Исследование закона движения как системообразующего начинается с *открытия* основного закона. Познание процесса развертывания этого закона в систему действительных законов есть *раскрытие* закона.

Такое понимание этого закона дает нам основание говорить о неточности перевода на русский язык немецкого слова «enthüllen» как «открытие», в силу чего конечная цель исследования в «Капитале» определяется как «открытие экономического закона движения современного общества...».¹¹⁰ Более правильным было бы определить эту цель как *раскрытие* данного закона. Именно об этом говорит в одной из своих рецензий на I том «Капитала» Ф. Энгельс: «...мы имеем перед собой произведение, автор которого с бесспорно редкой эрудицией рассматривает всю совокупность отношений между капиталом и трудом в его связи со всей экономической наукой, ставит себе конечной целью „раскрыть экономический закон движения современного общества“...».¹¹¹

---

¹¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

¹¹¹ Там же, т. 16, с. 215.

Раскрытие этого закона в «Капитале» начинается с открытия основного экономического закона капитализма.

ДИАЛЕКТИКА «КАПИТАЛА»

Г л а в а   III

ОСНОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ И ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИЗМА

§ 1. ПОНЯТИЕ ОСНОВНОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ

Основной экономической закон есть закон явления основного, исходного, определяющего данный способ производства производственного отношения. Таким образом, определению основного экономического закона капитализма должно предшествовать определение основного производственного отношения этого способа производства и явления этого отношения.

В советской экономической литературе высказываются различные точки зрения относительно понятий основного и исходного производственного отношения вообще, основного и исходного производственного отношения капитализма в частности.

Большая группа экономистов решительно выступает против отождествления этих понятий. При этом называются различные критерии или признаки, позволяющие отличить исходное производственное отношение от основного. Наиболее последовательный представитель этой группы Н. А. Цаголов понимает под исходным отношением первое, простейшее, составляющее базу для всех других производственных отношений. Основное же отношение —

это коренное, определяющее, главное, составляющее сердцевину данного способа производства.¹¹²

К сожалению, эти определения основного отношения Н. А. Цаголов не выводит и, тем самым, не указывает их места в системе производственных отношений. В силу этого они лишаются определенности. Действительно, если основное производственное отношение есть корень всей системы отношений, то оно тождественно исходному. Это лишь разные названия одного и того же. Если основное отношение определяет всю систему, то оно должно определять и исходное. Но тогда последнее перестает быть исходным, и им становится основное производственное отношение. Неясно и определение основного производственного отношения в качестве главного. Главным можно назвать такое отношение, которое является прародителем или просто родителем всех остальных. С таким же основанием главным можно считать самое развитое, самое конкретное и богатое отношение, т. е. такое отношение, которое в процессе своего движения «проглотило» все другие отношения. Но в первом случае основное производственное отношение опять-таки совпадает с исходным, во втором — оно есть развитое исходное отношение, результат движения. Соотношение же между началом и результатом таково, что каждое из них является основанием друг друга и одновременно основанным друг другом. Неясным является и определение основного отношения как сердцевины, ядра способа производства. Если под этим имеется в виду его сущность, то последняя как процесс тоже имеет начало и результат движения. Сущностью какого же порядка является основное отношение?

Сталкиваясь с трудностью различения исходного и основного производственных отношений, некоторые советские политэкономы

---

¹¹² О системе категорий и законов политической экономии. М, 1973. с. 34—35.

предлагают компромиссное решение. Так, А. А. Сергеев видит различие между исходным и основным отношением только в плане исторического развития системы, генетического подхода. В плане же функционирования на данном, сегодняшнем, этапе развития системы исходное производственное отношение является и ее основным. «Исходный пункт и основа *функционирования* системы — ее сущность наиболее глубокого порядка, *ядро* действия всей системы. Исходный же пункт *развития* системы в качестве такого ядра не выступает, хотя и образует всеобщее генетическое основание логического процесса выведения одной категории из другой».¹¹³

С нашей точки зрения, согласиться с таким решением проблемы исходного и основного производственного отношения нельзя. Прежде всего нельзя согласиться с определением исходного отношения как некоего внешнего по отношению к системе, как ее исторической предпосылки, возникающей в пределах другой системы, другой общественно-экономической формации. Этим, конечно, не отрицается значимость исторической предпосылки системы. Но историческая предпосылка и исходное производственное отношение — это разные понятия. Историческая предпосылка всегда конкретна, она есть развитое другой системы, ее результат. Исходное же отношение всегда есть начало, неразвитый результат данной системы. Исторической предпосылкой капитализма, например, является не абстракция простого товарного производства, а феодализм как конкретная система производственных отношений, достигшая предела в своем развитии и выходящая за этот предел. Историческая предпосылка не воспроизводится капитализмом, а отрицается им. Что же касается исходного отношения, то без него нет системы. Поэтому оно должно непрерывно воспроизводиться и, конечно, не только логически.

---

¹¹³ Сергеев А. А. Структура производственных отношений социализма. М., 1973, с. 135—136.

Соглашаясь с тем, что развивающаяся система функционирует, а функционирующая развивается, А. А. Сергеев тем не менее выводит различия между исходным и основным отношением исключительно через обособление, абсолютизирование понятий «развитие» и «функционирование». Развитие выражает преходящий характер связей и, раз возникнув из чего-то, развивающаяся система свое исходное отношение не воспроизводит. Функционирование же, наоборот, выражает устойчивость, воспроизводимость связей, в том числе воспроизводимость исходного отношения. При этом функционирование в одних случаях рассматривается лишь как одна из стадий развития системы, а именно как ее движение на этапе зрелости, в других случаях — как движение системы, как ее внутренняя жизнь в пределах любого отдельного этапа развития системы.¹¹⁴ Но если система лишается развития, если она только функционирует, то тем самым снимается проблема движения от исходного отношения к развитому, от начала к результату. Движение выступает как простое повторение одного и того же, как «дурная» бесконечность. Если все же попытаться различить исходное отношение каждого уровня развития и функционирования системы, отличающееся от ее основного отношения, то получится система этих отношений, которая опять-таки должна иметь начало. Проблема по-прежнему остается нерешенной.

Очевидно, что ее решение может быть достигнуто только на основе универсального материалистического диалектического метода.

В произведениях К. Маркса встречаются термины «условие», «предпосылка», «исходный пункт», «начало». Как правило, эти термины употребляются в качестве тождественных. Во всяком случае, никак нельзя согласиться с утверждением, что «в системе „Капитала" различие исходного и основного отношения выражено с предельной

---

¹¹⁴ Там же, с. 17 – 18.

четкостью».¹¹⁵ Другое дело, что К. Маркс четко различал условия и предпосылки становления капитала и условия и предпосылки его собственного движения: «Условия и предпосылки становления, возникновения капитала предполагают как раз то, что капитал еще не существует, а только лишь *становится*; следовательно, они исчезают при действительном капитале, при том капитале, который, исходя из собственной действительности, сам полагает условия своего собственного осуществления... Буржуазные экономисты, рассматривающие капитал как вечную и *естественную* (а не историческую) форму производства, затем снова стараются оправдать капитал, выдавая условия его становления за условия его теперешнего осуществления...».¹¹⁶ Таким образом, понимание К. Марксом становящейся и действительно осуществляющей себя системы принципиально отличается от понятий ее развития и функционирования. Становящейся системы еще нет и поэтому нельзя говорить о ее развитии и функционировании. Ставшая же система, конечно, и развивается и функционирует, а точнее, и первое и второе — это одно и то же.

Во избежание путаницы становление системы мы в дальнейшем будем обозначать термином «условие»,¹¹⁷ а начало ставшей системы — терминами «основное», «исходное», «определяющее» производственное отношение, «предпосылка». Последние термины обозначают одно и то же отношение. Это такое отношение, которое является всеобщим для данного способа производства, т. е., присутствует в каждом особенном и единичном отношении. Оно является основным потому, что все особенные отношения производны от него. Оно в то же время является определяющим, поскольку

---

¹¹⁵ О системе категорий и законов политической экономии, с. 34.

¹¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 448—449.

¹¹⁷ «Интеллект начинает с внешнего мира как со своего *условия*, а не как со своего принципа; принципом для него является, собственно говоря, он сам» (Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1973, т. 2, с. 182).

выступает как наличная и сохраняющаяся на всех последующих этапах развития основа, т. е. то, что остается всецело имманентным своим дальнейшим определениям. Поэтому же оно — исходное, первичное в отличие от всех других производных отношений.

Определяющим любой способ производства является «непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям...».¹¹⁸ Это отношение берется как непосредственно данное, хотя с самого начала его участники выступают в определенных экономических масках, олицетворяя определенные производственные отношения. Другим выражением исходного, или основного, производственного отношения является способ соединения непосредственного производителя материальных благ со средствами производства.¹¹⁹ С одной стороны, он определяет всю систему производственных отношений, но, с другой — он сам с самого начала определен этой системой. Действительно, здесь труд и объективные условия его осуществления с самого начала выступают в определенной экономической форме — труд как процесс присвоения его объективных условий, а объективные условия как форма присвоения труда (его результатов). Иными словами, основным, определяющим, исходным производственным отношением любого способа производства является отношение присвоения, отношение собственности. Но сказать только это, значит сказать очень мало.

Действительно, отношения собственности «не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений*, а в их реальной форме...» суть производственные отношения.¹²⁰ Следовательно, утверждение, что основным производственным отношением является собственность как производственное отношение, есть тавтология. «Всякая предпосылка общественного процесса производства, — подчеркивал К. Маркс, —

---

¹¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

¹¹⁹ См. там же, т. 24, с. 43—44.

¹²⁰ См. там же, т. 16, с. 26.

есть вместе с тем и его результат, а всякий его результат выступает вместе с тем и как предпосылка. Поэтому все те *производственные отношения*, в которых движется процесс производства, суть в одинаковой мере и его продукты, и его условия». ¹²¹ Таким образом, отношение собственности как определяющее отношение само определено системой собственности. Что же здесь следует за чем?

Дело в том, что началом, исходным отношением является не отношение собственности вообще, а ее самое элементарное отношение. Вся трудность как раз и заключается в том, чтобы найти это элементарное, специфическое для данного способа производства отношение и проследить его развитие в систему отношений. В то же время это и будет определение самого понятия собственности как становящейся и развивающейся системы производственных отношений.

Какое же элементарное отношение собственности определяет, отличает капитализм с самого начала от других способов производства? На этот вопрос мы находим совершенно определенный ответ у К. Маркса: «Две характерные черты с самого начала отличают капиталистический способ производства.

Во-первых, он производит свои продукты как товары. Не самый факт производства товаров отличает его от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов их бытие как товаров является господствующей и определяющей чертой... уже в товаре и в еще большей степени в товаре как продукте капитала заключены овеществление общественных определений производства и субъективизация материальных основ производства, характеризующие весь капиталистический способ производства.

---

¹²¹ Там же, т. 26, ч. III, с. 534.

Второе, что является специфическим отличием капиталистического способа производства,— это производство прибавочной стоимости как прямая цель и определяющий мотив производства».¹²²

Итак, К. Марксом называются два начала капиталистических производственных отношений и две категории, их выражающие. Это — товарные отношения, ставшие всеобщими, т. е. капиталистическими, и капиталистический товар, с одной стороны, и отношения прибавочной стоимости и сама прибавочная стоимость — с другой. Каждое из них является началом определенной сферы капиталистических производственных отношений. Всеобщие товарные отношения и товар являются *качественным* отличием капитализма, началом производственных отношений в сфере его непосредственного бытия, производство прибавочной стоимости есть его *сущностное* отличие, начало в сфере сущности. Конечно, основанием капиталистического товара является производство прибавочной стоимости, и в этом отношении он является производным от капитала. Однако познать сущность капиталистических производственных отношений, сущность капитала невозможно, не начав это познание с их непосредственного бытия, с товарных отношений и товара.

В качестве исходного и конечного пункта своего исследования Маркс определил капитал как всеобщую, господствующую категорию капиталистического способа производства, выражающую всю совокупность его производственных отношений. Исследовать движение капитала, открыть и познать его закон можно только тогда, когда этот процесс рассматривается как становление, переход, опосредование, развитие, как движение от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. «Этот диалектический процесс возникновения капитала, — писал К. Маркс, — есть лишь идеальное выражение того действительного движения, в котором возникает капитал. Позднейшие

---

¹²² Там же, т. 25, ч. II, с. 451—453.

отношения надлежит рассматривать как развитие этого зародыша. Необходимо, однако, фиксировать ту определенную форму, в которой капитал выступает в том или ином *конкретном* пункте. Иначе получится путаница».¹²³

Неправы те экономисты, которые утверждают, что исследование в «Капитале» начинается с некапиталистического товара, но в такой же степени неправы и те, кто утверждает, что К. Маркс начинает исследование капитализма с капиталистического товара как непосредственного бытия капитала. Он начинает исследование системы категорий капитализма с товара, который *становится* капиталистическим, *становится* капиталом.

Товар как начало системы категорий, как начало исследования капиталистического способа производства не обосновывается. Он утверждается в этом качестве как факт, как непосредственно данное. «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, — писал К. Маркс,— выступает как „огромное скопление товаров", а отдельный товар— как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара».¹²⁴

§ 2. СТАНОВЛЕНИЕ КАПИТАЛА

Открытие товара в качестве «экономической клеточки» буржуазного общества относится к периоду разработки К. Марксом первоначального варианта книги о капитале, представленного в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.».

Во «Введении» к этим рукописям, отдавая должное буржуазным экономистам и философам в деле разработки научного метода политической экономии, и в частности, метода восхождения от

---

¹²³ Там же, т. 46, ч. I, с. 264.

¹²⁴ Там же, т. 23, с. 43.

абстрактных экономических категорий к конкретным, К. Маркс решительно выступает против одностороннего, упрощенного понимания этого метода и так называемых всеобщих категорий. Простейшей всеобщей экономической категорией выступает, например, труд. Представление о нем как о «труде вообще» существовало уже в глубокой древности. Однако практически истинной эта абстракция становится лишь в условиях буржуазного общества, где труд не только мысленно, в категории, но и в действительности стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определенным индивидом. Таким образом, категория «труд вообще» становится абстрактным выражением действительных производственных отношений только при капитализме. Это, конечно, не исключает, что в той или иной степени она присуща всем способам производства. «Этот пример с трудом, — писал К. Маркс, — убедительно показывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах».¹²⁵

Расчленение предмета своего политико-экономического исследования капитализма в августе — сентябре 1857 г. представлялось К. Марксу в следующем виде: «1) Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества, однако в вышеразъясненном смысле. 2) Категории, которые составляют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, наемный труд, земельная собственность. Их отношение друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства.

---

¹²⁵ Там же, т. 46, ч. I, с. 42.

Рассмотрение последнего в его отношении к самому себе. „Непроизводительные" классы. Налоги. Государственный долг. Публичный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные отношения производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы».¹²⁶

Отмечая, что исследование капитализма в политико-экономическом отношении К. Маркс предполагал начать с рассмотрения всеобщих абстрактных определений, следует подчеркнуть, что это такие абстракции, которые подходят ко всем способам производства не в «полной значимости», а «более или менее», и не просто подходят, а в том смысле, в каком подходит для этого категория «труд вообще». Казалось бы, с этой простейшей и в то же время капиталистически определенной абстракции и следовало начать рассмотрение системы экономических категорий капитализма. Однако К. Маркс отвергает ее в качестве начала капитала. «Для того чтобы развить понятие капитала, — писал он, — нужно исходить не из труда, а из стоимости, и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения. Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине».¹²⁷

Итак, началом капитала на данном этапе своих экономических изысканий К. Маркс считал развитую форму меновой стоимости. Такой формой являются деньги, когда они не только приобретают самостоятельность по отношению к обращению, но и сохраняют себя в нем. Но деньги в этом определении являются не становящимся, а ставшим капиталом. Считая необходимым начать исследование капитала с его становления, К. Маркс в «Экономических рукописях

---

¹²⁶ Там же, с. 45.

¹²⁷ Там же, с. 207.

1857—1859 гг.» понимал под последним превращение в капитал денег. Однако главе о деньгах в первом варианте книги о капитале должна была предшествовать глава, которая называлась «Стоимость». Вместе с тем уже во «Введении» К. Маркс подчеркивал, что «меновая стоимость может существовать только как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого». ¹²⁸ Поэтому в главе «Стоимость» он называет первой категорией, в которой выступает буржуазное богатство, товар.¹²⁹ Вскоре он принимает решение назвать первую главу своего экономического труда «Товар», о чем и сообщает Ф. Энгельсу в письме от 29 ноября 1858 г.¹³⁰

Товар как элементарное бытие буржуазного богатства и деньги как «товар товаров» всесторонне исследуются К. Марксом в вышедшей в 1859 г. книге «К критике политической экономии»— первом выпуске задуманного им фундаментального произведения в шести книгах. В «Предисловии» к этому выпуску К. Маркс писал: «Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок*. Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) товар, 2) деньги, или простое обращение, 3) капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска». ¹³¹ Таким образом, уже в работе «К критике политической экономии» К. Маркс определял товар и деньги как категории капитала, как его абстракции.

---

¹²⁸ Там же, с. 38.

¹²⁹ См. там же, ч. II, с. 393.

¹³⁰ См. там же, т. 29, с. 304.

¹³¹ Там же, т. 13, с. 5.

Продолжением первого выпуска должны были стать экономические рукописи 1861—1863 гг., где исследуется превращение денег в капитал, категория «капитал вообще», производство относительной и абсолютной прибавочной стоимости. Здесь же впервые К. Маркс говорит о товаре не только как предпосылке, элементе капитала, но и как о его результате. В письме к Л. Кугельману от 28 декабря 1862 г. К. Маркс сообщает, что второй выпуск выйдет под заглавием «Капитал», а название «К критике политической экономии» будет лишь подзаголовком.¹³²

В январе 1863 г. К. Маркс составляет новые «Наброски планов I и III частей „Капитала"», где исследованию процесса превращения денег в капитал предпослано введение о товаре и деньгах. В 1863—1865 гг. он создает рукопись третьего варианта «Капитала». К сожалению, из шести глав рукописи первой книги этого варианта в полном объеме сохранилась лишь шестая глава — «Результаты непосредственного процесса производства».¹³³ В этой главе рассматриваются три вопроса:

- 1) товары как продукт капитала, капиталистического производства;

- 2) капиталистическое производство как производство прибавочной стоимости;

- 3) оно как производство и воспроизводство всего отношения, благодаря которому непосредственный процесс производства характеризуется как капиталистический.

В дальнейшем, при подготовке рукописи к печати, К. Маркс намечал рассмотреть первый вопрос в завершающем разделе, обозначающем переход ко второй книге, где исследуется процесс обращения капитала. Данная глава имеет важное значение для понимания диалектического метода К. Маркса, и в особенности для

---

¹³² См. там же, т. 30, с. 527.

¹³³ См. там же, т. 49, с. 3—119.

уяснения содержания исходной категории и первого отдела первой книги «Капитала».

К. Маркс подчеркивает здесь, что товар, который служит элементом, предпосылкой капиталистического производства, отличается от товара, который является его результатом. «Ближайший результат непосредственного капиталистического процесса производства, его продукт, это — *товары*, в цене которых не только возмещается стоимость авансированного, потребленного во время их производства капитала, но вместе с тем материализован, овеществлен, как *прибавочная стоимость*, потребленный во время их производства прибавочный труд. Как *товар* продукт капитала должен войти в процесс обмена товаров и тем самым не только войти в действительный обмен веществ, но вместе с тем проделать те превращения формы, которые мы изобразили, как метаморфозы товаров. Поскольку дело касается только формальных превращений — превращения этих товаров в деньги и их обратного превращения в товары,— то этот процесс уже изображен в том, что мы назвали „простым обращением“, т. е. обращением товаров, как таковых. Но эти товары являются теперь вместе с тем носителями капитала; они теперь самый капитал, увеличившийся в стоимости, чреватый прибавочной стоимостью. И в этом отношении их обращение, которое теперь вместе с тем есть процесс воспроизводства капитала, включает в себя дальнейшие определения, которые были чужды абстрактному рассмотрению товарного обращения».¹³⁴

С самого начала товар берется К. Марксом как всеобщая элементарная форма капиталистического богатства. Однако в этом определении он еще не доказан, не выведен, не обоснован. Он становится доказанным, выведенным, обоснованным в процессе простого товарного обращения, и это его становление является в то же

---

¹³⁴ Там же, с. 31.

время становлением капитала. Ставший капитал отрицает простое товарное обращение, снимает его и утверждает в этом качестве как свой собственный момент. Его дальнейшее движение совершается в непосредственном процессе производства, моментом которого является так называемое простое товарное производство. Результатом этого движения является диалектическое отрицание непосредственности производства и полагание обращения капитала.

В окончательном варианте книги о капитале К. Маркс отказался от рассмотрения товара как продукта капитала в итоге непосредственного процесса производства. Действительно, товар как продукт капитала, как развитое начало системы экономических категорий капитализма получает свою полную определенность тогда, когда он рассматривается как результат не только непосредственного процесса производства или непосредственного процесса обращения капитала, а как результат процесса капиталистического производства, взятого в целом. Различные же определенности товара на разных этапах движения его от абстрактного к конкретному есть не что иное, как соответствующие определения капитала. Таким образом, *неразвитый капитал есть товар, а развитый товар — капитал*. Товар как продукт капитала является именно капиталом.

В итоге огромной длительной работы над «Капиталом» К. Маркс пришел к его окончательной структуре. «...Вся работа,— пишет он Л. Кугельману 13 октября 1866 г., — распадается на следующие части:

Книга I) Процесс производства капитала.

Книга II) Процесс обращения капитала.

Книга III) Формы всего процесса в целом.

*Книга IV) К истории теории».*¹³⁵ I том немецкого издания «Капитала» увидел свет в 1867 г. Здесь в I главе К. Маркс резюмировал

---

¹³⁵ Там же, т. 31, с. 448.

содержание выпуска «К критике политической экономии». В последующих немецких изданиях в I отделе I тома товар и капитал исследуются специально и развернуто.

Окончательная структура и содержание «Капитала», конечно, отрицают структуру и содержание его первоначальных вариантов. Но это диалектическое отрицание с сохранением и возвышением. Обращение к экономическим рукописям поэтому совершенно необходимо для полного усвоения метода и содержания главного экономического труда К. Маркса.

Становящийся капиталом товар вначале рассматривается К. Марксом как непосредственно данный, как явление без сущности, как непосредственное бытие. «Начало в смысле непосредственного бытия, — подчеркивал Гегель, — заимствуется из созерцания и восприятия; это начало *аналитического* метода конечного познания; в смысле всеобщности это начало есть начало синтетического метода конечного познания. Но так как логическое есть непосредственно столь же всеобщее, сколь и сущее, столь же предположенное понятием, сколь и непосредственное, то его начало есть столь же синтетическое, сколь и аналитическое начало».¹³⁶

Важнейшими характеристиками непосредственного бытия являются качество и количество. Под качеством как таковым в гегелевской диалектике понимается непосредственная, тождественная с бытием определенность. «Качество вообще» неотделимо от бытия, оно есть само непосредственное бытие в отличие от другого непосредственного бытия. Это то, что отличает одно нечто от другого и без которого нечто нет. Теряя свое качество, нечто перестает быть тем, что оно есть. Количество в самом общем определении является снятым качеством. Оно есть тоже определенность непосредственного бытия, но не тождественная с ним, а внешняя и безразличная по отношению к

---

¹³⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 421.

нему. Безразличная в том смысле, что, несмотря на количественное изменение вещи, она все же остается тем, что она есть. Следует подчеркнуть, что это самые простые определения качества и количества. Их развитые определения отрицают себя как таковых, переходят друг в друга и образуют диалектическое единство — меру как качественное количество и количественное качество.

Товар как чувственно воспринимаемый внешний предмет, как вещь, наиболее конкретен и богат по своему природному, телесному, материалу и абсолютно абстрактен к беден по своему мыслительному содержанию.

Материальные свойства вещи, благодаря которым она способна удовлетворять человеческие потребности, делают ее полезностью. Полезность, таким образом, выступает как функция телесных свойств вещи и человеческих потребностей. Однако в своем самом первом и простом определении она есть нечто обусловленное свойствами товарного тела и не существует вне этого последнего. Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Последняя осуществляется лишь в пользовании или потреблении. Следовательно, полезность и потребительная стоимость — разные понятия. Полезность есть потребительная стоимость в себе, а потребительная стоимость — реализованная, осуществленная в пользовании, или потреблении, полезность. Потребительная стоимость как полезность неотделима от материальных свойств вещи, тождественна ей. Поэтому товарное тело само есть потребительная стоимость, или благо. В этом и только в этом своем определении потребительная стоимость составляет предмет особой дисциплины — товароведения, где она исследуется и измеряется с учетом специфики этой области человеческих знаний. В процессе дальнейшего рассмотрения потребительной стоимости выяснится, что она является носителем меновой стоимости, капитала, что она — богатая по своему содержанию экономическая категория.

Однако все это обнаружится лишь в дальнейшем. В самом же начале потребительная стоимость тождественна с непосредственным бытием товара как вещи, предмета, выступает как его *качество* в данном определении. Источником потребительной стоимости являются вещество, силы природы и труд, который изменяет это вещество и использует эти силы. Многообразие качественно отличных друг от друга товаров, потребительных стоимостей, определяется многообразием конкретных видов труда, его разделения.

Созерцание, опыт обнаруживают в товаре не только свойство удовлетворять человеческие потребности, но и вступать в отношение с другими товарами, обмениваться на другие товары. Способность товара к обмену в определенных количественных пропорциях есть меновая стоимость в ее элементарном определении. Если потребительная стоимость характеризует взятый непосредственным товар прежде всего со стороны качества, то меновая стоимость — со стороны *количества*. Как количественная определенность товара меновая стоимость вначале выступает чем-то внешним и безразличным по отношению к нему, чем-то случайным и чисто относительным. Однако ежедневный опыт показывает людям, что за миллионами и миллиардами раз повторяющихся обменов одного товара на другой скрывается нечто устойчивое и общее для всех товаров, определяющее их меновую стоимость. Постоянные количественные пропорции обмена как закономерность позволяют напасть на след экономического закона этого явления.

Обмен означает равенство, оно невозможно без соизмеримости, а последнее предполагает однородность обмениваемых товаров. Они должны принадлежать к одному роду, иметь нечто общее равной величины, должны быть равны чему то третьему, которое само по себе не есть ни один из них и есть в то же самое время каждый из них. Поиск этого общего означает снятие того, что различает товары,

следовательно, отвлечение от их качества, их потребительной стоимости. Что же остается от товара после такого снятия? Все чувственно воспринимаемые свойства в нем испаряются, угасают. Остается лишь нечто, определенное как лишенное конкретной предметности, как призрачная предметность, как продукт труда вообще. Но такое определение продукта труда означает абстрагирование от конкретных форм последнего, определение его как труда вообще, как труда абстрактного. Таким образом, если отвлечься от потребительной стоимости товаров, то в них остается лишь то, что они — застывший абстрактный труд. В этом определении они однородны и соизмеримы. Как сгустки, кристаллы абстрактного труда они суть *стоимости*.

Таким образом, труд, созидающий товары как потребительные стоимости, всегда конкретен, он же, лишенный этой конкретности, есть источник и субстанция стоимости. *Двойственный характер труда как конкретного и абстрактного в одно и то же время и в одном и том же отношении, в отношении товара, взятого непосредственным, был открыт и раскрыт К. Марксом.* Это имело решающее значение для понимания всей системы экономических категорий и законов капитализма.

Отсюда снова возникает искушение объявить эти определения исходными, или основными. Однако следует иметь в виду, что в данном случае они явились результатом исследования двойственного характера товара, снятия его непосредственного бытия, чувственной конкретности. Они, таким образом, производны от непосредственного бытия товара, хотя и лежат в основе его двойственности. Точно так же стоимость, определенная как сгусток абстрактного труда, не может быть началом политической экономии капитализма, поскольку она — абстракция чувственной конкретности «товар».

Для того чтобы стать действительной, реальной и даже чувственно-конкретной, стоимость должна пройти длинный путь опосредования, явить себя, приобрести самостоятельную форму, развить ее. Ближайшей конкретизацией стоимости является определение ее вещественного носителя. Стоимость выступает как то третье, чему равны два обмениваемых товара. Но она в то же время есть в них, в противном случае они не были бы равны этому третьему. Стоимость, таким образом, получает новое определение — определение овеществленного в товарах абстрактного труда, которое отрицает первое ее определение. Дальнейшим движением стоимости являются определение ее величины общественно необходимым рабочим временем, раскрытие его содержания, установление зависимости величины стоимости от уровня производительности и интенсивности общественного труда.

Каждое последующее определение есть диалектическое отрицание предыдущего, его истинности. Так, стоимость как застывший абстрактный труд, как результат отрицает свою субстанцию, свой источник—абстрактный труд как процесс. Овеществленная в товаре стоимость отрицает себя как просто сгусток абстрактного труда. Общественно необходимое рабочее время как определение стоимости отрицает ее определение просто рабочим временем. Стоимость отрицает себя как овеществленный в товаре общественно необходимый абстрактный труд, непосредственно измеряемый общественно необходимым рабочим временем. Для стоимости характерно то, что воплощенный в товарах труд выражается не прямо в единицах общественно необходимого рабочего времени, а косвенно, через соотношение товаров, через обмен. Вне менового отношения стоимости в действительности нет, она не обнаруживает себя. Для нее существенной становится *форма*; и дальнейшая конкретизация

стоимости, дальнейшее ее движение от абстрактного к конкретному связано с развитием формы.

Стоимость как снятое непосредственное бытие товара является одним из определений его сущности. Эта сущность должна явить себя, приобрести свое наличное бытие, отличное от непосредственного бытия товара как потребительной стоимости. Исследование стоимости начинается с меновой стоимости как непосредственно данной. Но непосредственно данная меновая стоимость лишена сущности. После того как получено определение стоимости как сущности товара, Маркс возвращается к исследованию меновой стоимости. Но теперь меновая стоимость исследуется не как непосредственно данная, а как явление сущности, ее наличное бытие.

Таким образом, меновая стоимость как свойство непосредственно данного товара и меновая стоимость как явление сущности товара, его стоимости принципиально отличаются друг от друга, как простое — от сложного, абстрактное — от конкретного, как категория сферы непосредственного бытия — от категории сферы сущности. Точно так же отличается качество вещи как потребительной стоимости от натуральной формы товара как явления потребительной стоимости. В первом случае это явление без сущности, во втором — явление сущности, ее развитая форма.

Диалектический процесс развития форм стоимости — это сложный процесс развития самой товарной формы продукта труда, становления капиталистического товара. От понимания этого процесса в значительной степени зависит понимание всей диалектики капиталистического способа производства. Вот почему в «Капитале» исследованию процесса развития форм стоимости уделяется особое внимание.

В начале исследования К. Маркс еще раз обращает внимание на то, что товары появляются на свет в форме потребительных

стоимостей, товарных тел, каковыми являются железо, холст, пшеница и т. д. Но товарами они становятся только тогда, когда наряду с доморощенной натуральной формой приобретают самостоятельную форму стоимости. «Каждый знает, — писал К. Маркс, — если он даже ничего более не знает, — что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных стоимостей, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы».¹³⁷

Если развившуюся в самостоятельность стоимостную форму рассматривать непосредственно, то ее можно определить как экономическое качество товара. Каждый товар как материальная вещь начинает качественно отличаться от самого себя как стоимости. Он приобретает два качества и соответственно двойное существование — натуральное и экономическое. Это двойное бытие товара становится и обнаруживается лишь в *стоимостном отношении*. Поэтому дальнейшее исследование товара предполагает рассмотрение данного отношения.

Действительно, непосредственно как вещь товар не является потребительной стоимостью для своего непосредственного, первичного собственника. Только поэтому вещь и может стать товаром, т. е. быть отчужденной, обмененной на другую вещь. Для своего первичного собственника товар имеет потребительную стоимость не как потребительная, а как меновая стоимость, или как средство обмена. Потребительная стоимость не является, таким образом, непосредственной. Она становится лишь в обмене, через

---

¹³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 57.

опосредование, в отношении одного товара к другому и товаровладельцев друг к другу. Меновая стоимость становится действительной, реализует себя также в обмене. Это следует из ее первоначального простейшего определения как способности к обмену.

В стоимостном отношении не только обнаруживается самостоятельность потребительной стоимости и стоимости, но и их противоречивое единство. Они взаимно предполагают и взаимно отрицают друг друга. «Чтобы стать потребительными стоимостями, — отмечал К. Маркс, — товары должны всесторонне отчуждаться, вступать в процесс обмена, но их бытие для обмена есть их бытие в качестве меновых стоимостей. Поэтому, чтобы реализоваться как потребительные стоимости, они должны реализоваться как меновые стоимости». ¹³⁸ Вместе с тем товар «может реализоваться как меновая стоимость лишь благодаря тому, что он в своем отчуждении выявляет себя в качестве потребительной стоимости». ¹³⁹

* * *

Исследование стоимостного отношения К. Маркс начинает с простейшего: x товара $A = y$ товара B , или: 20 аршин холста = 1 сюртуку. ¹⁴⁰

В этом отношении обнаруживаются две разные стороны, два момента. Товар A выражает свою стоимость в товаре B . Он поэтому находится в относительной форме стоимости. Товар B функционирует как эквивалент, или находится в эквивалентной форме. Раздельное рассмотрение этих сторон дает возможность выявить их качественную (содержание) и количественную определенность. Первое особенно

---

¹³⁸ Там же, т. 13, с. 29.

¹³⁹ Там же, с. 30.

¹⁴⁰ См. там же, т. 23, с. 57.

важно, потому что буржуазные экономисты до Маркса исследовали меновую стоимость лишь количественно.

Содержание относительной формы стоимости характеризуется тем, что посредством стоимостного отношения натуральная форма товара *B* становится формой стоимости товара *A*. В этом отношении товар *A* делает потребительную стоимость товара *B* материалом для выражения своей собственной стоимости. Стоимость товара *A* получает, таким образом, самостоятельную форму, отличную от натуральной формы товара.

Поскольку в основе отношения двух товаров лежит овеществленный в них абстрактный труд, количественно относительная форма стоимости зависит от величины общественно необходимого рабочего времени, затраченного на производство каждого из этих товаров. Рассмотрев возможные варианты изменения этого времени, К. Маркс приходит к выводу, отрицающему первое положение: «Действительные изменения величины стоимости не отражаются, как мы видим, достаточно ясно и полно в относительном выражении величины стоимости, или в величине относительной стоимости».¹⁴¹

Содержанием эквивалентной формы какого-либо товара является его непосредственная обмениваемость на другой товар.

Количественно величина стоимости товара-эквивалента не получает никакого выражения, так как для этого товар должен сбросить с себя данную форму и принять относительную форму стоимости. Более того, в приведенном выше стоимостном уравнении она фигурирует только как определенное количество данной вещи — 1 сюртук.

У эквивалентной формы есть три особенности. Первая заключается в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности — стоимости, натуральная

---

¹⁴¹ Там же, с. 64.

форма товара — его экономической формы. Вторая особенность проявляется в том, что конкретный труд становится выражением абстрактного человеческого труда. Третья особенность эквивалентной формы состоит в том, что частный труд становится формой своей противоположности, т. е. трудом в непосредственно общественной форме.

Казалось бы, эти особенности уже рассмотрены при исследовании содержания относительной формы стоимости. Однако это не так. В первом случае натуральная форма продукта *B* становилась формой стоимости продукта *A* как нечто, внешне отличное от его натуральной формы. Во втором случае в пределах простого стоимостного отношения натуральная форма товара-эквивалента, его товарное тело есть воплощение стоимости. Он как стоимость не отличает себя от своей потребительной стоимости. Это тождество создается стоимостным отношением одного товара к другому, однако по видимости товар-эквивалент обладает формой стоимости как таковой, по самой своей природе.

Поскольку потребительная стоимость товара-эквивалента выступает как его стоимость, постольку и воплощенный в этом товаре труд есть всегда в то же время труд абстрактный. С самого начала он выступает как конкретный частный труд и в то же время как абстрактный непосредственно общественный труд.

Стороны относительной формы стоимости не только различны, но и противоположны. Они взаимно обуславливают и взаимно исключают друг друга как противоположные крайности, т. е. как полюсы одного и того же выражения стоимости. Относительная форма стоимости существует постольку, поскольку существует эквивалентная форма, и наоборот. Определение товара в той или иной форме находится в зависимости исключительно от того места, которое он занимает в простом отношении стоимости и которое он может свободно менять. В

то же время один и тот же товар в одном и том же отношении стоимости не может находиться в обеих формах. Если он находится в относительной форме стоимости, он отрицает себя как эквивалент, если в эквивалентной — себя как относительную форму стоимости.

Простая форма стоимости есть *единство* относительной формы стоимости и эквивалентной формы. Поэтому после рассмотрения ее сторон, или полюсов, К. Маркс переходит к ее рассмотрению в целом.

Как целое она есть отношение, а именно — меновое отношение. Стороны этого отношения определены по-разному. Товар-эквивалент выступает как воплощение стоимости, вещи в непосредственно обмениваемой форме — меновой стоимости. Он сам *есть* меновая стоимость. Товар, стоимость которого выражается относительно, не есть непосредственно меновая стоимость, но он *обладает* меновой стоимостью. Его стоимостное бытие обнаруживается способностью другого товара обмениваться на него в определенной пропорции. Таким образом простая форма стоимости выступает как отношение, в котором впервые проявляется самостоятельная форма стоимости вообще. Такое проявление стоимости есть меновая стоимость.

Исследование простой формы стоимости в целом показывает, что стоимость не возникает в отношении одного товара к другому, а лишь проявляется в этом отношении. Но это проявление не является пустой формальностью. Здесь продолжается процесс формирования стоимости как овеществленного общественного труда. Вне менового отношения этот труд существует **в** товарах **в** скрытом виде. Непосредственно они выступают как результат индивидуального конкретного труда. Последний только в процессе обмена через снятие своего первоначального характера проявляется как всеобщий общественный труд. «Следовательно, — подчеркивал К. Маркс, — всеобщий общественный труд есть не готовая предпосылка, а становящийся результат. Таким образом, возникает новое затруднение, заключающееся в том, что

товары, с одной стороны, должны вступать в процесс обмена как овеществленное всеобщее рабочее время, а с другой стороны, овеществление рабочего времени индивидуумов как всеобщего само есть лишь продукт процесса обмена».¹⁴²

Отношение начала и результата и здесь определяет себя как противоречие. Как диалектическое единство противоположностей простая форма стоимости является простой формой внешнего выражения скрытой в товаре внутренней противоположности потребительной стоимости и стоимости. Действительно, в пределах стоимостного отношения товара *A* к товару *B* натуральная форма первого служит непосредственно лишь образом потребительной стоимости, а натуральная форма второго — лишь образом, или формой, стоимости. Это внешнее выражение есть в то же время результат движения становящегося товара до противоречия и снятие, разрешение этого противоречия. Вначале товар определил себя как вещь, различающую внутри себя потребительную и меновую стоимость. В этом определении он еще не является единством противоположностей, поскольку потребительная и меновая стоимости выступают лишь как различия. Тем самым он еще и не является товаром. Дальнейшее исследование потребительной и меновой стоимости приводит к открытию стоимости. Потребительная стоимость и стоимость соотносятся теперь как разные. Так, потребительная стоимость является результатом конкретного труда, а стоимость — абстрактного; первая есть нечто предметное, вторая не содержит в себе ни одного атома вещества природы; стоимость делает товар всегда способным к обмену, потребительная стоимость ставит здесь определенные ограничения и т. д. Разность потребительной стоимости и стоимости развивается в противоположность и в противоречие тогда, когда стоимость получает самостоятельную форму существования, отличную

---

¹⁴² Там же, т. 13, с. 32.

от натуральной формы вещи, в которой она воплощена. Вещь *стала* товаром как единство противоположностей.

Товар, таким образом, есть не просто потребительная и меновая стоимость, как это утверждалось раньше, а *единство* потребительной стоимости и стоимости. В простой форме стоимости как единстве противоположностей относительная форма стоимости полагает эквивалентную форму, а эквивалентная — относительную. Только в этом взаимном полагании они и существуют. В то же время они отрицают друг друга, и это отрицание есть отрицание условий своего существования, т. е. отрицание самих себя. Но полагание эквивалентной формы есть полагание формы стоимости, а полагание относительной формы стоимости есть полагание формы потребительной стоимости как своих противоположностей.

Простая форма стоимости *тождественна*, таким образом, товарной форме продукта труда, товару. Товар, следовательно, определяет себя не просто как предмет, обладающий определенными свойствами, а как отношение, *как процесс*. Сторонами, или моментами, этого отношения являются потребительная стоимость и стоимость. Однако последние отличаются от потребительной стоимости и стоимости, рассматриваемых изолированно, односторонне, вне данного отношения. Здесь они — моменты, переходящие друг в друга. Этот переход определяет понятие товара как процесса, который находит внешнее выражение в обмене. Его вещественным содержанием является обмен потребительных стоимостей. Но это содержание обмена еще находится за пределами его экономической формы, экономической определенности. В обмене товары узнают и признают друг в друге только стоимость, отрицая тем самым свое различие, себя как потребительных стоимостей. Простая форма стоимости в целом выступает как *стоимостное* отношение, как меновая стоимость. Утверждение ее тождественности с товаром является тем самым

утверждением тождественности товара и меновой стоимости. Меновая стоимость выступала вначале как один из факторов товара. Сейчас она выступает как экономическое бытие товара, как товар. Продукт труда становится товаром, а *товар — меновой стоимостью*.

Товар как меновая стоимость является результатом разрешения противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью.

В простой форме стоимости стоимость определяет себя вначале через внешнее соотношение с другой стороной, через потребительную стоимость, т. е. путем собственного отрицания. Это отрицание отрицается товаром-эквивалентом, потребительная стоимость которого есть непосредственно стоимость. Через отрицание отрицания стоимость вернулась к себе и предстала как меновое отношение, как меновая стоимость. Но это не та меновая стоимость, которая определяла себя только как способность к обмену или как идеальную пропорцию обмена одного товара на другой. Она обогатилась в процессе своего движения новыми определенностями, которые в то же время являются определенностями товара. Теперь меновая стоимость *содержит в себе* в снятом виде *потребительную стоимость* как отрицание стоимости. В дальнейшем это обнаружится, в частности, в количественном несовпадении цены и стоимости, в модификации закона последней. Как меновая стоимость товар — только стоимость, но опосредованная потребительной стоимостью.

Меновая стоимость, представленная в простой форме стоимости, есть, однако, новое противоречие. Стоимость по своему понятию представляет общее в товарном мире, она всеобща. В простой же форме стоимости она представлена определенным единичным товаром. Противоречие простой формы стоимости выражается, таким образом, в противоречии между *всеобщим* характером стоимости и ее вещественным бытием в определенном *единичном* товаре.

Развитием этого противоречия является переход простой формы стоимости в полную, или развернутую.

Посредством единичной формы стоимости стоимость одного товара получает выражение в одном товаре другого вида, причем вид этого товара совершенно безразличен. Им может быть сюртук, железо, золото, чай, пшеница, вообще любой другой товар. Полная, или развернутая, форма стоимости принимает следующий вид: z товара $A = u$ товара B , или $= v$ товара C , или $= w$ товара D , или $= x$ товара E , или $= i$ т. д. Такое выражение стоимости в большей степени соответствует ее понятию. Она здесь действительно выступает как сгусток лишнего различий человеческого труда. Выражение стоимости в бесконечном ряду товаров показывает ее полное безразличие ко всякой особой потребительной стоимости, в которой она проявляется. Соответственно натуральные формы товаров-эквивалентов выступают здесь в качестве особенных эквивалентных форм, существующих наряду со многими другими. Многообразные конкретные виды труда, воплощенные в товарах-эквивалентах, выступают теперь как особенные формы человеческого труда вообще.

Полная форма стоимости отрицает простую, но противоречие последней возрождается в ней в новом виде. Относительная форма стоимости не получает здесь завершения, так как ряд товаров-эквивалентов практически бесконечен. Стоимость не получает и единообразного выражения в силу многообразия натуральных форм эквивалентов. Каждый товар выражает свою стоимость в длинном ряду товаров, отличном от другого ряда, в котором выражает свою стоимость другой товар. Например, u товара $B = z$ товара A , или $= v$ товара C , или $= w$ товара D , или $= x$ товара E , или $= i$ т. д. Это выражение отличается от приведенного выше. Таким образом, относительная форма стоимости различных товаров различна. В полной форме стоимости наличествует не всеобщий эквивалент, а огра-

ниченные особенные эквиваленты, каждый из которых исключает все другие. Соответственно, содержащийся в этих эквивалентах определенный, конкретный труд не является исчерпывающей формой проявления человеческого труда. Конечно, совокупность всех эквивалентов представляет всю полноту этого труда. Но здесь он представлен не в единой форме, а в совокупности особенных форм.

Неразрешенное противоречие меновой стоимости определяет переход полной формы стоимости во всеобщую.

Полную форму стоимости всегда можно представить как сумму уравнений первой формы, например:

20 аршин холста = 1 сюртуку,

20 аршин холста = 10 ф. чаю и т. д.

Но каждое из этих уравнений может быть прочитано и справа налево:

1 сюртук = 20 аршинам холста,

10 ф. чаю = 20 аршинам холста и т. д.

Холст, таким образом, становится формой выражения стоимости всех других товаров. Как стоимости все они «холсто-образны». Их стоимость выражается теперь закончено, просто и единообразно. Все товары выражают ее только в одном товаре, форма их стоимости общая всем, т. е. всеобща.

Всеобщая форма стоимости отрицает развернутую как отрицание простой. Она, таким образом, есть отрицание отрицания. В простой форме стоимость одного товара выражается в потребительной стоимости другого единичного товара; в развернутой форме — в потребительной стоимости любого товара, кроме потребительной стоимости, в которой она воплощена; во всеобщей форме — в потребительной стоимости только одного товара. Всеобщая форма стоимости возвращается к простой, но как обогатившаяся и развившаяся в процессе своего возвращения.

Движение формы стоимости от простой к всеобщей находит выражение в развитии полярности между относительной формой стоимости и эквивалентной формой.

В простой форме стоимости обе ее стороны исключают друг друга, но только формально. Каждый из двух товаров находится здесь то в относительной форме стоимости, то в эквивалентной форме в зависимости от того, читается ли уравнение слева направо или справа налево.

Во второй форме какой-либо товар обладает развернутой относительной формой стоимости лишь потому и постольку, поскольку все другие товары противостоят ему в эквивалентной форме. Здесь уже нельзя поменять местами стороны уравнения, не изменяя его общего характера. Как мы видели, такая перестановка означает превращение развернутой формы стоимости во всеобщую.

В последней все товары получают всеобщую относительную форму стоимости лишь потому и постольку, поскольку они исключены из эквивалентной формы. Соответственно товар, выступающий в качестве всеобщего эквивалента, исключен из единой и потому всеобщей Относительной формы стоимости товарного мира. Этот мир раскалывается на две противостоящие друг другу части. Все товары, обладающие относительной формой стоимости, непосредственно выступают как потребительные стоимости. Противостоящий им и не обладающий относительной формой стоимости товар — всеобщий эквивалент выступает поэтому как воплощение стоимости.

Конечно, такое противопоставление потребительной стоимости и стоимости имело место и ранее. Но здесь оно развивается и закрепляется. Стоимость каждого товара отличается теперь не только от *своей* потребительной стоимости, но и от *всякой* потребительной стоимости. Действительно, все они выражают свою стоимость в одном единственном товаре-эквиваленте, который противостоит им как

непотребительная стоимость. Таким образом относительная форма стоимости любого товара действительно выражает то общее, что есть у него с другими товарами.

Всеобщая эквивалентная форма, так же как единичная и особенная, может принадлежать любому товару, но всегда только при том условии, что этот товар выталкивается из среды всех других товаров. На это обстоятельство указывает К. Маркс, рассматривая различия трех форм стоимости. В первых двух каждый товар ищет самостоятельную форму выражения своей стоимости сам, без содействия остальных товаров. В простой форме стоимости приобретение единичного эквивалента в значительной степени является делом случая. В развернутой форме один товар исключает все другие, чтобы в них выразить свою стоимость. Он активен, все другие товары пассивны. Во всеобщей форме стоимости, наоборот, все товары исключают из своей среды один, делая его всеобщим эквивалентом. Этот объективный, независимый от исключаемого товара процесс есть общее дело всего товарного мира. Именно всеобщая относительная форма стоимости товарного мира придает исключенному из него товару характер всеобщего эквивалента. Этот товар приобретает способность непосредственно обмениваться на все другие товары, а его натуральная форма становится образом стоимости, общим для всех товаров. Тем самым конкретный частный труд, воплощенный во всеобщем эквиваленте, становится *всеобщей* формой проявления человеческого труда вообще.

Выше подчеркивалось, что развитие форм стоимости тождественно развитию товарной формы продукта труда, а следовательно, стоимости и ее субстанции — абстрактного всеобщего труда.

Когда вначале товар рассматривался вне отношения с другими товарами, овеществленный в нем абстрактный всеобщий труд получил только *отрицательное* выражение как труд, от которого отвлечены все

конкретные формы и полезные свойства действительных видов труда. В процессе развития стоимости, ее форм начинает отчетливо выступать собственная *положительная* природа этого труда. Уже в простой форме стоимости обнаружилось, что абстрактный труд приобрел форму своего выражения в виде конкретного труда, воплощенного в единичном товаре-эквиваленте. Тем самым он стал определенным, конкретным абстрактным трудом. Частный же труд приобрел единичную форму общественного труда. Во всеобщей форме стоимости конкретный полезный труд, воплощенный в товаре-эквиваленте, становится всеобщей формой проявления человеческого труда вообще. Абстрактно-всеобщий труд стал конкретно-всеобщим. В этом своем определении он не только результат анализа, но и синтеза, ибо все действительные виды труда *сведены* здесь к одному конкретному труду, выступающему как непосредственно всеобщий. Следует еще раз подчеркнуть, что такое сведение имеет место только в пределах менового отношения, представленного всеобщей формой стоимости. Вне менового отношения товары возвращаются к прежним определенностям и прежним характеристикам. Товар как таковой, т. е. взятый только в отношении к самому себе, не может выразить свою стоимость и, следовательно, овеществленный в нем абстрактный труд иначе, как труд, лишенный формы.

Итак, во всеобщей форме стоимость получает соответствующее ее содержанию выражение. Тем не менее выступившее во внешних развитых формах имманентное товару противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью и здесь не нашло еще своего разрешения.

Действительно, каждый товар может выступить всеобщим эквивалентом, исключив в этом качестве все другие товары. Но если каждый товар одновременно исключает все другие, то ни один из

представителей товарного мира не может быть всеобщим эквивалентом. Всеобщая форма стоимости становится невозможной.

Противоречие может быть разрешено только в том случае, если все товары будут противопоставляться одному, *монополю* выполняющему роль всеобщего эквивалента. Определенный таким образом товар становится *деньгами*, а всеобщая форма переходит в *денежную*.

При переходе от первой формы стоимости ко второй и от второй к третьей имели место существенные изменения. Они отсутствуют при переходе от всеобщей формы к денежной. Различие между ними состоит лишь в том, что роль всеобщего эквивалента теперь монополю выполняет золото, что всеобщая эквивалентная форма прочно и окончательно срослась с натуральной формой этого товара.

Рассмотрением денежной формы заканчивается исследование меновой стоимости в I главе I тома «Капитала».

Это исследование, в полном соответствии с диалектическим методом, начинается с простой формы стоимости. Как начало специфического движения она не лежит на поверхности капиталистического общества, не дана непосредственно. Ее и нельзя взять непосредственно, поскольку она есть определенный результат, а именно, результат становления товара. С нее начинается движение продукт труда, ставший товаром, или *простой* товар. Таким образом, простая форма стоимости есть начало определенного отрезка, вернее витка в движении товара, становящегося капиталом. Основными вехами, которыми уже отмечено это движение, являются: продукт труда, становящийся товаром — товар, становящийся меновой стоимостью — меновая стоимость, становящаяся деньгами. Как начало определенного этапа диалектического движения простая форма стоимости в зародыше содержит его результат. Однако это обнаружится только в самом результате, взятом вместе с процессом.

Простая форма стоимости является, таким образом, денежной формой в себе, и процесс ее полагания, саморазвертывания есть процесс развития меновой стоимости. И простую, и развернутую форму стоимости, конечно, можно рассматривать самостоятельно как этапы в движении меновой стоимости. Но их истина в том, что они являются лишь моментами всеобщей (денежной) формы стоимости. Диалектический процесс движения меновой стоимости от простой до денежной является столь же аналитическим, сколь и синтетическим. Простая форма есть абстракция денежной, но это обнаружится в процессе движения вперед, который есть в то же время возвращение назад. Простая форма возвращается к самой себе, но уже как денежная. Относительное выражение стоимости какого-либо товара в товаре, уже функционирующем как деньги, например в золоте, есть его *цена*. Например, цена холста такова:

20 аршин холста = 2 унциям золота.

Цена какого-либо товара определяет себя, таким образом, как денежная форма его стоимости.

Продукт труда, которому предстоит стать товаром, в начале этого становления прост. Он ничем не отличается от обыденной чувственно воспринимаемой вещи. Но как только он приобретает товарную форму, становится товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную, или *общественную*, вещь. Товары представляются как нечто самостоятельное, одаренное жизнью, стоящее в определенных отношениях друг с другом и с людьми. Это явление К. Маркс назвал *товарным фетишизмом*.

Становление товара есть в то же время становление товарного фетишизма, а исследование движения товаров в процессе развития формы стоимости является исследованием товарного фетишизма, обнаружением его тайны.

Это исследование показывает, что фетишистский характер товарного мира объективно порождается своеобразным общественным характером труда, производящего товары.

Как общественная вещь товар есть продукт общественного труда. Однако этот общественный труд не может явить себя непосредственно, вернее он является непосредственно только через свое отрицание, как труд частный. Наоборот, отрицание частного труда товаропроизводителей есть утверждение общественного характера их труда. Как показывает предшествующее исследование, сведение частного труда к общественному осуществляется через отношение обмена. Таким образом, общественный труд частных товаропроизводителей опосредуется отрицанием своего отрицания, и это опосредование есть объективная основа, объективная сторона товарного фетишизма. «Другими словами, частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним, т. е. производителям, общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле, т. е. не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей».¹⁴³

Рассмотрев движение товаров в обмене как *общественное отношение вещей* и открыв тайну товарного фетишизма, К. Маркс приступает к исследованию *вещных отношений лиц* как другого момента обмена.

Собственно, в первом случае обмена еще нет, он только становится. Ставший обмен — это не только общественные отношения

---

¹⁴³ Там же, т. 23, с. 83. — Понятия «общественные отношения вещей» и «вещные отношения людей» более диалектичны, чем «овеществление» и «персонификация» производственных отношений. В первом случае акцент делается на процессе, во втором — на предмете, субъекте.

вещей и не только вещные отношения лиц, но и диалектическое единство первого и второго. Поэтому II глава I тома «Капитала», где обмен рассматривается как ставший, называется «Процесс обмена».

Товары, по выражению К. Маркса, не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. За общественными отношениями вещей как товаров должны стоять вещные отношения людей как товаровладельцев. Для того чтобы вещи признавали друг в друге товары, люди должны признавать друг в друге товаровладельцев, частных собственников обмениваемых вещей. Это признание реализуется самой сделкой мены, волевым актом, юридическим отношением. Но содержание этого юридического отношения дано самим экономическим отношением. Каким же? До сих пор мы знали только одно экономическое отношение. Это отношение товаров друг к другу в процессе обмена. Следовательно, это экономическое отношение определяет лиц, участвующих в обмене, как товаровладельцев. Но выше утверждалось прямо противоположное. Что же следует за чем? Признание вещей товарами за признанием стоящих за ними лиц собственниками, или наоборот? Что здесь первично и что вторично? Мы вновь сталкиваемся с проблемой начала и результата и будем сталкиваться с ней всякий раз, переходя от одного этапа диалектического движения товара и капитала к другому. Но в данном случае речь идет о большем, а именно, о собственности как начале системы.

Товарный фетишизм, как действительность общества частных товаропроизводителей, выражается в господстве вещей над людьми. Положение и движение вещей определяет положение и действия людей. Но это объективно извращенный, поставленный на голову, вывернутый наизнанку товарный мир. Другой его стороной является господство людей над вещами. Без этого отношения не было бы *его* отрицания. Общественные отношения вещей определяют вещные отношения

людей, но и вещные отношения людей определяют общественные отношения вещей. Это проявляется даже в самом определении данных понятий, каждое из них содержит в себе другое. Они оба суть моменты единого — *обмена*, который есть проявление *элементарного отношения собственности*. Под содержанием юридического отношения собственности следует понимать экономическое отношение, как диалектическое единство двух вышеназванных, моментов.

В связи с этим сама постановка вопроса о том, предшествует ли частная собственность обмену, или, наоборот — обмен частной собственности, представляется неправильной, точнее неистинной. Обмен действительно, а не только мысленно (идеально) совершается тогда, когда его участники признают друг в друге частных собственников. Но они действительно признают друг в друге собственников только тогда, когда товары перейдут из рук в руки. Таким образом, реализация обмена и реализация собственности есть одно и то же движение, тождественное отношение. «Как мы видели, — писал К. Маркс, — в простом обращении как таковом (в меновой стоимости, рассматриваемой в ее движении) взаимное действие индивидов друг на друга по своему содержанию есть лишь заинтересованность каждого индивида в удовлетворении своих потребностей, а по форме — обмен, приравнивание (установление эквивалентов); поэтому и собственность положена здесь еще только как присвоение продукта труда посредством труда и продукта чужого труда посредством собственного труда, поскольку продукт собственного труда покупается чужим трудом. Собственность на чужой труд опосредствована эквивалентом собственного труда. Эта форма собственности — точно так же, как свобода и равенство — положена в этом простом отношении».¹⁴⁴ Таким образом, экономически собственность простых товаровладельцев нельзя рассматривать вне

---

¹⁴⁴ Там же, т. 46, ч. I, с. 184.

формы обмена и противопоставлять ее последнему как нечто самостоятельное и независимое от него. Такое рассмотрение и определение собственности неистинно. Частная собственность простых товаровладельцев есть форма простого товарного обращения, а форма простого товарного обращения есть частная собственность простых товаровладельцев.

Движение собственности и его исследование начинается с рассмотрения общественных отношений вещей, поскольку они лежат ближе к поверхности. Они, таким образом, определяющие. Но они же и определяемые, поскольку движение вперед есть возвращение назад.

Общественные отношения вещей и вещные отношения людей— *разные* моменты единого. Товары признают друг в друге только стоимость и вступают во взаимоотношения только на основе последней. Потребительная стоимость для них безразлична. Наоборот, каждый товаровладелец стремится получить за свой товар продукт, способный удовлетворить его потребность, т. е. потребительную стоимость. В этом стремлении обмен является для него чисто индивидуальным процессом. Вместе с тем он хочет реализовать свой товар и как стоимость, независимо от того, является ли последний потребительной стоимостью для владельцев других товаров. С этой стороны обмен является для него всеобщим общественным процессом. Но один и тот же процесс не может быть в одно и то же время для всех товаровладельцев индивидуальным и всеобщим общественным. Действительно, для каждого товаровладельца, реализующего стоимость своего товара в других товарах той же стоимости, последние выступают как особенные эквиваленты. В силу этого его собственный товар играет роль всеобщего эквивалента. Но поскольку в таком определении собственного товара одновременно сходятся *все* товаровладельцы, постольку *ни один* товар не является всеобщим эквивалентом. Но если это так, то *ни один* из товаров не обладает

всеобщей относительной формой стоимости, в которой они как стоимости качественно однородны и количественно соизмеримы. Следовательно, они относятся друг к другу не как товары, а только как продукты, или потребительные стоимости.

Здесь вновь в иной форме и в ином отношении обнаруживает себя противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, которое разрешается возникновением денег.

«Денежный кристалл, — писал К. Маркс, — есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются друг к другу и тем самым фактически превращаются в товары. Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не унимается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги».¹⁴⁵

Раздвоение товара выражается в том, что его отношение как продукта к себе как к меновой стоимости становится его отношением к существующим *наряду с ним* деньгам. Все товары как таковые вначале реально существуют как потребительные стоимости, деньги же как нечто внешнее и безразличное к товарам — как стоимость, приобретшая самостоятельное бытие. Вступая в отношение с деньгами, товары выражают в них свою стоимость. Тем самым они *приобретают* цену. Вначале она выступает как идеальное, мысленное денежное выражение стоимости товаров, как *идеальная цена*. Таким образом, товар

---

¹⁴⁵ Там же, т. 23, с. 96- 97.

реально существует как потребительная стоимость и идеально представляется как стоимость. Деньги как другая сторона отношения выступают в качестве потребительной стоимости, которая непосредственно может быть превращена в любую другую потребительную стоимость. Деньги становятся предметом всеобщей потребности, *приобретают* всеобщую потребительную стоимость. Они реально являются особенной потребительной стоимостью, формой которой служит их денежное тело (золото), и идеально-всеобщей потребительной стоимостью. Вторая потребительная стоимость существенно отличается от первой. Она не просто вещественный носитель общественных отношений, а сама есть отношение, определенность формы, экономическая категория. Эта ее форма вытекает из специфической роли, которую играют деньги в процессе обмена благодаря всестороннему воздействию на них других товаров.

Идеальная денежная форма товаров и идеальная всеобщая потребительная стоимость денег как моменты одного и того же отношения становятся реальными.

К. Маркс рассматривает деньги, подобно всем экономическим явлениям и категориям, не просто как готовый результат, в котором движение угасло, а как результат, взятый вместе с процессом. В процессе своего движения от идеального к реальному, от абстрактного к конкретному деньги определяются как *мера стоимостей, средство обращения* и как единство первых двух, или *деньги как деньги*.

Определение денег как *меры стоимостей* есть их самое простое определение. Здесь они являются лишь необходимой формой проявления имманентной товарам меры стоимости — рабочего времени. Форма эта — мысленно представляемая, а деньги в этой форме — идеальны. Казалось бы, ничего нового в определении стоимости и меновой стоимости товара в форме идеальной цены нет. Однако это не так. В форме такой цены товар не просто выражает свою

стоимость в другом товаре (деньгах), но и сам идеально *положен* как деньги. Цена является не непосредственной, а отраженной от денег, рефлексированной определенностью товара. Уже простая форма стоимости, взятая в целом, содержала в зародыше возможность несовпадения меновой стоимости со стоимостью. В цене эта возможность становится одной из ее собственных характеристик. «И это не является недостатком этой формы, — наоборот, именно эта отличительная черта делает ее адекватной формой такого способа производства, при котором правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел».¹⁴⁶

Стоимость товара определяет себя как закон его цены, а цена — как явление закона. Но явление богаче закона. В цене помимо стоимости как ее закона, как ее существенного, содержится и ее несущественное. Этим несущественным является потребительная стоимость в снятом виде. Цена не равнодушна к потребительной стоимости. С изменением последней, с изменением предложения и спроса на товары изменяется и их цена.

К. Маркс показывает, что форма цены допускает не только количественное несовпадение величины стоимости с ценой. Цена может вообще перестать быть денежным выражением стоимости. Объектом товарных сделок могут быть совесть, честь, и в определении товара они приобретают цену. Эта цена как отрицание самой себя является результатом развития скрытых в ней противоречий, действительных стоимостных отношений.

Идеальная цена реализуется в действительном обмене, который становится *товарным обращением*. Главное отличие последнего от непосредственного обмена состоит в том, что идеальные цены товаров уже даны как его предпосылка. Товары вступают в отношения друг с другом уже «позолоченными», тогда как в простом непосредственном

---

¹⁴⁶ Там же, с. 112.

обмене им еще предстоит найти форму меновой стоимости. В процессе обращения товар, обладающий идеальной ценой, обменивается на реальные деньги, чтобы в качестве денег обменяться на другой товар. В отличие от непосредственного обмена одного товара на другой, ограниченного одним актом, здесь обмен опосредуется деньгами и может быть продолжен бесконечно. Определенный таким образом он есть обращение товаров, а деньги — *средство обращения*.

Второе определение денег богаче первого и содержит его в себе в снятом виде. Деньги, выступающие в определении меры стоимости, представляют собой лишь определенное количество мыслимой природной материи (золота, серебра). Поэтому здесь существенным является материальный субстрат денег и безразлично их количество и само существование. Обмен как обращение товаров является снятием идеальности цены и превращением ее в реальность. Как идеальное определение товара цена существовала *в нем*, как реализованная она существует *вне* товара, наряду с ним, независимо от него. Реализованная цена противостоит товару как действительное количество натуральных единиц золота и серебра. Существенны здесь и материальный субстрат, и количество, и само наличие денег. Однако реальность цены в обращении товаров мимолетна. Она является не целью, а всего лишь средством движения. Ведь товар превращается в реальную цену только для того, чтобы последняя превратилась в другой товар.

Выступая только как средство обращения, деньги отрицают себя в качестве меры стоимости и средства реализации цен. Действительно, как мера стоимости они сняты в реальной цене, а как средство реализации цен они существуют лишь в одном из моментов обращения (продажа) и исчезают в его целостности.

Мимолетность денег как только средства обращения делает их безразличными к своей материальной субстанции. Тем самым

разрешается обнаружившееся в первом определении противоречие между деньгами как всеобщим товаром и деньгами как товаром особенным. Приобретая всеобщую потребительную стоимость, деньги становятся всеобщим товаром, противостоящим другим товарам. Но именно в силу этого противостояния они в то же время определяют себя и особенным товаром. При выполнении деньгами функции всего лишь средства обращения их натуральные особенности становятся безразличными. Они утрачивают свое особенное «лицо» и, удовлетворяя лишь всеобщую потребность самого обмена, становятся *только* всеобщим товаром. Мимолетность денег как средства обращения обуславливает такое положение, когда их реальность в данном процессе заключается не в том, что они — цена и стоимость, а в том, что они — *представители* последних. Деньги здесь становятся предметным знаком, символом цены и стоимости. Таким образом, положенные, реализованные как средство обращения деньги суть монета, безразличная к своему материалу.

Движение товаров по формуле $T—D—T$ является кругооборотом. Действительно, стоимость в форме товара в исходном пункте возвращается к себе в виде товара в конечном пункте движения, замыкая его. Данный кругооборот включает в себя в качестве момента движение денег. Последнее есть не возвращение, а постоянное удаление денег от исходного пункта, переход их из рук одного товаровладельца в руки другого. Это монотонное повторение одного и того же процесса, сообщаемого деньгам обращением товаров, образует *денежное обращение*. Потребление товаров, которое осуществляется за пределами товарного обращения, означает исключение их из данной сферы. Наоборот, потребление денег как средства обращения предполагает постоянное нахождение их в этой сфере в определенном количестве. Это количество определяется тремя факторами: движением цен, массой обращающихся товаров и быстротой обращения денег.

Равнодействующая данных факторов проявляет себя как закон, согласно которому количество средств обращения прямо пропорционально сумме цен обращающихся товаров и обратно пропорционально скорости обращения денег.¹⁴⁷ Необходимо подчеркнуть, что денежное обращение определяется товарным, а закон первого — законом стоимости.

Развитие денег в средство обращения, или товаров в деньги, создает новую форму движения тех противоречий, которые обнаруживались в непосредственном обмене. В последнем купля и продажа являются моментами, переходящими и исчезающими друг в друге, купля есть в то же время продажа, и наоборот. Здесь товары могут быть обменены, если они и их товаровладельцы нашли друг друга. Обращение товаров разрывает временные, индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена. Если товар обменен на деньги, то он всегда и везде посредством этого может быть обменен на другой товар. Вместе с тем товарное обращение развивает целый круг общественных связей, нарушение которых разрушает его. Ткач может продать холст крестьянину, если тот уже продал свою пшеницу. Последний может продать свою пшеницу, если пекарь продал выпеченный хлеб и т. д. Опосредование обмена товаров деньгами приводит к его распадению на два метаморфоза, две внешним образом соотносящиеся фазы: *куплю* и *продажу*. Они могут не совпадать во времени и пространстве. Можно продать не купив. Тем самым создается возможность нарушения внутреннего единства товарного обращения, его непрерывности, которое восстанавливается насильственно через кризисы. «Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости, — отмечал К. Маркс, — противоположность частного труда, который в то

---

¹⁴⁷ Этот закон в общем виде К. Маркс назвал «законом возмещения скорости массой и массы скоростью» (там же, т. 46, ч. II, с. 9).

же время должен выразить себя в качестве труда непосредственно общественного, противоположность особенного и конкретного труда, который в то же время имеет значение лишь труда абстрактно всеобщего, противоположность персонификации вещей и овеществления лиц — это имманентное противоречие получает в противоположностях товарного метаморфоза развитые формы своего движения. Следовательно, уже эти формы заключают в себе возможность — однако только возможность — кризисов».¹⁴⁸

В третьем определении деньги выступают *как деньги*, как самоцель, как нечто самостоятельное по отношению к товарному обращению и противостоящее ему.

Противоречия товарного обращения создают возможность обособления его моментов, а последнее — возможность выхождения денег за пределы обращения и их *самостоятельного* существования вне его. Тем самым создается возможность удержания денег вне обращения, их накопления, *образования сокровищ*. Следует подчеркнуть, что эта возможность создается предшествующим движением денег, их предыдущими определениями. Только как продукты собственного движения они становятся предметом, к обладанию которым и удержанию которого с целью обеспечения определенного положения в обществе, обогащения, стремятся все товаровладельцы.

Деньги как сокровище отрицают обращение, выходят из него, но тем самым они вступают в негативную связь с ним и, следовательно, входят в него. Выходя из обращения, деньги в то же время входят в него, и только поэтому они могут существовать самостоятельно как сокровище. Вне такой связи с обращением накопление было бы собиранием и удержанием золота и серебра как металла, но не накоплением денег.

---

¹⁴⁸ Там же, т. 23, с. 124.

Деньги, выполняющие функцию сокровища, противоречивы. Качественно они не имеют границ, поскольку являются всеобщим товаром, всеобщим представителем вещественного богатства. В то же время количественно каждая сумма денег ограничена и потому может быть обменена на определенное количество товаров, реализована как количественно ограниченное вещественное богатство. Это противоречие между качественной безграничностью и количественной ограниченностью денег объективно обуславливает безграничное стремление собирателя сокровищ к накоплению. Но всякий переход границы в этом направлении означает достижение новой границы. Поэтому К. Маркс называет такого рода деятельность собирателя сокровищ сизифовым трудом.

Возможность выхода денег за пределы товарного обращения и самостоятельного противостояния ему возникает и становится действительностью также и тогда, когда реализуется возможность несовпадения во времени актов купли и продажи. Товары могут быть проданы при условии отсрочки платежа за них. В этом случае деньги должны прежде всего проявить свою функцию меры стоимости при определении цены продаваемого товара. Она измеряется суммой, которую, согласно договорному обязательству, покупатель со временем должен выплатить продавцу. Как определенное денежное обязательство деньги фигурируют в качестве идеального *платежного средства*. Последнее реализуется, когда с наступлением договорных сроков денежная сумма, предусмотренная обязательством, переходит в руки продавца. Однако этот переход не превращает деньги в средство обращения, поскольку в данный момент они не опосредуют действительное движение товаров. Деньги, реализуемые как средство платежа, находятся за пределами товарного обращения и противопоставляются ему как самостоятельные. Они, таким образом,— сокровище и, следовательно, самоцель. Развитие денег в средство платежа вызывает

необходимость накапливать их перед сроками уплаты. Тем самым сокровище образуется не только на стороне продавца, но и на стороне покупателя.

В тех случаях, когда платежи взаимно погашаются, деньги как их средство функционируют идеально. В тех же случаях, когда осуществляются действительные платежи, деньги должны выступать не идеально и не мимолетно, а реально как самостоятельное наличное бытие стоимости, как индивидуальное воплощение общественного труда. Таким образом, деньги в качестве средства платежа выступают как идеальные, счетные и как реальные, полноценные. Это их противоречие К. Маркс назвал непосредственным. С особенной силой оно проявляется в денежных кризисах, являющихся моментом кризисов промышленных и торговых. При всеобщих нарушениях достигнутого полного развития механизма следующих друг за другом платежей и искусственной системы их взаимного погашения «деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеального образа счетных денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены обыденным товаром... Во время кризиса противоположность между товаром и образом его стоимости, деньгами, вырастает в абсолютное противоречие».¹⁴⁹ Здесь во весь свой голос деньги отрицают себя как только меру стоимости, как только средство обращения в виде знака (монеты) и как только счетных денег в виде средства платежа.

Это отрицание есть в то же время утверждение ими себя в качестве денег, достигших в своем движении полной самостоятельности, полного развития. Такими деньгами являются *мировые деньги*.

Только в мировой торговле стоимость до конца развертывается как всеобщность. Только здесь деньги становятся адекватными своему понятию денег как денег. Сбрасывая с себя приобретенные в процессе

---

¹⁴⁹ Там же, с. 149.

своего движения локальные формы, они возвращаются к своей первоначальной форме слитков благородных металлов — золота и серебра. Мировые деньги завершают третье определение, а оно как отрицание двух предыдущих — определение денег в целом. Следует еще раз подчеркнуть, что нельзя рассматривать определения и функции денег как находящиеся вне друг друга и положенные рядом друг с другом. Их надо не просто перечислять, а выводить, имея в виду, что каждое последующее определение диалектически отрицает предыдущее. Нельзя не видеть, что мера стоимостей — это простое определение денег, где они выполняют функцию цены, масштаба цен и счетных денег; средство обращения — развернутое определение, которое различает в самом себе как этапы своего движения метаморфоз товаров, обращение денег и знак стоимости.

Первые два определения раскрывают процесс становления денег. Их здесь еще нет. Не случайно только третий параграф III главы I тома «Капитала», которая носит название «Деньги, или обращение товаров», К. Маркс назвал «Деньги». Только здесь деньги приобретают полноту определений, соответствующую их понятию. Поэтому образование сокровищ, средство платежа, мировые деньги — это не просто функции денег наряду с другими, а функции *денег как денег* и этапы их движения в данном определении.

В своем третьем определении деньги как деньги есть противоречие. Действительно, деньги как всеобщая форма богатства — абстракция. Им противостоит мир действительного богатства как совокупность конкретных потребительных стоимостей. Для того чтобы из материального представителя всеобщего богатства превратиться в действительное, деньги должны быть обменены на товары, т. е. должны быть брошены в обмен и исчезнуть в нем. Они, конечно, остаются как средство обращения, но именно поэтому и исчезают как всеобщее богатство. Таким образом, реализация денег как всеобщего богатства

означает отрицание их как всеобщего богатства. Умножение денег как богатства предполагает увеличение их количества. Но если при этом не возрастает действительное богатство, деньги теряют свою стоимость в той мере, в какой они накапливаются. Деньги должны представлять стоимость как таковую. В действительности же они представляют определенное количество благородных металлов, стоимость которых подвержена изменению.

Как об этом уже говорилось выше, деньги в третьем определении в такой же мере предпосылка обращения, как и его результат. Они определяют себя, таким образом, как процесс, как обращение. Но, будучи самостоятельными, они как обращение противостоят обращению и отрицают его. Тем самым они отрицают себя. Это отрицание себя только как денег является в то же время определением их в качестве *капитала*.

В I отделе I тома «Капитала» К. Маркс всего лишь два раза упоминает о *законе стоимости*. В связи с этим может создаться впечатление, что здесь он вообще не исследуется. Это, конечно, не так, если под исследованием закона понимать не просто поиски его дефиниций, а открытие формы его проявления как закономерности, раскрытие чистых условий изменения его явления, рассмотрение процесса модификации этих условий.

Таким образом, раскрытие К. Марксом диалектического движения товара, стоимости, денег является в то же время исследованием закона стоимости. Непосредственное наблюдение постоянных количественных пропорций обмена одних товаров на другие дает возможность напасть на след скрывающегося за этой закономерностью закона. Определение единообразного, общего в разнообразном, пестром по натуральной форме потребительных стоимостей товарном мире есть *открытие* закона стоимости. Однако вначале он лишь закон в себе. Развитие по-

нения общественно необходимого рабочего времени, стоимости, ее формы является также *раскрытием*, опосредованием, исследованием закона стоимости. Его сущность раскрывает себя в неразрывном единстве, в необходимой внутренней связи многих различных определений стоимости.

Закон стоимости обнаруживает себя как закон явления тогда, когда стоимость приобретает самостоятельную форму существования.

«Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно пропорциональной мере. Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство потому, что общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом».¹⁵⁰

Вначале закон стоимости проявляет себя по отношению к отдельному товару, товару как таковому. Общественно необходимое время, определяющее стоимость такого товара, есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.

Более развитым выражением закона стоимости является определение его не по отношению к отдельному товару, взятому

---

¹⁵⁰ Там же, с. 85.

самостоятельным, а по отношению ко всей товарной массе обособившихся общественных сфер производства. Общественно необходимое рабочее время здесь не просто арифметическая сумма общественно необходимого рабочего времени, затраченного на производство отдельных товаров, образующих в совокупности товарную массу данного рода. Оно определяется общественной потребностью, общественной потребительной стоимостью. При данных условиях для того, чтобы удовлетворить свою потребность в продуктах данного рода, общество может затратить на их производство лишь определенную часть своего совокупного рабочего времени. Стоимость отдельного товара определяется как кратное, производное этой части, общественного труда.

Законы товарного производства проявляются в простом товарном обращении как «дремлющие». Всю свою силу, полноту всех своих определений они раскрывают в движении капиталистического способа производства. «...*Специфическое* развитие, которое претерпевает закон стоимости с возникновением капитала»,¹⁵¹ К. Маркс рассматривает в процессе исследования движения последнего.

При капитализме товар не только продукт труда, не только предпосылка, исходный пункт и элемент капитала, но и его результат. По отношению к товару как к результату, продукту капитала стоимость отрицает себя и переходит в цену производства как свою превращенную форму. Соответственно закон стоимости отрицает себя и модифицируется в закон цены производства. Таким образом, в капиталистической *действительности* движением товаров как бытием капитала управляет *закон цен производства*.

Это не значит, конечно, что стоимость и закон стоимости есть только научная гипотеза, чисто понятийные, мысленные определенности. «...Здесь речь идет не только о чисто логическом

---

¹⁵¹ Там же, т. 26, ч. I, с. 63.

процессе, — писал Ф. Энгельс, — но и об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей».¹⁵² Закон стоимости как таковой был реальностью, существовал на ранних ступенях развития товарного производства, в докапиталистических общественных формациях, в таких общественных условиях, когда средства производства являются собственностью непосредственного производителя товаров.

Исследование К. Марксом становления продукта товаром, а последнего меновой стоимостью и деньгами с их законами — непревзойденный образец *раскрытия специфической диалектической логики специфического предмета*. Это в полной мере относится и к реализации такого принципа диалектического метода, как единство исторического и логического. Открытию и раскрытию этого единства в исследовании товара и денег предшествовала напряженнейшая работа по изучению огромного фактического материала и совершенствованию метода его обработки.

Известно, что в черновых вариантах «Капитала» диалектическое движение товара и денег выражалось иногда в терминах гегелевской «логики». К. Маркс опасался, что это может породить видимость, будто речь идет лишь об определениях понятий и о диалектике этих понятий. В дальнейшем автор «Капитала» свел эту терминологию к минимуму.

Прочитав по просьбе К. Маркса корректурные листы I тома «Капитала», Ф. Энгельс посоветовал ему в целях популяризации «несколько подробнее доказать исторически, то что здесь достигнуто диалектическим путем...». Он рекомендовал также построить раздел о форме стоимости по примеру гегелевской «Энциклопедии философских наук» «в виде кратких параграфов, подчеркивая каждый диалектический переход особым заголовком...».¹⁵³ Маркс, который

---

¹⁵² Там же, т. 25, ч. II, с. 469.

¹⁵³ Там же, т. 31, с. 257.

всегда высоко ценил советы своего друга, на этот раз согласился с ним лишь отчасти. В письме Ф. Энгельсу от 22 июня 1867 г. он писал: «Что касается развития *формы стоимости*, то я и последовал твоему совету и *не* последовал ему, желая также и в этом отношении остаться диалектиком. Это значит, во-первых, что я написал *приложение*, в котором излагаю *тот же вопрос* возможно более просто и возможно более по-школьному, и, во-вторых, что я по твоему совету выделил каждый этап развития в *параграф* и т. д. со своим заголовком. В *предисловии* же я посоветую „недиалектическому“ читателю пропустить такие-то страницы и вместо них прочесть приложение».¹⁵⁴ Этот замысел был реализован К. Марксом в первом немецком издании I тома «Капитала». Во втором и третьем немецких изданиях приложение с некоторыми изменениями было включено им в основной текст.

Это не означает, конечно, что *наряду* с логическим в первом отделе первого тома «Капитала» присутствует и историческое, или исследование исторического процесса развития товара, обмена, формы стоимости, товарного обращения и денег. Исторический процесс и историческая форма исследования представлены здесь как снятые. Снятый исторический процесс развития товара является не просто его «жизнью» от разлагающегося первобытнообщинного строя до капитализма, а становлением его как капитала. С самого начала скрытно этот процесс опосредован капиталом, отмечен его печатью. К. Маркс рассматривает не простое товарное обращение в том виде, в каком оно впервые исторически явило себя, а как «предпосланное капиталом и его предпосылающее».¹⁵⁵

В своей снятости исторический процесс предстает как диалектический, а историческая форма исследования как логическая. Тем самым логический «метод в сущности является не чем иным, как тем

---

¹⁵⁴ Там же, с. 260.

¹⁵⁵ Там же, т. 46, ч. II, с. 491.

же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей».¹⁵⁶

Исторические экскурсы и примеры, которые приводятся в I отделе «Капитала» и в его черновых вариантах, призваны непосредственно, воочию показать, что речь здесь идет не только лишь о диалектике понятий, но прежде всего о действительном диалектическом движении капиталистического способа производства. Они призваны облегчить понимание этого процесса «недиалектическим» читателем. Так, К. Маркс показывает, что случайный обмен и случайная (простая) форма стоимости действительно существовали в определенную историческую эпоху, что первая форма денег соответствует низшей ступени обмена и меновой торговли.¹⁵⁷ Таким образом, при диалектическом методе «логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью».¹⁵⁸ Вместе с тем К. Маркс подчеркивает, что историческое и логическое могут не совпадать. Исторически деньги могут выступать в третьем определении прежде, чем они выражены в первых двух, логически это исключается. Третье определение денег в своем полном развитии логически предполагает оба первых и является их единством.

Процесс становления капитала является в то же время процессом становления *наемного труда*. В той же мере, в какой товар становится капиталистическим, а стоимость самовозрастающей на величину прибавочной стоимости, труд, создающий ее, становится наемным. Таким образом, общественный труд как источник стоимости и

---

¹⁵⁶ Там же, т. 13, с. 497.

¹⁵⁷ См. там же, т. 46, ч. I, с. 163.

¹⁵⁸ Там же, т. 13, с. 499.

потребительной стоимости приобретает новую, специфически капиталистическую определенность.

Не рассматривая в I отделе I тома «Капитала» исторический процесс рождения капитала в целом, К. Маркс тем самым не описывал и исторический процесс превращения непосредственных производителей товаров в наемных рабочих. «...Для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, — подчеркивал К. Маркс, — нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений... всегда приводят к таким первым уравнениям, которые — подобно эмпирическим числам, например, в естествознании — указывают на прошлое, существовавшее до этой системы».¹⁵⁹

Так называемое первоначальное накопление, которое есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства, рассматривается К. Марксом после исследования процесса превращения денег в капитал, производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости, заработной платы, процесса накопления капитала. Только раскрытие сущности последнего дает возможность правильно и полно понять предысторию капитала как процесс его становления.

§ 3. ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ КАПИТАЛА. ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИЗМА

К. Маркс различал три момента в процессе формирования понятия капитала: «*Первый момент* исходил из стоимости как проистекающей из обращения и предполагающей его. Это было *простое понятие* капитала:

---

¹⁵⁹ Там же, т. 46, ч. I, с. 449.

деньги, непосредственно в их дальнейшем определении — определении капитала. *Второй момент* исходил из капитала как предпосылки производства и его результата. *Третий момент* полагает капитал как *определенное единство* обращения и производства. (Отношение между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим само выступает как результат процесса производства.)».¹⁶⁰

Простое понятие капитала, или капитал вообще, — «это такое определение, которое присуще каждому капиталу как таковому, или которое делает капиталом всякую определенную сумму стоимостей».¹⁶¹

Всеобщая формула капитала $D—T—D'$ потому и является всеобщей, что она есть предельная абстракция движения капитала как такового. Здесь стоимость в начале движения является «как бы стоимостью во второй степени, стоимостью, обладающей потенцией».¹⁶² Стоимость, обладающая способностью к самовозрастанию, есть тождество ее с самой собой, есть капитал в потенции, капитал в себе. Вместе с тем простой капитал, или капитал вообще, «является не произвольной абстракцией, а такой абстракцией, которая ухватывает специфическую отличительную черту капитала а в отличие от всех других форм богатства или способов развития производства (общественного)».¹⁶³

Кроме того, «капитал вообще сам обладает *реальным* существованием, *отличным* от особенных, реальных капиталов».¹⁶⁴ Реальным капиталом в себе является ссудный капитал.

В отличие от Гегеля, который исходил из понятий и рассматривал объективную реальность как их реализацию, Маркс исходил из объективной действительности, рассматривая категории и понятия как отражение и выражение этой действительности. Капитал в себе

---

¹⁶⁰ Там же, ч. I, с. 274.

¹⁶¹ Там же, с. 437.

¹⁶² Там же, т. 47, с. 30.

¹⁶³ Там же, т. 46, ч. I, с. 436, 437.

¹⁶⁴ Там же, с. 437.

начинает свою реализацию, свое движение как самовозрастающая стоимость с купли-продажи товара рабочая сила и средств производства. Соединение рабочего со средствами производства осуществляется на основе и в форме товарно-денежных отношений.

Исходным, основным производственным отношением ставшего капиталистического способа производства является, таким образом, не товарное отношение вообще, а определенное товарное отношение. Это — отношение между наемным рабочим и капиталистом, между наемным трудом и капиталом, выступающее в форме купли-продажи товара рабочая сила.

Отношение купли-продажи товара рабочая сила К. Маркс называл простым, первым, предварительным отношением между капиталом и трудом, непрерывно воспроизводимой первоначальной формой капиталистических производственных отношений.¹⁶⁵

Купля-продажа товара рабочая сила регулируется законом стоимости и по видимости является отношением равноправных товаровладельцев, которое формально не может иметь места без признания права собственности на продукт своего труда. Но это лишь поверхность специфически капиталистического производственного отношения. Тем не менее это — основное, исходное, первоначальное отношение между капиталом и трудом, элементарное отношение капиталистической собственности.

«Следовательно, — подчеркивал К. Маркс, — ошибаются:

как те, которые рассматривают наемный труд, продажу труда капиталу, и тем самым форму *наемного труда* как *несущественную* для капиталистического производства; она есть *существенная* и постоянно вновь воспроизводимая самим капиталистическим производственным отношением *форма* его опосредствования;

---

¹⁶⁵ См. там же, т. 49, с. 48, 81, 117, 118.

так и те, которые в этом поверхностном отношении, в этой *существенной формальности*, в *видимости* капиталистического отношения находят самую его *сущность* и пытаются поэтому характеризовать это отношение подчинением рабочих и капиталистов всеобщему взаимоотношению *товаровладельцев* и тем самым апологизируют это отношение, стирают его специфическое отличие».¹⁶⁶

Поверхностное производственное отношение купли-продажи товара рабочая сила существенно потому, что без него нет специфически капиталистического отношения эксплуатации. Эксплуатация человека человеком, безвозмездное присвоение продукта труда одного другим существовали задолго до капитализма. Специфически капиталистической эта эксплуатация становится тогда, когда внешним образом она выступает как отношение равноправных товаровладельцев, когда наемный труд но видимости полностью оплачивается.

В первой фазе движения капитала $D — T$ — купле-продаже рабочей силы и средств производства — основное противоречие капитализма еще не обнаруживает себя, оно еще не положено, еще в себе. «К этому первому акту проповедники гармонии пытаются свести отношение между капиталом и трудом, так как здесь покупатель и продавец противостоят друг другу лишь как владельцы товаров, а специфический отличительный характер сделки не проявляется».¹⁶⁷

Во второй фазе превращения денег в капитал $T—D$ обнаруживается такое явление, которое по своим условиям и результату кажется совершенно чуждым, противоречащим не только закону стоимости, но и вытекающим из него (являющимся его юридическим выражением) законам присвоения товарного производства. Из

---

¹⁶⁶ Там же, т. 49, с. 118.

¹⁶⁷ Там же, т. 47, с. 53—54.

обращения извлекается больше денег, чем первоначально было брошено в него. Превращение денег в капитал совершается на основе имманентных законов товарообмена. Однако обмен эквивалентов не может привести к увеличению стоимости в этом процессе. В то же время стоимость не может возрасть вне товарообмена, вне обращения.

Обращаясь к рассмотрению противоречий всеобщей формулы капитала $D—T—D'$, К. Маркс *раскрывает тайну прибавочной стоимости, сущность капиталистической эксплуатации.*

На рынке труда владелец денег находит и покупает такой товар, потребительная стоимость которого обладает свойством быть источником стоимости. Таким товаром является рабочая сила. «Под рабочей силой, или способностью к труду, — писал К. Маркс, — мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости».¹⁶⁸ Продажа рабочей силы означает отчуждение, а ее покупка — присвоение способности распоряжаться трудом. Но для того чтобы эта сделка совершилась, на рынке должны противостоять друг другу продавец и покупатель данного специфического товара. Рабочий может продать свою рабочую силу только в том случае, если он является свободной личностью, лишенной средств производства и средств существования, и если противостоящий ему покупатель действительно видит в способности продавца к труду потребительную стоимость.

К. Маркс предполагал рынок труда данным, т. е. он исходил из факта наличия продавца и покупателя товара рабочая сила. Данный товар имеет стоимость и потребительную стоимость. Его стоимость определяется рабочим временем, необходимым для воспроизводства

---

¹⁶⁸ Там же, т. 23, с. 178.

этого специфического предмета торговли. Она есть стоимость жизненных средств, необходимых для существования рабочего и членов его семьи, а также — издержки на его обучение и воспитание. В отличие от стоимости всех других товаров стоимость рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Денежное выражение стоимости товара рабочая сила является его ценой.

Способность рабочей силы быть источником стоимости, причем большей, чем она сама обладает, делает ее специфически капиталистической потребительной стоимостью. Предметным бытием рабочей силы является сам рабочий. Однако было бы неправильно отождествлять эти понятия. Непосредственным носителем стоимости рабочей силы выступает не рабочий, а его способность быть источником стоимости. Такое понимание соотношения стоимости и потребительной стоимости товара рабочая сила имеет существенное значение для определения его динамики. При росте интенсивности труда растет, как известно, и стоимость рабочей силы, исчисленной по отношению к рабочему. Но если увеличение стоимости сопровождается пропорциональным возрастанием потребительной стоимости товара рабочая сила, то стоимость единицы последней остается неизменной.

Важной особенностью потребительной стоимости данного товара является то, что в момент заключения сделки купли-продажи она еще не переходит фактически в руки покупателя. Продажа рабочей силы и ее действительная реализация в качестве труда отделяются друг от друга во времени. К. Маркс подчеркивал, что рабочая сила оплачивается не в момент ее формального отчуждения при заключении договора купли, а лишь после того, как она уже функционировала в течение срока, установленного этим договором. Рабочий, таким образом, авансирует капиталисту потребительную стоимость своей рабочей силы, кредитует его. Потребительная стоимость рабочей

силы, как и любого другого товара, реализуется в процессе ее потребления. Но здесь потребительная стоимость не безразлична к экономической форме отношения, в которое вступают продавец и покупатель. Более того, именно ее реализация является самой экономической определенностью формы отношения рабочего и капиталиста. Специфический, отличительный характер исходного, основного производственного отношения капитализма, который в начале движения есть лишь в потенции, в себе, проявляется в потреблении рабочей силы. Это потребление совпадает с процессом труда, процессом увеличения стоимости. В пределах необходимого рабочего времени рабочий своим трудом создает новую стоимость, эквивалентную стоимости его рабочей силы. Но капиталист принуждает рабочего трудиться дольше. Своим прибавочным трудом рабочий создает прибавочный продукт, прибавочную стоимость, безвозмездно присваиваемую капиталистом. Таким образом, процесс производства прибавочной стоимости — это процесс производства стоимости, продолженный далее известного предела. Кажущееся вначале равноправное отношение продавца и покупателя в процессе производства прибавочной стоимости становится специфически капиталистическим производственным отношением господства и подчинения, экономического принуждения.

В процессе собственного возрастания денег, ставших капиталом, выявляются различные функции составных частей последнего. Одна часть, воплощенная в средствах производства, в процессе движения не изменяет своей величины. Это — постоянный капитал (c). Другая часть, превращенная в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она есть переменный капитал (v). Отношение прибавочной стоимости (m) к переменному капиталу характеризует норму прибавочной стоимости ($m' = m/v$), которая является точным выражением степени эксплуатации рабочего капиталистом.

Рассматривая капитал в непосредственном процессе производства как силу, выкачивающую прибавочный труд, Маркс устанавливает, что данное производственное отношение, выросшее из основного, все еще очень просто. Оно есть непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям, т. е. капиталистов к наемным рабочим, капитала к труду в непосредственном процессе производства. Отношение между трудом и капиталом в сфере непосредственного процесса производства настолько просто, что оно еще непосредственно воспринимается, сознается его носителями.

Самополагание, самовозрастание стоимости, или производство прибавочной стоимости, К. Маркс назвал абсолютным экономическим законом капиталистического способа производства, или, что то же самое, абсолютным законом капитала: «...законом капитала является созидание прибавочного труда, свободного времени».¹⁶⁹ И далее: «Закон проявляется как принуждение, которое капиталисты осуществляют по отношению друг к другу и к рабочим, — т. е. фактически как закон капитала по отношению к тем и другим».¹⁷⁰ В данном случае речь идет о капитале вообще, капитале как полагающей себя стоимости.

Следует признать ошибочным широко распространенное в учебной и специальной литературе утверждение о том, что производство прибавочной стоимости есть закон прибавочной стоимости. Это не закон прибавочной стоимости, подобно тому, как производство стоимости не является законом стоимости. Называя производство прибавочной стоимости законом капиталистического способа производства, капитала, Маркс никогда не определял этот процесс в качестве закона прибавочной стоимости.

---

¹⁶⁹ Там же, т. 46, ч. I, с. 372.

¹⁷⁰ Там же, т. 49, с. 112.

Вместе с тем он писал о законах производства прибавочной стоимости, ее массы и формы, различая общий, простой закон, законы прибавочной стоимости в сфере непосредственного производства и в сфере обращения.¹⁷¹ «Прибавочная стоимость,— подчеркивал К. Маркс,— имеет отношение не к товару; она выражает отношение между двумя частями совокупного рабочего дня, а именно, между той его частью, когда рабочий работает, чтобы возместить свою заработную плату (стоимость своей рабочей силы), и той частью, когда он сверх этого возмещения работает на капиталиста. Размеры обеих этих частей, так как вместе они образуют совокупный рабочий день, являясь частями одного и того же целого, находятся, очевидно в *обратно пропорциональной зависимости друг от друга*, и прибавочная стоимость, т. е. прибавочное рабочее время, повышается или падает в зависимости от того, падает или повышается необходимое рабочее время. А увеличение или уменьшение последнего находится в *обратно пропорциональной зависимости от производительности труда*».¹⁷²

В «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс пишет о законе прибавочной стоимости, «согласно которому прибавочная стоимость выражает лишь неоплаченный, прибавочный труд рабочих».¹⁷³ Этот закон можно было бы назвать ее общим законом.

Производные законы обнаруживаются тогда, когда прибавочная стоимость начинает являть себя в форме абсолютной и относительной. В «Капитале» К. Маркс определяет ряд законов прибавочной стоимости в сферах непосредственного производства и обращения.

Первый закон устанавливает зависимость массы прибавочной стоимости от ее нормы и величины переменного капитала. Второй закон выражает определенное количественное соотношение между

---

¹⁷¹ См. там же, т. 23, с. 227; т. 24, с. 335—338; т. 26, ч. II, с. 42, 453; т. 32, с. 63.

¹⁷² Там же, т. 47, с. 271.

¹⁷³ Там же, т. 26, ч. I, с. 67.

величиной переменного капитала и высотой нормы прибавочной стоимости через влияние его на массу прибавочной стоимости. Третий закон выражает связь массы прибавочной стоимости и авансированного переменного капитала: «...Масса производимой прибавочной стоимости равна величине авансированного переменного капитала, помноженной на корну прибавочной стоимости... Компенсация числа рабочих, или величины переменного капитала, повышением нормы прибавочной стоимости, или удлинением рабочего дня, имеет границы, которых она не в состоянии переступить... Таким образом, в известных границах, вынуждаемое капиталом предложение труда независимо от предложения рабочих... При данной норме прибавочной стоимости и данной стоимости рабочей силы, массы производимой прибавочной стоимости прямо пропорциональны величинам авансированных переменных капиталов».¹⁷⁴ Это — законы абсолютной прибавочной стоимости.

Затем К. Маркс рассматривает три закона изменения цены рабочей силы и прибавочной стоимости. Эти законы выражают количественное соотношение длины рабочего дня, производительности труда, вновь произведенной стоимости, стоимости рабочей силы и прибавочной стоимости: «...Рабочий день данной величины всегда выражается в одной и той же вновь произведенной стоимости, как бы ни изменялась производительность труда и вместе с ней масса продуктов, а следовательно, и цена единицы товара... Стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость изменяются в противоположном направлении. Изменение производительной силы труда, ее возрастание или уменьшение, влияет на стоимость рабочей силы в обратном направлении, а на прибавочную стоимость — в прямом... Возрастание или уменьшение прибавочной стоимости всегда

---

¹⁷⁴ Там же, т. 23, с. 313—315.

является следствием, но никогда не бывает причиной соответственного уменьшения или возрастания стоимости рабочей силы».¹⁷⁵

К. Маркс подчеркивал, что данные три закона впервые строго сформулировал Рикардо. Вместе с тем он критиковал последнего за абсолютизирование названных законов, за игнорирование законов абсолютной прибавочной стоимости, за отождествление этих абстрактных экономических законов капитализма с его действительными законами.

Если рассматривать производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости не само по себе, а в их диалектическом единстве, то возможны самые различные комбинации количественных связей и зависимостей массы прибавочной стоимости от изменения длины рабочего дня, его интенсивности и производительности. Таким образом, число законов возрастет.

Однако ни один из законов прибавочной стоимости не может быть определен в качестве основного экономического закона капитализма, поскольку все они производны от общего закона стоимости, являются его необходимым следствием.¹⁷⁶

То, что прибавочный продукт в условиях капитализма принимает форму прибавочной стоимости, определяется его присвоением на основе общего закона стоимости.

В «Замечаниях на книгу А. Вагнера „Учебник политической экономии"» К. Маркс писал: «Темный муж подсовывает мне утверждение, будто „*прибавочная стоимость*, производимая *только* рабочими, *неправильно* поступает к капиталистическим предпринимателям..." Я же утверждаю прямо противоположное, а именно, что товарное производство в известный момент своего развития неизбежно становится „капиталистическим" товарным

---

¹⁷⁵ Там же, с. 529—531.

¹⁷⁶ См. там же, с. 316.

производством и что, согласно господствующему в нем *закону стоимости*, „прибавочная стоимость" причитается капиталисту, а не рабочему». ¹⁷⁷

В связи с этим становится очевидной неудовлетворительность формулировки цели капиталистического производства как его экономического закона, содержащейся в одном из учебников политической экономии: *«Производство максимума прибавочной стоимости и присвоение ее капиталистами путем увеличения численности наемных работников и усиления их эксплуатации — таково содержание основного экономического закона капиталистического способа производства»*. ¹⁷⁸ Здесь различные этапы конкретизации прибавочной стоимости положены рядом, так сказать, на одной горизонтали. В то же время эта конкретизация не доведена до конца, поскольку не сказано, каким путем, в какой форме присваивают капиталисты прибавочную стоимость. Для характеристики прибавочной стоимости как экономической категории существенным является то, что ее присвоение осуществляется на основе закона стоимости. Производство прибавочной стоимости есть в то же время ее присвоение, а эксплуатация «наемных работников» есть не что иное, как производство прибавочной стоимости. Попытка сформулировать абстрактный закон включением в эту формулировку конкретных определенностей, которые еще предстоит вывести, заранее обречена на неудачу. Самой простой, первоначальной характеристикой движущего мотива и определяющей цели капиталистического производства является производство прибавочной стоимости. К этой характеристике на данном этапе (развертывания цели капитализма ничего прибавлять не нужно.

---

¹⁷⁷ Там же, т. 19, с. 398.

¹⁷⁸ П о л и т и ч е с к а я экономика: Капиталистический способ производства. М., 1976, с. 158.

Выше уже говорилось о том, что К.Маркс никогда не называл производство прибавочной стоимости основным экономическим законом капиталистического способа производства. Вместе с тем можно привести ряд высказываний автора «Капитала», не оставляющих сомнения в том, что основным законом капитализма он считал общий закон стоимости, согласно которому *«стоимости товаров прямо пропорциональны рабочему времени, затраченному на их производство, и обратно пропорциональны производительной силе затраченного труда»*.¹⁷⁹ Следует отметить, что наряду с общим законом стоимости К. Маркс писал о «законе товаров», «законе обмена», «законе меновой стоимости», «законе эквивалентности».¹⁸⁰

Сформулированный еще в 1729 г. Б. Франклином закон стоимости К. Маркс называл основным законом современной политической экономии.¹⁸¹

Великую историческую заслугу Рикардо К. Маркс видел в том, что тот утвердил в качестве основы, исходного пункта «физиологии буржуазной системы» «понимания ее внутренней органической связи и ее жизненного процесса» «определение *стоимости рабочим временем*».¹⁸² Он воздает должное Рикардо за то, что последний изображает «всю буржуазную экономическую систему как подчиненную одному основному закону»,¹⁸³ каковым является капиталистический закон стоимости.

Обращаясь к школе физиократов, К. Маркс говорит, что их интересовал вопрос не о том, какой труд создает стоимость, а вопрос о том, какой труд создает прибавочную стоимость. «Следовательно, они рассматривали проблему в сложной форме, прежде чем разрешили ее в

---

¹⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 128.

¹⁸⁰ См. там же, т. 26, ч. III, с. 390; т. 47, с. 94.

¹⁸¹ См. там же, т. 13, с. 42.

¹⁸² Там же, т. 26, ч. II, с. 178.

¹⁸³ Там же, с. 182.

элементарной форме...».¹⁸⁴ Таким образом, закон стоимости предшествует законам прибавочной стоимости, подобно тому как стоимость — прибавочной стоимости.

В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс прямо называет закон стоимости основным законом существующего общества, основным законом капиталистического производства.¹⁸⁵ «...Продукты равных количеств общественного труда, — писал Ф. Энгельс, — обмениваются друг на друга. Это и есть закон стоимости — основной закон как раз товарного производства, следовательно, также к высшей его формы — капиталистического производства».¹⁸⁶

Определение закона стоимости как основного, или как закона движения капитализма, было в свое время широко распространено в советской учебной и специальной литературе: «Закон стоимости, — писали И. Лapidус и К.Островитянов,— есть основной закон движения товарного хозяйства. Проследить развитие закона стоимости, начиная от его наиболее простой формы и кончая наиболее развитыми формами, — значит проследить развитие товарно-капиталистического хозяйства».¹⁸⁷

На дискуссии в ноябре 1951 г., когда обсуждался макет нового учебника политической экономии, предложение о признании закона стоимости в качестве основного экономического закона капитализма было подвергнуто критике. Указывалось, что он не может быть таковым, поскольку существовал задолго до капитализма и существует после него. Подчеркивалось, что он не выражает сущности капиталистического производства.

---

¹⁸⁴ Там же, т. 13, с. 43.

¹⁸⁵ См. там же, т. 20, с. 324.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Лapidус И., Островитянов К. Политическая экономия. М., 1934, ч. 1, с. 77.

Эти аргументы вряд ли можно признать убедительными. Действительно, закон стоимости является основным экономическим законом товарного производства вообще, т. е. простого товарного производства. Но простого товарного производства нет в действительности, оно не существует, оно абстракция. В связи с этим представляется абсурдным требование программ учебного курса политической экономии сопоставлять простое и капиталистическое товарное производство на предмет установления их общих черт и различий. В данном случае сопоставляться должно нечто однопорядковое. Простое же товарное производство есть абстракция капиталистического производства. Это определенности, находящиеся на разных уровнях восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному. В действительности существует товарное производство в период разложения первобытнообщинного строя, товарное производство в рабовладельческом обществе, при феодализме, капиталистическое товарное производство, мелкое товарное производство при капитализме, наконец, товарное производство в условиях социалистического общества. Сопоставление этих действительных производств и правомерно, и необходимо. Закон стоимости действует во всех названных общественно-экономических формациях. Однако только в условиях капитализма товарно-денежные отношения становятся всеобщими, определяющими всю систему производственных отношений. Поэтому только здесь, и ни в какой другой общественно-экономической формации, закон стоимости действительно существует как *основной* экономический закон. *Закон стоимости, ставший основным, является, таким образом, специфическим экономическим, законом капитализма.* Тем самым он выражает его сущность, хотя и в неявной форме. Вообще утверждение, что какой-либо экономический закон способа производства не выражает его сущности, противоречит самому понятию закона.

Однако нельзя согласиться с утверждением В. Корниенко, что «товарная форма представляет собой экономическую клеточку всякого товарного производства».¹⁸⁸ В том-то и дело, что таковой он является только в условиях товарного производства, ставшего всеобщим. Только в условиях капитализма товар содержит *в себе*, в зародыше *все* определенности и *все* противоречия этого способа производства, являясь, таким образом, его *экономической клеточкой*.

«Та определенная форма, в которой общественное рабочее время проявляется в стоимости товаров как фактор, определяющий последнюю, связана, конечно, с формой труда как наемного труда и соответствующей формой средств производства как капитала постольку, поскольку лишь на этом базисе товарное производство становится всеобщей формой производства».¹⁸⁹

При обсуждении проекта учебника политической экономии в 1951 г. было предложено рассматривать в качестве основного экономического закона капитализма производство прибавочной стоимости. Противники этого предложения, соглашаясь с тем, что производство прибавочной стоимости выражает сущность капиталистического способа производства, его цель и определяющий мотив, указывали на то, что данный закон является слишком общим. Они предлагали конкретизировать его. В этом предложении наиболее ярко проявилось непонимание основного экономического закона как самого абстрактного в системе законов способа производства.

Одним из результатов дискуссии 1951 г. было компромиссное решение. В учебнике политической экономии 1954 г. в качестве основного экономического закона домонополистического капитализма было признано производство прибавочной стоимости,¹⁹⁰ а в качестве

---

¹⁸⁸ Корниенко В. Исходная и основная категория политической экономии социализма. — Экономические науки, 1976, № 9, с. 15.

¹⁸⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 454.

¹⁹⁰ Политическая экономия. М., 1954, с. 108.

основного экономического закона империализма — обеспечение максимально высокой капиталистической прибыли.¹⁹¹ В дальнейшем в учебной литературе значение основного экономического закона капиталистического способа производства закрепилось за «законом прибавочной стоимости». Действительно, закон обеспечения максимальной прибыли, равно как и закон средней прибыли, является весьма конкретным законом, основу которого составляют законы более общие. Но точно такими же недостатками страдает и производство прибавочной стоимости. Оно не может быть основным законом капитализма, поскольку производно от его более общего закона — закона стоимости. Само производство прибавочной стоимости есть не что иное, как производство стоимости, продолженное дальше определенного пункта.

Величайшей заслугой К. Маркса в становлении научного социализма является создание *теории прибавочной стоимости на основе теории трудовой стоимости*. Он неоднократно подчеркивал, что именно закон стоимости является регулятором всего капиталистического производства как производства «ради стоимости и прибавочной стоимости...».¹⁹²

Раскрытие экономического закона движения капиталистического способа производства начинается с закона стоимости, который вначале являет себя в сфере простого обращения. «Это простое обращение, — писал К. Маркс, — рассматриваемое само по себе, — а оно есть поверхность буржуазного общества, где скрыты более глубокие процессы, из которых оно проистекает, — не обнаруживает никакого различия между субъектами обмена, кроме только формального и мимолетного. Это — царство свободы, равенства и основанной на „труде“ собственности... Законом присвоения в этой сфере

---

¹⁹¹ Там же, с. 237.

¹⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 453.

является присвоение посредством труда, обмен эквивалентов, так что обмен снова дает лишь ту же самую стоимость, но в иной материальной форме. Словом, здесь все „прекрасно“, но вместе с тем все придет к ужасному концу, и именно вследствие закона эквивалентности». ¹⁹³

Положение о том, что рабочий продает капиталисту не труд, а свою рабочую силу, вначале принимается К. Марксом как *непосредственно данное*. Оно не доказывается, не обосновывается. На основе этого положения *раскрывается* сущность капиталистической эксплуатации, тайна прибавочной стоимости. Но тем самым *обосновывается* и истинность исходного положения. Действительно, если заработная плата есть цена труда, то она как всякая цена должна быть денежным выражением его стоимости. Стоимость определяется трудом. Но сказать, что стоимость труда определяется трудом, равнозначно утверждению, что 1 килограмм весит 1 килограмм. Это не определение, а тавтология. Будучи субстанцией и имманентной мерой стоимости, сам труд стоимости не имеет. Но если труд не имеет стоимости, то выражение «цена труда» лишено того смысла, которое вкладывается в понятие «цена товара». Это есть категория иррациональная, не выражающая сущности явления. Однако известно, что в условиях капитализма продаются и покупаются вещи, по существу не являющиеся товарами, например, земля. Поэтому утверждение, что труд не имеет стоимости, еще не исключает возможности его купли-продажи.

Для того чтобы труд мог продаваться на рынке в качестве товара, он должен существовать самостоятельно до продажи или хотя бы в момент продажи и принадлежать продавцу на правах собственности. Однако рабочий лишен средств производства, следовательно, лишен возможности трудиться; когда же рабочая сила соединяется со средствами производства, когда она начинает функционировать, т. е.

---

¹⁹³ Там же, т. 29, с. 259—260.

когда труд существует самостоятельно на капиталистическом предприятии, он принадлежит уже не рабочему, а капиталисту. Нельзя продать то, что тебе не принадлежит. Если бы рабочий имел средства производства, он трудился бы самостоятельно, был собственником своего труда и его результатов. В этом случае он продавал бы на рынке не свой труд, а продукт своего труда.

Купля-продажа труда противоречит уже известным экономическим законам капитализма. Действительно, если бы рабочий продавал на рынке свой труд, а капиталист в форме заработной платы полностью оплачивал бы этот труд, то последний лишился бы прибавочной стоимости. Утверждать, что рабочий продает свой труд, а капиталист в форме заработной платы оплачивает лишь часть покупаемого им труда с тем, чтобы за счет неоплаченной части получить прибавочную стоимость, значит согласиться с тем, что в условиях капиталистического хозяйства закон стоимости не действует или, по крайней мере, возвести нарушение этого закона в закон. «...Прямой обмен денег, т. е. овеществленного труда, на живой труд, — отмечал К. Маркс, — уничтожил бы или закон стоимости, который свободно развивается как раз на основе капиталистического производства, или же самое капиталистическое производство, которое как раз основывается на наемном труде».¹⁹⁴

Приведенных аргументов достаточно для того, чтобы отвергнуть как научно несостоятельные утверждения буржуазных политэкономов о том, что рабочий продает капиталисту свой труд и что заработная плата не только по форме, но и по существу является ценой труда. Они же являются убедительными доказательствами того, что на рынке труда рабочий продает свою рабочую силу. Выступая по форме как цена труда, по своей сущности заработная плата есть не что иное, как денежное выражение стоимости, или цена, товара рабочая сила. Вот

---

¹⁹⁴ Там же, т. 23, с. 546.

почему в целом К. Маркс определяет заработную плату как превращенную форму стоимости и цены рабочей силы.

Таким образом, понять сущность заработной платы можно только исходя из марксистской теории трудовой стоимости и теории прибавочной стоимости. В то же время раскрытие сущности заработной платы еще в большей степени обогащает и утверждает марксистскую теорию трудовой стоимости и прибавочной стоимости.

Движение заработной платы рассматривается К. Марксом в двух ее основных формах — повременной и сдельной. Он подчеркивает, что рассмотренные ранее «законы изменения цены рабочей силы и прибавочной стоимости превращаются в законы заработной платы путем простой перемены формы. Равным образом различие между меновой стоимостью рабочей силы и массой жизненных средств, в которые она превращается, представляется теперь в виде различия между номинальной и реальной заработной платой».¹⁹⁵

Поскольку по своей сущности заработная плата является ценой товара рабочая сила, постольку основой, определяющей ее уровень, является стоимость рабочей силы. Следовательно, колебания заработной платы как цены товара рабочая сила должны совершаться вокруг стоимости этого товара. На это указывал К. Маркс, подчеркивая, что рыночная цена труда, как и всякого другого товара, с течением, времени приспособилась к его стоимости. Вместе с тем не следует забывать о специфике этого товара, о том, что стоимость рабочей силы сводится к стоимости жизненных средств, необходимых рабочему и его семье. Допустим, что стоимость жизненных средств в результате роста производительности труда в отраслях, производящих эти средства, снизилась в два раза. В результате этого стоимость рабочей силы уменьшилась также в два раза. Предположим далее, что заработная плата и до роста производительности труда, и после

---

¹⁹⁵ Там же, с. 553.

совпадала со стоимостью рабочей силы, а потребности рабочего остались на прежнем уровне. В таком случае, несмотря на то, что стоимость рабочей силы снизилась вдвое, рабочий на свою заработную плату приобретает то же количество товаров и услуг, что и раньше, до падения стоимости рабочей силы. Таким образом, его реальная заработная плата осталась без изменения.

Если рассмотреть все возможные варианты изменения стоимости рабочей силы и реальной заработной платы, то нетрудно убедиться в том, что снижение стоимости рабочей силы может сопровождаться ростом реальной заработной платы, а рост стоимости рабочей силы не влечет за собой обязательного повышения реальной заработной платы. Следовательно, несмотря на то, что заработная плата является выражением стоимости товара рабочая сила, движение реальной заработной платы в известных пределах может совершаться независимо от движения стоимости этого товара.

Специфика товара рабочая сила находит выражение и в особенностях его ценообразования. Цена любого товара колеблется вокруг его стоимости под влиянием спроса и предложения. Приспосабливаясь к рыночной конъюнктуре, товаровладельцы имеют возможность попридержать товары в период неблагоприятной конъюнктуры и выбросить их на рынок в массовом количестве при благоприятном уровне цен. Рабочий не может накапливать свой товар на складе. Чтобы не лишиться средств существования, он должен каждодневно продавать свою рабочую силу, несмотря на рыночную конъюнктуру. Поэтому закон рыночных цен для данного товара оказывается более тягостным, чем для других.

В силу естественных особенностей воспроизводства товара рабочая сила, его предложение на рынке не может быть так же легко увеличено или уменьшено, как это может быть сделано по отношению к другим товарам. Следовательно, предложение на рынке труда товара

рабочая сила всегда превышает спрос на него. Это неизбежно порождает тенденцию отклонения заработной платы вниз от стоимости рабочей силы.

Реальная заработная плата, как и стоимость рабочей силы, имеет нижнюю границу. Она определяется тем количеством средств существования, приобретаемых рабочим на свою заработную плату, которое необходимо для удовлетворения его физических потребностей. Фактический уровень заработной платы, как это доказал К. Маркс, «устанавливается лишь путем постоянной борьбы между капиталом и трудом: капиталист постоянно стремится понизить заработную плату до ее физического минимума и удлинить рабочий день до его физического максимума, тогда как рабочий постоянно оказывает давление в противоположном направлении».¹⁹⁶

---

¹⁹⁶ Там же, т. 16, с. 151.

**ДВИЖЕНИЕ ОСНОВНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗАКОНА КАПИТАЛИЗМА**

§ 1. ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА ВООБЩЕ

Капитал начинает собственное движение как меновая стоимость в денежной форме. Деньги в определении капитала есть самое первое определение его. Деньги как капитал отличаются от денег как только средства обращения тем, что в процесса своего движения они сохраняют себя в движении. Действительно, по завершении акта купли-продажи в процессе простого обращения деньги выталкиваются за его пределы, а сам процесс затухает. Для того чтобы он вновь воспламенился, он нуждается в источнике энергии, приносимой извне. Деньги же, совершающие движение в качестве капитала, сохраняют себя в движении как стоимость. Их выхождение из движения есть в то же время вхождение в него, так как конечный пункт здесь есть в то же время пункт исходный. «Стало быть, первое определение капитала состоит в том, что проистекающая из обращения, а потому и предполагающая его меновая стоимость сохраняет себя в обращении и посредством обращения; вступая в обращение, меновая стоимость не утрачивается; обращение представляет собой здесь не движение исчезновения меновой стоимости, а, напротив, движение ее действительного самополагания как меновой стоимости, ее реализацию в качестве меновой стоимости».¹⁹⁷

Начало движения капитала есть начало определения его. С самого начала он определяет себя не просто как стоимость и меновую стоимость, а как меновую стоимость, *сохраняющуюся* и *увечивающуюся* в обращении и посредством обращения. Истиной меновой стоимости как капитала является не только ее самосохранение,

---

¹⁹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 218.

но и *умножение* самой себя. Умножение меновой стоимости предполагает ее сохранение в движении, а сохранение ее в движении посредством движения есть в то же время ее умножение. Поэтому капитал в его дальнейшем определении есть сохраняющаяся и умножающая себя стоимость, самовозрастающая стоимость. Только в капитале меновая стоимость получает истинное определение. Все ее предшествующие определения были правильными, достоверными, но не истинными. Само движение капитала выступает как дальнейшее развитие, конкретизация стоимости, меновой стоимости, денег.

Деньги как основа, как капитал в потенции реализуют себя в качестве основания в движении $D-D'$. Явление $D-D'$ есть самовозрастающая стоимость, и в этом явлении обнаруживаются соотносящиеся стороны: капитальная и прибавочная стоимость. Первая является основанием, вторая — основанной. Но самовозрастание стоимости по своему понятию — бесконечное движение. В нем капитальная и прибавочная стоимость определяются и как основание друг друга и как основанные друг другом одновременно. В этом движении прибавочная стоимость опосредуется сама собой. Превращаясь в дополнительный капитал, она становится средством производства самой себя. В это же время капитальная стоимость из средства производства прибавочной стоимости превращается в цель капиталистического производства. Таким образом, цель и средство капиталистического производства смыкаются, совпадают. Тем самым они приобретают новые определенности, конкретизируются. *Целью и средством* капитализма является не только и не просто производство прибавочной стоимости, а сохранение и *увеличение капитальной стоимости*, т. е. *накопление*. «Специфическая особенность капиталистического способа производства, — подчеркивал К. Маркс,

— состоит в использовании наличной капитальной стоимости как средства для возможно большего увеличения этой стоимости». ¹⁹⁸

Накопление сначала рассматривается абстрактно, просто как момент непосредственного процесса производства. Вместе с тем это есть следующая ступень конкретизации самого понятия непосредственного капиталистического производства. Последнее рассматривается теперь не как одноактное движение, а как непрерывно возобновляемый процесс. В силу этой непрерывности само движение капитала обнаруживает новые явления и получает новые определения. Основное производственное отношение капитализма, которое ранее определило себя как начало движения капитала, выступает здесь и его результатом. Оно — не просто непосредственно данное, а опосредованное и обоснованное собственным движением. В свою очередь, это опосредование является дальнейшим *раскрытием* содержания, сущности основного производственного отношения. Выясняется, что в процессе воспроизводства часть овеществленного чужого труда, которую капиталист постоянно присваивает без всякого эквивалента, снова и снова обменивается им на большее количество живого чужого труда. Это совершается не в результате нарушения основного экономического закона капиталистического способа производства и вытекающих из него законов присвоения, а на его основе, в результате его дальнейшего развертывания.

«Для того, чтобы те отношения, в которые вступают капитал и наемный труд, — писал К. Маркс, — выразить как *отношения собственности* или ее *законы*, нам нужно только выразить отношение обеих сторон в *процессе увеличения стоимости* в виде *процесса присвоения*»? ¹⁹⁹ Рассматривая этот процесс, Маркс различал первичное присвоение продукта своего труда непосредственным производителем

---

¹⁹⁸ Там же, т. 25, ч. I, с. 273.

¹⁹⁹ Там же, т. 46, ч. I, с. 459.

материальных благ и вторичное присвоение — через обмен. Первоначально присвоение, или собственность, означает отношение человека к его природным условиям производства как к принадлежащим ему, как к своим собственным. Это отношение возникает непосредственно в процессе труда как такового, поскольку последний является присвоением предметов природы посредством изменения их формы. «Индивид относится к самому себе как собственник, как господин условий своей действительности. Подобным же образом относится он к другим индивидам...».²⁰⁰ Это отношение опосредуется семьей, племенем, общиной, государством. Его юридическим выражением является право собственности на продукт своего труда, которое Маркс назвал основным законом собственности.²⁰¹

С возникновением и развитием товарного производства все большая часть продуктов производится непосредственно не для потребления, а для обмена. Для того чтобы присвоить необходимое ему материальное благо, товаропроизводитель должен обменять на него свой товар, т. е. присвоение продукта чужого труда осуществляется в этом случае через отчуждение продукта своего труда. Право собственности на продукт чужого труда через отрицание права собственности на продукт собственного труда является вторым законом присвоения, производным от основного. Отрицание права собственности на продукт своего труда с целью приобретения продукта чужого труда предполагает существование такого права. Таким образом, и здесь собственность на продукт чужого труда опосредуется собственностью на продукт своего труда.

Законы добуржуазного товарного производства сохраняют свою силу и при капитализме. Вместе с тем они становятся специфическими

---

²⁰⁰ Там же, с. 461.

²⁰¹ См. там же, ч. II, с. 443

капиталистическими законами.²⁰² Вырастая на основе имманентных добуржуазному товарному производству экономических законов и вытекающего из них права собственности, капитализм делает их своими и отрицает их. Исходя из права собственности на продукт своего труда, капиталистический способ производства утверждает право безвозмездного присвоения капиталистом продукта чужого труда и отвергает право рабочего на созданный его трудом продукт.

«...Закон присвоения, или закон частной собственности, покоящийся на товарном производстве и товарном обращении, — отмечал К. Маркс, — превращается путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики в свою прямую противоположность. Обмен эквивалентов, каковым представляется первоначальная операция, протерпел такие изменения, что в результате он оказывается лишь внешней видимостью...».²⁰³

Следует подчеркнуть, что диалектическое отрицание экономическими законами самих себя является выражением их *движения, развертывания*. В процессе этого движения они становятся богаче, конкретнее. Законы стоимости и прибавочной стоимости, обнаружившие себя в простом товарном обращении и непосредственном процессе производства, сохраняя все свои прежние определенности, становятся в то же время законами капиталистического воспроизводства, накопления. Конкретизируются в процессе накопления законы изменения цены рабочей силы, движения заработной платы.

Первоначально меновая стоимость как форма стоимости по своему содержанию была определенным количеством овеществленного труда. В этом качестве через развитие обмена и своих форм меновая стоимость развилась до денег, как до своего осязаемого бытия. В

---

²⁰² См. там же, т. 49, с. 5.

²⁰³ Там же, т. 23, с. 596 – 597.

качестве же капитала меновая стоимость сама должна полагать труд. Она выступает уже не как простой эквивалент или простое овеществление труда. Здесь меновая стоимость полагает труд, предоставляет себя ему для того, чтобы воспроизвести себя и с самой себя вновь начать движение. Если меновая стоимость в качестве капитала полагает наемный труд, то наемный труд полагает капитал. Они взаимно обуславливают, отрицают и порождают друг друга. Это взаимное полагание в процессе накопления капитала осуществляется во все увеличивающемся масштабе. Наемный труд во все увеличивающихся размерах производит отчужденное и противостоящее ему абсолютное богатство (капитал), а капитал — рабочую силу (наемный труд в себе) как абсолютную бедность.

Исследование этих явлений имеет своей предпосылкой и результатом новые определения состава капитала, его строения. Ранее капиталистический процесс производства предстал перед нами как процесс производства потребительных стоимостей и процесс увеличения стоимости. Со стороны первого процесса в капитале различались средства производства (вещественный фактор) и приводящая их в движение рабочая сила (личный фактор). Отношение между массой применяемых средств производства и количеством труда, необходимого для их применения, Маркс назвал техническим строением капитала. Различная роль разных частей капитала в процессе увеличения стоимости определила их как постоянный и переменный капитал. Отношение первой части ко второй характеризует стоимостное строение капитала. Однако две стороны капиталистического производства являются моментами единого процесса. В таком же диалектическом единстве находятся стоимостное и техническое строение капитала. Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает в себе изменения последнего, получило название *органического строения*

капитала. Это одна из важнейших характеристик капитала, которая отныне будет присутствовать во всех его последующих определениях.

Все предшествующие характеристики капитала и его законы обуславливают рост его органического строения. В свою очередь этот рост оказывает определяющее влияние на концентрацию и централизацию капитала, относительное перенаселение и образование промышленной резервной армии, движение заработной платы, ухудшение положения рабочего класса. Все эти явления имеют свои законы, основой которых является всеобщий закон капиталистического накопления. К. Маркс сформулировал его так: «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления*»²⁰⁴

К. Маркс отмечал, что этот закон в своем осуществлении модифицируется многочисленными обстоятельствами, анализ которых на данной ступени восхождения от абстрактного к конкретному еще не может быть осуществлен. Тем не менее этот закон выражает во всеобщей форме сущность капиталистического накопления и основные

---

²⁰⁴ Там же, с. 659

направления его движения. Именно в данном разделе «Капитала» определяется историческая тенденция капиталистического накопления как отрицание капитала. Однако логически в самом законе это отрицание еще не положено, оно находится еще в себе.

Производством прибавочной стоимости и ее капитализацией заканчивается *движение капитала в сфере непосредственного производства*. Но он совершает движение и в сфере положенного им обращения, где обогащается новыми определениями. «... В процессе обращения, с одной стороны, приобретает новые определения прибавочная стоимость, с другой стороны, ряд превращений претерпевает капитал; наконец, из своей, так сказать, внутренней органической жизни капитал в этом процессе вступает во внешние отношения жизни, в отношения, где противостоят друг другу не капитал и труд, а, с одной стороны, капитал и капитал, с другой стороны, индивиды, находящиеся в отношениях простого обращения, в отношениях товаровладельцев, покупателей и продавцов. Время обращения и рабочее время перекрещиваются на этом пути, и таким образом кажется, будто и то, и другое в одинаковой степени определяет прибавочную стоимость. Та первоначальная форма, в которой друг другу противостоят капитал и наемный труд, как бы отпадает и возникают отношения, которые кажутся независимыми от нее».²⁰⁵ Обращение товаров и денег рассматривалось К. Марксом в I томе «Капитала». Вначале оно рассматривалось как становящееся, как явление без сущности. Затем исследовалось явление сущности, простое товарное обращение в его существенных определениях, денежное обращение. Здесь же изучалось и движение денег в качестве капитала, но так, «как он непосредственно проявляется в сфере обращения».²⁰⁶

---

²⁰⁵ Маркс К. Прибавочная стоимость и прибыль. – Коммунист, 1978, № 7, с. 6.

²⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 166.

Обращение капитала представлялось вначале, таким образом, как явление без сущности, как его непосредственное бытие.

Открытие и раскрытие сущности капитала означало снятие его непосредственности в сфере обращения и переход в сферу производства. Однако процесс производства капитала, определяющий название и содержание I тома, в целом исследовался там лишь как непосредственно данный.

II том целиком посвящен исследованию процесса обращения капитала. Но здесь этот процесс есть явление сущности. Он опосредован производством, определен им. Производство поэтому также рассматривается во II томе «Капитала», но уже не как непосредственное, а как соотносящиеся определенным образом с обращением, опосредующее его и опосредованное им.

Определение капитала как стоимости, самовозрастающей в процессе непосредственного производства, было отрицанием его первоначального определения как возникающего непосредственно из обращения и в то же время не возникающего в нем. Определение капитала как стоимости, самовозрастающей в процессе обращения, определенном процессом производства, есть диалектическое отрицание второго определения и возвращение к первому, но как к развитому. Только в последнем развитом определении противоречие, выражающееся в том, что капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения, получает внутреннее разрешение и внешнее выражение этого разрешения.

Капитал, как он непосредственно проявляется в сфере обращения, начинает движение с денег и возвращается к себе в форме денег. Его движение есть, кругооборот $D—T—D'$. В этом непосредственном движении оставался невидимым процесс производства. Если обозначить процесс производства через букву P и если иметь в виду, что он прерывает процесс обращения, то $D—T—D'$ можно представить

как $D—T \dots P \dots T'—D'$. Это формула кругооборота капитальной стоимости, в котором она последовательно проходит три стадии и принимает три функциональные формы — *денежного, производительного и товарного капитала*.

Первая стадия — $D—T$ и вторая — $T'—D'$ исследовались К. Марксом в I томе «Капитала», но лишь в той мере, в какой это было необходимо для понимания процесса производства капитала. Первая стадия непосредственно является простым актом обращения, превращением денег в товар, куплей. Однако как первая фаза кругооборота самовозрастающей стоимости эта купля определена вещественно, по своему содержанию. Именно потому, что деньги выступают в этом акте в специфической функции денежного капитала, товар, приобретаемый на них, обладает специфической потребительной стоимостью. Это средства производства (C_n) и рабочая сила (P). Купля, таким образом, определена со стороны своего вещественного содержания

$$\text{как} \quad D—T < \begin{matrix} P \\ C_n \end{matrix}$$

Она имеет и соответствующую количественную определенность. Пропорция, в которой деньги затрачиваются на приобретение рабочей силы и средств производства, заранее дана. Она определяется капиталистическим производством, хотя в формуле кругооборота денежного капитала производство следует за куплей. Производство есть производительное потребление, реализация потребительной стоимости купленных товаров. Следовательно, для того, чтобы производительное потребление имело место, должны быть куплены товары строго определенной потребительной стоимости и в определенном количественном отношении. Характерным для капиталистического способа производства является купля товара

рабочая сила, причем оплата этого товара осуществляется в форме платы за труд, в виде заработной платы. Это характерное заключается не в том, что товар рабочая сила может быть куплен, а в том, что рабочая сила является товаром, производится как товар.

Превращая свой денежный капитал в средства производства и рабочую силу, капиталист достигает специфического способа соединения предметных и личных факторов производства. Капитальная стоимость, принявшая образ средств производства и рабочей силы, становится производительным капиталом. Его функцией является потребление своих собственных составных частей с целью превращения их в массу продуктов, имеющих более высокую стоимость. Потребление продукта, т. е. превращение его в действительную потребительную стоимость, находится за пределами простого товарного обращения и безразлично к нему. В капитале, непосредственно проявляющемся в сфере обращения, это потребление скрыто. Наоборот, в рассматриваемом движении капитала производительное потребление, тождественное с процессом производства, не равнодушно к этому движению, а является одной из его определенностей или, как писал К. Маркс, образует момент экономической определенности формы. Процесс обращения капитала здесь включает в себя в качестве своего момента свое отрицание — производство. Производство прерывает обращение, но в то же время оно опосредует и обуславливает его. Без этого момента процесса обращения капитала как его кругооборота, осуществляемого по данной формуле, нет. P является средним членом, разъединяющим и в то же время смыкающим $D—T$ и $T'—D'$. В процессе своего производительного потребления T превращается в T' — товарный капитал. В отличие от метаморфоза товара на первой и третьей стадиях кругооборота, который носит формальный характер, превращение T в T' есть реальный метаморфоз. Здесь первое изменяет и величину своей стоимости и свою

потребительную стоимость. Но поскольку $D—T$ и $T'—D'$ опосредованы $П$, их метаморфоз является формальным лишь отчасти. Они являются формами проявления реального метаморфоза. Действительно, превращение денег в товар рабочую силу и средства производства определено производством. Что же касается стадии $T'—D'$, то она также функционально определена. Она не просто продажа вообще, а определенная, специфическая продажа. Эта ее определенность задана производством. Продажа T' есть не только реализация заключающейся в товарной массе капитальной стоимости, но также и приросшей к ней прибавочной стоимости. Эта определенность $T'—D'$ существует только в отношении функционирующей капитальной стоимости как момент кругооборота капитала. Взятый изолированно данный акт выступает просто как продажа товара.

Результатом всего кругооборота является D' , в которых капитал возвратился к своей первоначальной форме D . Но в отличие от D , которые есть капитал в себе, D' — это реализованный капитал, стоимость, дифференцированная в самой себе и выражающая капиталистическое отношение. Вместе с тем это отношение выражено только как результат, без посредства того процесса, результатом которого оно является. В D' , взятых только как результат, процесс угас. В них различаются только первоначально авансированная капитальная стоимость и избыток над ней. $D' = D + \delta$ является иррациональной формой капитала, иррациональным выражением капиталистического отношения. Вместе с тем эта форма выражает цель и результат, функцию всего процесса кругооборота капитала как $D...D'$.

Капитал в форме D' как результат движения пассивен. Для того чтобы начать активно функционировать, он должен подвергнуться отрицанию содержащееся в нем различие между основной суммой и суммой прироста стоимости, т. е. возвратиться к D . Реализованная цель

капитала возвращается к самой себе и становится *самоцелью*. Другими словами, *самоцелью капитала становится он сам*.

Капитал, который в ходе своего полного кругооборота принимает и снова сбрасывает формы денежного, производительного и товарного капитала и в каждой из них совершает соответствующую ей функцию, К. Маркс назвал *промышленным* капиталом. Следовательно, рассмотренные формы не являются особыми самостоятельными капиталами, существующими наряду с промышленным. Они суть функциональные формы последнего, формы его движения, кругооборота. Промышленный капитал существует только тогда, когда различные фазы его кругооборота без задержки последовательно переходят друг в друга. Они предполагают и отрицают друг друга. Их последовательная фиксация, отрицание и отрицание отрицания и есть выражение движения промышленного капитала.

Каждая функциональная форма промышленного капитала не является чем-то застывшим, мертвым. Она совершает свой кругооборот. Общая формула движения промышленного капитала $D—T…P…T'—D'$, которая является развитием всеобщей формулы $D—T—D'$, есть в то же время форма кругооборота денежного капитала. Вместе с тем форма кругооборота денежного капитала выступает в качестве формулы движения промышленного капитала, потому что она в большей степени, чем остальные, выражает общее в движении его разных функциональных форм. Но именно это указывает на ее неполноту, ее недостаточную конкретность, недостаточную развитость. Эта недостаточность обнаруживается особенно отчетливо, если кругооборот денежного капитала рассматривать не как одноактный, а как постоянно возобновляющийся процесс. Постоянное авансирование денег и постоянное возвращение авансированной стоимости в виде денег определяет их в качестве мимолетных моментов кругооборота. Уже при первом повторении кругооборота денежного капитала

выявляется содержащийся в нем кругооборот производительного капитала. В свою очередь, прежде чем закончится второй кругооборот производительного капитала, выявляется кругооборот товарного капитала. В постоянном кругообороте капитала его денежная, производительная и товарная формы столь же постоянно исчезают, как и появляются вновь. В качестве исходного и конечного пункта движения по кругу может быть зафиксирована любая функциональная форма капитала. Денежная форма капитала в самой себе содержит свое отрицание себя в качестве исходной, поскольку ее постоянный кругооборот предполагает постоянное наличие средств производства и товара рабочая сила, т. е. предполагает непрерывность капиталистического процесса производства, функционирование производительного капитала. Последний осуществляет свой кругооборот по формуле $P \dots T' - D' - T \dots P$.

Эта фигура кругооборота существенно отличается от первой, т. е. от фигуры кругооборота денежного капитала. Там движение капитала выступало в форме обращения, опосредованного производством. Производство, прерывающее процесс обращения, рассматривалось как нечто мимолетное, как неизбежное зло. Во второй фигуре процесс кругооборота капитала представлен в форме производства, опосредуемого и прерываемого обращением. Само обращение в первой фигуре, если оставить в стороне величину стоимости, можно представить как $D - T - D$ ($D - T$ и $T - D$). Во второй оно выступает в прямо противоположной форме как $T - D - T$ ($T - D$ и $D - T$). Это форма простого товарного обращения, где деньги выполняют скромную роль посредника. «Видимость самостоятельности, которой *денежная форма* капитальной стоимости обладала в фигуре 1 своего кругооборота, исчезает в этой второй фигуре, которая тем самым дает

критику фигуры 1 и сводит ее к ее истинному содержанию — *особенной форме проявления самовозрастающей стоимости*».²⁰⁷

Кругооборот производительного капитала отрицает всеобщность денежной формы кругооборота как делания денег деньгами прежде всего в сфере обращения. В то же время формула $II \dots II'$ утверждает производство ради производства, функционирование производительного капитала с более высокой способностью к самовозрастанию. Таким образом, и вторая фигура кругооборота является неполной. Она начинается с вещественных элементов, которые до их превращения в производительный капитал существовали и обращались как товарный капитал. Следовательно, она предполагает такую фигуру кругооборота, в которой товарный капитал образует исходный и конечный пункт, т. е. $T'—D'—T \dots II \dots T'$.

Все три фигуры являют собой единство процесса производства и обращения капитала. Однако это единство выражено по-разному. Кругооборот денежного капитала в целом выступает как обращение. Производство здесь есть лишь опосредующий момент. Движение производительного капитала в целом представляется как производство. Движение же товарного капитала вновь приобретает форму обращения. Вместе с тем, это не является простым возвращением к первой фигуре. Здесь обращение в целом с его двумя противоположными фазами открывает движение, в то время как обращение в первой фигуре прерывалось производством. Кругооборот в третьей фигуре в отличие от первых двух начинается не просто с капитальной стоимости, которая еще должна возрасти, а с капитальной стоимостью, уже возросшей на величину прибавочной стоимости. Данный кругооборот поэтому с самого начала включает в себя движение не только капитальной, но и прибавочной стоимости. В первой фигуре кругооборот открывается и завершается капитальной стоимостью в денежной форме, в которой она

---

²⁰⁷ Там же, т. 50, с. 44.

не может войти ни в производительное, ни в индивидуальное потребление. Во второй фигуре форма капитальной стоимости обуславливает возможность и необходимость прежде всего ее производительного потребления. В третьей же фигуре процесс потребления в его различных формах сам выступает в качестве одного из условий кругооборота капитальной стоимости.

Исследование К. Марксом кругооборота капитала есть продолжение рассмотрения явления его сущности. На определенном этапе своего движения явление определяет себя как *существенное отношение*. Существенным становится и капиталистическое отношение, представленное кругооборотом капитала. Это отношение, рассматриваемое как процесс, перерастает в *действительность*. Капитал в качестве существенного капиталистического отношения выступает вначале в виде отношения целого и части, затем — силы и ее проявления, наконец — внешнего и внутреннего, тождество которых образует действительность.²⁰⁸

Расчлняя себя как целое на части, капитал различает в самом себе свои функциональные формы. Последние соседствуют и каждая совершает свой кругооборот рядом с другой, параллельно ей. Они выступают в качестве самостоятельных по отношению друг к другу и капиталу как целому. Тем самым они отрицают друг друга и капитал как целое. Каждая из них может рассматриваться как целое, состоящее из частей. В свою очередь эти части определяют себя как целое и так до бесконечности. Капитал как механическое целое относительно самостоятельных частей является, таким образом, противоречием. Оно разрешается снятием относительной самостоятельности функциональных форм капитала и перехода от целого как механического агрегата к целому как текучему единству.²⁰⁹

---

²⁰⁸ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 150 – 172.

²⁰⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 49, с. 279.

Функциональные формы и фигуры кругооборота капитала, отрицая, предполагают и дополняют друг друга. Движение капитала в целом предстает не как три различных движения, а как одно, которое лишь фиксируется в трех образах. Единство всего процесса опосредовано рядом метаморфозов, а его непрерывность — одновременным распределением капитала между различными его фазами и непрерывным переходом из одной формы в другую. «Следовательно, капитал как целое одновременно находится в своих различных фазах, пространственно расположенных рядом одна с другой. Но каждая часть постоянно переходит по очереди из одной фазы, из одной функциональной формы в другую и таким путем поочередно функционирует во всех формах. Таким образом, эти формы суть текучие формы, одновременность которых опосредствуется их последовательностью. Каждая форма следует за другой и предшествует другой, так что возвращение одной части капитала к одной форме обусловлено возвращением другой части к другой форме. Каждая часть непрерывно совершает свой собственный оборот, но в этой форме находится каждый раз другая часть капитала, и эти особые обороты образуют лишь одновременные и последовательные моменты процесса в целом».²¹⁰

Динамическое единство различных функциональных форм капитала проявляется в том, что они суть обнаружение одного и того же — самовозрастающей стоимости.

Движение капитала как единство трех фигур кругооборота есть в то же время единство процесса обращения и процесса производства, т. е. его внешнего и внутреннего. Поскольку обращение и производство сохраняются в этом единстве, постольку сохраняют силу и их определенные ранее законы. Однако поскольку они сохраняются лишь как моменты, действие законов товарного обращения и товарного

---

²¹⁰ Там же, т. 24, с. 120.

производства модифицируется. Изменяется и сам процесс формирования стоимости, ее самовозрастания. Движение капитала как самовозрастающей стоимости охватывает сферу производства и сферу обращения, а время прохождения его через эти сферы определяется временем производства и временем обращения. Последние взаимно исключают друг друга. Время обращения капитала ограничивает время его производства, а тем самым и процесс увеличения его стоимости. Вместе с тем сокращение времени обращения становится фактором увеличения времени производства, фактором увеличения стоимости. Конечно, сохраняет свою силу положение о том, что стоимость не создается в процессе обращения, что здесь она только реализуется. Но дело в том, что обращение становится моментом производства и, следовательно, реализация стоимости — моментом ее производства. Одновременно производство становится моментом обращения, а производство стоимости — моментом ее реализации. «Итак, помимо рабочего времени, овеществленного в продукте, в качестве момента созидания стоимости — в качестве момента самого производительного рабочего времени — выступает *время обращения* капитала».²¹¹

Само по себе время обращения не является производительной силой капитала. Более того, оно является ограничением этой силы, пределом производства. Но именно поэтому преодоление этого ограничения, сокращение времени обращения увеличивает производительную силу капитала. «Из отношения времени обращения к процессу производства, — подчеркивал К. Маркс, — следует, что производимая сумма стоимостей, или полное возрастание стоимости капитала за какой-нибудь данный период, определяется не просто той новой стоимостью, которую капитал создает в процессе производства, или тем прибавочным временем, которое реализуется в процессе производства, а прибавочным временем (прибавочной стоимостью), по-

---

²¹¹ Там же, т. 46, ч. II, с. 31.

множенным на число, показывающее, сколько раз может повториться в течение определенного промежутка времени процесс производства капитала. Число, указывающее количество повторений, можно рассматривать как коэффициент процесса производства, или как коэффициент созданной в этом процессе прибавочной стоимости».²¹²

Кругооборот капитала, определяемый не как отдельный акт, а как периодический процесс, К. Маркс назвал оборотом капитала. Число оборотов капитала в год характеризует его частоту, или скорость. Рассмотрение кругооборота капитала в этом определении обнаруживает две его новые формы — *основной* и *оборотный* капитал. Эти новые формы, равно как и другие определенности капитала, не навязаны ему внешним образом, а являются результатом его собственного движения, разрешения его противоречий.

Капитал, зафиксированный в каждой фазе кругооборота, является отрицанием самого себя как движения. Тем самым он отличает себя в качестве фиксированного, основного от самого же себя в качестве оборачивающегося, или оборотного, капитала.

Эти определения также отрицают себя, переходя в более содержательные. Как обращающийся капитал сам себя фиксирует, а как фиксированный он обращается. Таким образом, и основной и оборотный капитал оборачиваются, но оборачиваются по-разному. Их дальнейшие определения обусловлены поэтому различиями оборота капитальной стоимости, функционирующей в процессе производства. В свою очередь различие оборота вытекает из различий способа переноса разными частями производительного капитала своей стоимости па изготавливаемый продукт. Наконец, особенности переноса стоимости на продукт, вхождение ее через продукт в обращение и возобновление в своей первоначальной натуральной форме обусловлены различиями тех вещественных форм, в которых существует производительный капитал.

---

²¹² Там же, с. 37.

Основной капитал — это часть производительного капитала, выступающая в форме средств труда и переносящая свою стоимость на готовый продукт постепенно по мере утраты своей потребительной стоимости. Стоимость основного капитала также возвращается постепенно.оборотный капитал определен как противоположность основного. Он представлен сырьем, топливом, материалами, незавершенным производством, затратами на рабочую силу. Часть этого капитала переносит свою стоимость на продукт сразу и сразу возвращается после реализации продукта. Другая часть, переменный капитал, не переносит своей стоимости, а создает новую, большую, чем величина авансированного переменного капитала. (Следует подчеркнуть, что существование этих двух противоположных форм имеет место только в пределах производительного капитала.) Соотношение между основным и оборотным капиталом влияет на скорость его оборота в целом. Чем относительно больше величина основного капитала, тем при прочих равных условиях медленнее оборачивается вся капитальная стоимость.

В процессе оборота капитал различает себя в качестве авансированного и действительно примененного. Соответственно различаются *годовая* и *действительная* норма прибавочной стоимости.

Выше отмечалось, что скорость оборота капитала влияет на массу производимой прибавочной стоимости. Однако это не отвергает выявленные ранее законы производства прибавочной стоимости и, в частности, тот закон, согласно которому масса прибавочной стоимости при данной ее норме определяется величиной переменного капитала. Действительно, увеличение скорости оборота переменного капитала равнозначно росту того его количества, которое было применено в определенный период времени. Пропорционально росту переменного капитала возрастает и масса прибавочной стоимости. Но эта масса может быть соотнесена с величинами как действительно примененного,

так и авансированного переменного капитала. В первом случае соотношение будет характеризовать действительную норму прибавочной стоимости, во втором — годовую. Эти нормы совпадают, если совпадают величины авансированного и действительно примененного переменного капитала. Совпадение же может иметь место тогда, когда переменный капитал совершает один оборот в год. Если скорость оборота выше, годовая норма прибавочной стоимости будет больше действительной. Если переменный капитал совершает менее одного оборота в год, годовая норма прибавочной стоимости будет ниже действительной. Если обозначить годовую норму прибавочной стоимости через M' , действительную норму прибавочной стоимости — m' , авансированный переменный капитал — v , число оборотов — n ,

$$\text{то } M' = \frac{m'vn}{v} = m'v.$$

Годовая норма и масса прибавочной стоимости не являются лишь голой видимостью, субъективным представлением. Они объективно вызываются самим действительным движением капитала, модификацией сохраняющих свою силу его законов, законов прибавочной стоимости.

Диалектическое движение от простого к сложному, от абстрактного к конкретному, как это уже было отмечено выше, в некотором пункте определяется в качестве действительности. До этого сущность рассматривалась как нечто только внутреннее, а явление как нечто только внешнее. Определенные таким образом они противоположны друг другу. Каждое из них определено как внешнее по отношению друг к другу и, следовательно, как внутреннее друг друга. Будучи противоположностями, они развиваются в противоречие, которое разрешается в их непосредственное тождество — действительность. Под последней понимается не нечто осязаемое и непосредственно воспринимаемое, не наличное бытие, существование

или явление. В своих самых содержательных определениях действительность есть деятельность, действие, взаимодействие. До тех пор, пока капитал определяется лишь внешне или лишь внутренне, он и его законы не действуют, не являются действительными. Достигнув в своем движении единства процесса производства (внутреннее) и обращения (внешнее), самовозрастающая стоимость из абстракции «капитал вообще» превращается в действительный капитал.

Если в I томе «Капитала» исследуется в основном непосредственный процесс производства, в I и II отделах II тома — кругооборот и оборот индивидуального капитала, то в III отделе этого тома Маркс переходит к рассмотрению реальных условий воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Поскольку индивидуальный капитал в процессе кругооборота и оборота рассматривается лишь в отношении к самому себе, то он как таковой также является капиталом вообще. Но в этом определении он уже достиг предела своего движения и выходит за него. Уже в кругообороте денежного капитала обнаруживается его отношение к самому себе как к другому. Кругооборот производительного капитала необходимо предполагает производство его вещественных элементов другим капиталом. Движение же товарного капитала, исходным и конечным пунктом которого является готовый продукт и которое включает в себя производительное и индивидуальное потребление, вообще нельзя представить вне отношения одного капиталиста к другому, вне отношения определенных, разных индивидуальных капиталов. Эти капиталы отрицают и полагают друг друга, вступают друг с другом в определенное отношение и только в нем действительно существуют. Вне этого отношения индивидуальные капиталы суть абстракция. В то же время это отношение отрицает их, поскольку оно является *общественным капиталом*.

Исследование движения общественного капитала Маркс начинает с рассмотрения его *воспроизводства*. Оно определяется вначале в качестве такого постоянно возобновляемого процесса, в котором непрерывные кругообороты отдельных индивидуальных капиталов переплетаются друг с другом, предполагают и обуславливают друг друга и благодаря этому образуют движение в целом. Воспроизводство общественного капитала является, таким образом, дальнейшим развитием понятия об обороте капитала. Это развитие обнаруживается прежде всего в том, что процесс производства, взятый теперь как воспроизводство всего общественного капитала, содержит в самом себе условия своего возобновления. Воспроизводство общественного капитала предполагает, следовательно, непрерывное возмещение как стоимости, так и потребительных стоимостей, в которых он существует. В свою очередь, исследование этого процесса возможно только в том случае, если общественный капитал будет различен внутри себя не только по стоимости, но и по потребительной стоимости. Маркс показал, что для выведения основных законов воспроизводства общественного капитала достаточно различать в его стоимости постоянный, переменный капитал и прибавочную стоимость ($c + v + m$), а в его совокупной потребительной стоимости — средства производства и предметы потребления. Соответственно общественное производство различает в самом себе первое подразделение, где производятся средства производства, и второе, где производятся предметы потребления.

Законами воспроизводства общественного капитала в данном случае являются чистые условия реализации совокупного общественного продукта, произведенного в первом и втором подразделениях, путем обмена внутри каждого из них и между ними.

Основной закон *простого* капиталистического производства требует, чтобы сумма переменного капитала и прибавочной стоимости

первого подразделения была равна постоянному капиталу второго. Это требование выражается равенством:

$$I (v+m) = II c.$$

Производными от этого закона являются следующие два:

$$I (c+v+m) = I c + II c; \quad II (c+v+m) = I (v+m) + II (v+m).$$

В соответствии с требованиями основного закона *расширенного* воспроизводства сумма переменного капитала и прибавочной стоимости первого подразделения должна быть больше постоянного капитала второго подразделения, т. е. $I (v+m) > II c$. Производные законы расширенного воспроизводства получают следующее выражение:

$$I (c+v+m) > I c + II c; \quad I (v+m) + II (v+m) > II (c+v+m).$$

Исследование воспроизводства общественного капитала в III отделе II тома «Капитала» является завершением рассмотрения движения капитала вообще и началом изучения действительного движения. Однако это начало еще очень просто. Чистые условия капиталистического воспроизводства исключают из себя ряд действительных условий и предполагают ряд абстракций. Так, предполагается чистое капиталистическое общество, состоящее только из двух классов—рабочих и капиталистов; утверждается постоянство стоимости, нормы прибавочной стоимости и органического строения капитала; считается, что цены товаров совпадают с их стоимостью; допускается такое общественное производство, цикл которого равен одному году, причем вся стоимость основного капитала полностью переносится на изготавливаемый продукт в пределах данного промышленного цикла; считается возможным наличие в обращении только металлических денег; не принимается во внимание внешняя торговля. Эти исключения и абстракции допустимы и даже необходимы в строгом теоретическом исследовании. В то же время они, конечно, беднее конкретной действительности. В развитой капиталистической

действительности чистые условия воспроизводства постоянно нарушаются, так что определенные выше законы осуществляются через их неосуществление. В этом их истина.

§ 2. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА

Общественный капитал, отрицая индивидуальные капиталы, в своем движении определяет себя через новые конкретные формы. Они и являются объектом изучения в III томе «Капитала». Маркс как бы возвращается к исследованию индивидуальных капиталов. Однако здесь противостоящие друг другу капиталы являются конкретными формами общественного капитала, они определены им. В свою очередь, движение конкретных капиталов обогащает понятие общественного капитала, его законы.

Действительное движение капиталов внешним образом есть их действие и взаимодействие, которые проявляются как *конкуренция*. «То, что заложено в природе капитала, — писал К. Маркс, — реально выступает наружу, как внешняя необходимость, лишь через посредство конкуренции, которая сводится к тому, что реально существующие многие капиталы навязывают друг другу и самим себе имманентные определения капитала. Поэтому ни одна категория буржуазной экономики, и даже самая первая — например, определение стоимости, — не становится действительной иначе, как через посредство свободной конкуренции, т. е. через посредство действительного процесса капитала, процесса, который выступает как взаимодействие капиталов и всех остальных, определяемых капиталом, отношений производства и общения».²¹³

Различается взаимодействие капиталов в пределах одной отрасли и взаимодействие между отраслями.

---

²¹³ Там же, с. 155.

Внутриотраслевая конкуренция приводит к завершению реального процесса формирования общественно необходимого рабочего времени, общественной, или рыночной, стоимости. К. Маркс отмечал: «В условиях конкуренции основной закон, который развивается в отличие от закона, установленного относительно стоимости и прибавочной стоимости, заключается в том, что стоимость определяется не содержащимся в ней трудом или рабочим временем, в течение которого она была произведена, а тем рабочим временем, в течение которого она может быть произведена, или рабочим временем, необходимым для воспроизводства. Лишь таким путем отдельный капитал реально ставится в условия капитала вообще, хотя здесь и возникает видимость, будто при этом опрокидывается первоначальный закон. Но только таким образом и устанавливается *необходимое* рабочее время как определяемое самим движением капитала. Таков основной закон конкуренции».²¹⁴

Действительное движение капитала является и действительным завершением формирования его понятия. Первым и самым абстрактным понятием капитала было определение его как самовозрастающей стоимости. Однако этим понятием не охватывалась та часть капитальной стоимости, которая воплощена в средствах производства, т. е. постоянный капитал. В дальнейшем через целый ряд опосредований выяснилось, что действительное движение включает в себя и постоянный капитал. Капитал как самовозрастающая стоимость в своем движении непрерывно отличает самого себя как основание от самого себя как основанного, как предположенное от положенного. Если первоначальную стоимость обозначить как $c + v$, то она отличает себя от возросшей $c + v + m$ внутри ее как $(c + v) + m$. С точки зрения капиталиста, эта обособившаяся часть стоимости, равная израсходованному им на производство товара капиталу, составляет

---

²¹⁴ Там же, с. 162.

издержки производства. Следует подчеркнуть, что это обособление осуществляется объективно в процессе действительного движения капитальной стоимости. Но в этом процессе самовозрастающая стоимость объективно соотносится не только с израсходованной капитальной стоимостью, но и с авансированной. С последней соотносится не только вся возросшая стоимость, но и прибавочная стоимость. Отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу есть норма прибыли, а прибавочная стоимость, определившая себя в отношении ко всему авансированному капиталу, — прибыль. Эти новые определения капитала и прибавочной стоимости не декларируются, а выводятся из действительного движения капитала, при этом Маркс подчеркивал, что прибыль является производной от нормы прибыли, а не наоборот.

В разных отраслях капиталистической экономики объективные условия производства прибыли различны. Различны здесь и нормы прибыли. Однако истиной капиталов как представителей единого общественного капитала является общая, средняя норма прибыли. Эта истина обнаруживается во взаимодействии капиталов различных отраслей, в *межотраслевой* конкуренции. «...Отношение прибавочной стоимости в качестве отношения *прибыли* подчиняет себе буржуазное производство, определяет распределение капиталов в различных отраслях производства, является, так сказать, определяющим моментом в свободной конкуренции (в конкуренции капиталов между собой, т. е. в действительном движении капиталов, в котором только и реализуются законы капитала. Эти законы в действительности представляют собой не что иное, как, с одной стороны, общие условия этого движения, его результат, а с другой — его тенденцию)». ²¹⁵

Действительный закон движения капитала на данном этапе его саморазвертывания выступает как закон конкуренции, регулирующий

---

²¹⁵ Маркс К. Прибавочная стоимость и прибыль. – Коммунист, 1978, № 7, с. 6.

общую норму прибыли. Выравнивание индивидуальных прибылей в общую осуществляется через механизм цен. Капиталисты, функционирующие в различных отраслях производства, только тогда будут считать себя полноправными представителями общественного капитала, когда цена, по которой они продают свои товары, обеспечит им покрытие издержек производства и получение средней прибыли. Такая цена есть *цена производства*. Последняя есть превращенная форма стоимости, ее диалектическое отрицание. Таким образом, последовательность развертывания и выведения основных экономических категорий, характеризующих движение капитала в сфере действительности, иная, чем в сфере непосредственного бытия и сущности. Там движение направляется от стоимости к прибавочной стоимости и ее норме, здесь — от нормы прибыли к прибыли и от нее к цене производства.

Дальнейшим развитием экономического закона движения капитализма является закон тенденции нормы прибыли к понижению. Исследование этого закона К. Марксом является еще одним ярким примером эффективности диалектического метода. Обращает на себя внимание сама структура III отдела III тома «Капитала» — «Закон тенденции нормы прибыли к понижению». Глава XIII этого отдела называется «Закон как таковой», глава XIV — «Противодействующие причины», глава XV — «Развитие внутренних противоречий закона». Таким образом, данный закон вначале рассматривается как положительное тождество, затем в соотношении с внешними факторами и, наконец, как противоречие.

Движение капитала, которое ранее определяло себя как бесконечный процесс, здесь определяет свой предел и выводит себя за него. Стремление капитала к безграничному росту наталкивается на границы, создаваемые самим этим ростом. Внешне это находит выражение в том, что стремление капитала к беспредельному

возрастанию сопровождается расширением производства, увеличением эксплуатации рабочего класса, увеличением относительного перенаселения. Это ведет к обесценению наличного капитала, росту его органического строения, падению нормы прибыли, снижению платежеспособного спроса и возможности реализации произведенной стоимости, а в конечном счете — к снижению возможности роста капитала. Внутренние противоречия закона тенденции нормы прибыли к понижению являются развитым выражением основного противоречия капитализма.

В «Капитале» и в других произведениях К. Маркса нет определения *основного противоречия* капиталистического способа производства, но содержание этого понятия раскрыто Ф. Энгельсом. Он показал, что, превратив мелкое частное производство отдельных производителей в крупное общественное, капитализм сохранил ту форму присвоения, основу которой он уничтожил. «Производство, — подчеркивал Ф. Энгельс, — становится общественным актом; обмен же, а с ним и присвоение продуктов остаются индивидуальными актами, актами отдельных лиц: *продукт общественного труда присваивается отдельным капиталистом*. Это и составляет основное противоречие, откуда вытекают все те противоречия, в которых движется современное общество и которые с особенной ясностью обнаруживаются в крупной промышленности».²¹⁶

Основное противоречие капитализма представлено в товаре, но лишь в зародыше. Оно обнаруживает себя в основном производственном отношении капиталистического способа производства, но только как различие. По своему понятию основное противоречие определяет производные, и его движение является разворачиванием системы противоречий. Эта система включает в себя: противоречия простого товарного производства и обращения,

---

²¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 228.

обуславливающие возможность перепроизводства товаров и нарушение непрерывности движения; противоречия непосредственного процесса производства и в их числе противоречие между процессом производства и процессом увеличения стоимости, стремлением капитала устранить необходимое рабочее время и сохранить его противоположность — прибавочное рабочее время; противоречия кругооборота и оборота индивидуальных капиталов, воспроизводства, и в их числе противоречие между производством и обращением, между капиталистическим производством и потреблением, тенденцией капитала к пропорциональности и к ее постоянному нарушению и т. д. Это не рядом положенные противоречия, а их развивающаяся система. Конечно, все конкретные явления можно объяснить основным противоречием. Вместе с тем для объяснения какого-либо факта или события очень важно определить именно то противоречие, разрешением которого данный факт или событие являются непосредственно. Так, разрешением противоречия между единообразием вещи и многообразием ее свойств является закон, противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью — непосредственно деньги. Трудно возразить что-либо тем, кто утверждает, что противоречие между пролетариатом и буржуазией является одной из причин экономических кризисов. Но это противоречие имеет много форм проявления. Оно проявляется в зародыше в акте купли-продажи товара рабочая сила и в развитом виде — в социалистической революции, когда пролетариат и буржуазия стоят по разные стороны баррикад. Между этими двумя крайними формами имеется много опосредующих форм движения данного противоречия. Какая же из них непосредственно разрешается экономическим кризисом?

Если нельзя для объяснения какого-либо явления приводить в качестве его непосредственной причины противоречие в общей форме,

то столь же недопустимо непосредственно объяснять его противоречием, которое в данном явлении еще не присутствует ни в какой форме.

Закон тенденции нормы прибыли к понижению являет собой развитое противоречие зрелого капитализма. Производство прибавочной стоимости как цели капитализма в определенном пункте приводит к отрицанию этой цели, закона движения капитализма и самого капиталистического способа производства. «*Настоящий предел капиталистического производства, — отмечал К. Маркс, — это сам капитал, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства... Средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала*». ²¹⁷ По своему понятию капитал не знает пределов роста, но именно поэтому он постоянно полагает эти пределы и выходит за них. Капитал как самоцель развивается до противоречия, обнаруживающегося в законе тенденции нормы прибыли к понижению. Непосредственным разрешением этого противоречия являются экономические кризисы перепроизводства. «Возрастающее несоответствие между производительным развитием общества и его наличными производственными отношениями находит себе выражение в резких противоречиях, кризисах, судорогах. Насильственное уничтожение капитала, не в силу внешних для него отношений, а как условие его самосохранения, есть та наиболее разительная форма, в которой ему дается совет уйти и уступить место более высокому состоянию общественного производства». ²¹⁸

---

²¹⁷ Там же, т. 25, ч. I, с. 274.

²¹⁸ Там же, т. 46, ч. II, с. 263.

Отрицающий себя капитал есть действительное движение, взаимодействие не только единичных, но и *особенных* капиталов. Поэтому дальнейшая конкретизация экономического закона движения капитализма требует исследования движения обособившихся форм капитала как самостоятельных и как частей целого, исследования в капитале особенного. Каждый обособившийся капитал имеет собственный закон движения. Следовательно, действительное движение капитала как целого определяется взаимодействием особенных законов. В то же время взаимодействие особенных капиталов и их законов имеет место только потому, что в каждом особенном есть всеобщее. Это всеобщее капитала, развившегося в систему, есть его закон. Всеобщее развитого капитала существенно отличается от всеобщего в начале его движения. Теперь оно охватывает также богатство особенного, содержит в себе всю полноту определений капитала.

Особенные капиталы представлены промышленным, торговым, ссудным капиталом, рентой и ценой земли. Основной формой является промышленный капитал, а самой развитой — рента и цена земли. Последние содержат в себе в снятом виде все определения особенных капиталов. «Земельная рента, — писал К. Маркс, — не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт, и его следует разобрать раньше земельной собственности. После того, как то и другое рассмотрено в отдельности, должно быть рассмотрено их взаимоотношение».²¹⁹ Завершенность меновой стоимости и капитала, представленных в форме ренты и цены земли, выражается в том, что они являются полным отрицанием своего содержания. Капиталистические аграрные

---

²¹⁹ Там же, т. 12, с. 733 – 734.

отношения, рента и цена земли привлекают к себе особое внимание и с точки зрения последовательного применения марксистского диалектического метода к исследованию сложных экономических процессов. Таким образом, движение земельной ренты и ее закон заслуживают специального рассмотрения.

§ 3. ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА И ЕЕ ЗАКОН

При капитализме существуют две основные формы ренты— дифференциальная и абсолютная. К. Маркс начинает рассмотрение капиталистических рентных отношений с дифференциальной ренты. Это полностью соответствует принципу движения от абстрактного к конкретному.

Действительно, капиталистическая рента вообще есть часть прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости. Прибыль предполагает продажу товаров по ценам производства. Поэтому при исследовании земельной ренты следует исходить из предположения, что сельскохозяйственные продукты при капитализме продаются по ценам производства. Такое исследование является исследованием процесса образования дифференциальной земельной ренты. Но дифференциальная рента при таком предположении есть не конкретная форма прибавочной стоимости, а абстракция, так как в действительности продукты капиталистического сельского хозяйства продаются не по их ценам производства, а по стоимости. Абсолютная рента, формирование которой рассматривается при действительных условиях продажи сельскохозяйственных товаров, есть поэтому категория более конкретная, чем дифференциальная рента. Она должна рассматриваться после абстракции дифференциальной ренты. Последняя в своем движении должна конкретизироваться, что обуславливает необходимость рассмотрения процесса ее формирования в действительных условиях, т. е. при продаже сельскохозяйственных

товаров по стоимости и при наличии абсолютной земельной ренты. Далее наполнение дифференциальной и абсолютной ренты конкретным содержанием предполагает рассмотрение процесса их формирования не только при равновеликих, но и разных (дополнительных) вложениях капитала в различные по плодородию участки. Именно так исследует основные формы капиталистической земельной ренты К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости».

Что же касается «Капитала», то здесь, в силу того что К. Маркс не успел закончить работу над III томом, исследование процесса образования ренты ограничивается изолированным рассмотрением ее основных форм.

К сожалению, этим же ограничивается анализ формирования дифференциальной и абсолютной земельной ренты и в учебном курсе политической экономии капитализма. Формирование абсолютной ренты здесь рассматривается только при предположении равновеликих вложений капитала в разные земельные участки. Таким образом, содержание обеих категорий обедняется, а исследование не доводится до конца. Результаты такого исследования нельзя признать истинными. Истиной в материалистической диалектике признается совпадение понятия с объектом. В данном случае абстрактные категории дифференциальной и абсолютной земельной ренты далеко не совпадают с объектом и, следовательно, понятия основных форм капиталистической земельной ренты на данном уровне восхождения от абстрактного к конкретному не истинны.

Рассмотрим следующий условный пример образования дифференциальной ренты. Пусть имеются три земельных участка площадью 200 га каждый, относящиеся к различным по плодородию категориям. Во все три участка вложены равновеликие капиталы в 10 тыс. долл., причем предполагается, что весь капитал потребляется за один производственный цикл. Средняя норма прибыли равна 20%,

тогда средняя прибыль на капитал равна 2 тыс. долл. Действительное абсолютное плодородие участков *A*, *B*, *B* при данных равновеликих вложениях капитала характеризуется урожайностью одноименной на всех трех участках сельскохозяйственной культуры в 5, 7,5 и 10 ц с га соответственно, а весь урожай — 1000, 1500 и 2000 ц. Тогда механизм образования добавочной прибыли можно представить следующим образом. При заданных условиях индивидуальная цена производства 1 ц продукции будет: на участке *A*—12 долл., на участке *B* — 8, на участке *B* — 6 долл. На рынке произведенная сельскохозяйственная продукция продается по единым ценам. Как же определяется эта цена? Она определяется условиями производства продукта на худшем земельном участке, так как только в этом случае, вкладывая капитал в худший участок *A*, капиталист сможет получить как минимум среднюю прибыль. Во всех других случаях земли категории *A* будут для него экономически неплодородными. Отказ от возделывания земель категории *A* вызовет сокращение производства продукции, превышение спроса над предложением и рост цен. Земли категории *A* смогут использоваться только тогда, когда рост цен достигнет уровня, обеспечивающего капиталисту-фермеру среднюю прибыль на вкладываемый в эти земли капитал. Возделывание земель категории *A* общественно необходимо, поэтому индивидуальная цена производства на землях этой категории (12 долл.) является регулирующей. Тогда на относительно лучших землях категории *B* и *B* возникает добавочная прибыль как разница между рыночной ценой производства продукта, определяемой условиями производства его на худших земельных участках, и индивидуальной ценой производства этого же продукта на относительно лучших земельных участках.

Таблица 1. Образование дифференциальной земельной ренты I рода
(долл.)

Категория земли	Цена производства				Добавочная прибыль (дифференциальная земельная рента)
	индивидуальная		рыночная		
	1 ц	всего урожая	1 ц	всего урожая	
А	12	12 000	12	12 000	—
Б	8	12 000	12	18 000	6 000
В	6	12 000	12	24 000	12 000

В отличие от обрабатывающей промышленности, где при известных условиях на отдельных предприятиях также возможна добавочная прибыль, в сельском хозяйстве эта прибыль является фиксированной и относительно постоянной. Она обязана своим существованием повышенной производительности труда, использующего такой ограниченный и свободно невоспроизводимый естественный фактор производства, как земля, находящаяся в монопольном пользовании отдельных капиталистических хозяйств. Эта постоянная фиксированная дифференциальная прибыль является основой дифференциальной земельной ренты I рода по плодородию. Размеры этой добавочной прибыли зависят не от абсолютной производительности труда на различных земельных участках, не от абсолютного плодородия земель, а от их относительного плодородия.

Обращаясь к приведенной выше таблице, видим, что на землях категории А, где относительное плодородие равно нулю, добавочная прибыль отсутствует, соответственно отсутствует и материальная основа земельной ренты. Но земельный собственник, обладающий монопольным правом распоряжаться землей по собственному усмотрению, не отдаст ее в пользование капиталисту-фермеру бесплатно. Следовательно, рыночная цена производства, определяемая условиями производства продукта на худшем земельном участке, еще недостаточна для того, чтобы этот участок мог быть признан экономически плодородным и использоваться. Земельный собственник

не отдаст землю в аренду до тех пор, пока цена на сельскохозяйственные продукты не установится на таком уровне, который обеспечит ему получение некоторого дохода и с худшей земли, т. е. на уровне, превышающем рыночную цену производства.

Поскольку в капиталистическом сельском хозяйстве органическое строение капитала ниже, чем в промышленности, постольку при единой средней норме прибыли стоимость сельскохозяйственных продуктов выше их цены производства. Капиталисты-фермеры ограждены от межотраслевой конкуренции монополией частной собственности на землю, которая препятствует свободному переливу капитала из промышленности в сельское хозяйство и выравниванию норм прибыли в сельском хозяйстве и промышленности. На капиталистическом рынке сельскохозяйственные продукты продаются не по цене производства, а по стоимости. Образующаяся при этом добавочная прибыль фиксируется в сельском хозяйстве и составляет материальную основу абсолютной земельной ренты, присваиваемой земельными собственниками. Размер этой добавочной прибыли непосредственно не зависит ни от абсолютного, ни от относительного плодородия земель. При равновеликих капиталах и общественно нормальных условиях производства (среднем для всего сельского хозяйства органического строения капитала) эта добавочная прибыль одинакова на всех эксплуатируемых сельскохозяйственных землях.

Образование этой равновеликой добавочной прибыли на землях разных категорий можно проиллюстрировать, взяв в качестве исходных те же данные, что и в первом примере. Добавим только, что органическое строение капиталов, вложенных в каждый участок, равно $6500 c + 3500 v$, а норма прибавочной стоимости равна 100%.

Таблица 2. Образование абсолютной земельной ренты (долл.)

Категория земли	Индивидуальная цена производства всего урожая	Стоимость				Добавочная прибыль (земельная рента)	
		Индивидуальная		рыночная		дифференциальная	абсолютная
		1 ц	всего урожая	1 ц	всего урожая		
А	12 000	13,5	13 500	13,5	13 500	—	1 500
Б	12 000	9	13 500	13,5	20 250	6 750	1 500
В	12 000	6,75	13 500	13,5	27 000	13500	1 500

Конечно, фактические условия производства могут отклоняться от общественно нормальных. В этом случае капиталист-фермер будет иметь обычную добавочную прибыль или убыток.

Выше рассматривались примеры образования добавочной прибыли на равновеликие капиталы, вкладываемые в равновеликие по площади разнокачественные земли. Рассмотрим теперь случай, когда в эти земли вкладываются дополнительные капиталы. Очевидно, что и дополнительные вложения капитала в землю будут возможны только тогда, когда они обеспечат капиталисту-фермеру как минимум среднюю прибыль. Если же эти вложения, повышая экономическое плодородие земли, вызовут такой прирост дополнительной продукции, который, будучи реализованным, даст добавочную прибыль, последняя становится объектом рентных отношений капиталиста-фермера и земельного собственника.

Пусть, например, в участок *Б* вложен дополнительный капитал, равный первоначальному. Повышение благодаря этому экономического плодородия земли вызвало рост урожайности до 10 ц с га и урожая до 2000 ц. Таким образом, результативность дополнительных вложений капитала в участок *Б* такая же, как и первоначальных вложений в участок *В*. В этом случае дифференциальная рента II рода на участке *Б* и дифференциальная рента I рода на участке *В* должны быть равны, но тогда на участке *Б* в результате дополнительных вложений капитала образуется и дополнительная абсолютная рента.

Как же количественно определяется дифференциальная и абсолютная земельная рента?

Таблица 3. Образование земельной ренты в целом (долл.)

Категория земли	Индивидуальная цена производства всего урожая	Стоимость всего урожая		Добавочная прибыль (земельная рента)		
		Индивидуальная	рыночная	дифференциальная		абсолютная
				И рода	II рода	
А	12 000	13 500	13 500	—	—	1 500
Б (1)	12 000	13 500	20 250	6 750	—	1 500
Б (2)	12 000	13 500	27 000	—	13 500	1 500
В	12 000	13 500	27 000	13 500	—	1 500

В учебниках и учебных пособиях, в подавляющем большинстве литературных источников дифференциальная рента определяется только как разность между рыночной (общественной) и индивидуальной ценой производства сельскохозяйственной ведущей культуры на различных земельных участках.

Действительно, такое определение дает нам результаты, представленные в табл. 1. Попробуем таким же образом определить дифференциальную ренту, предполагая, что товары продаются по стоимости (табл. 2). Тогда абсолютная рента на первом участке будет равна 1500, на втором — 2250 и на третьем — 3000 долл. Это соответствует количественному определению абсолютной ренты как разности рыночной стоимости и рыночной цены производства. Однако полученные при этом результаты противоречат понятию абсолютной ренты. Она не зависит от разности в плодородии и поэтому должна быть равновеликой при данных условиях на всех земельных участках.

К. Маркс подчеркивал, что абсолютная земельная рента потому и является таковой, что она, в отличие от дифференциальной, не зависит от различий в продуктивности естественных условий приложения труда, различий в его производительности. На всех земельных участках, независимо от их качества, она при прочих равных условиях

должна быть одинаковой по своей величине.²²⁰ Однако равная на всех земельных участках абсолютная рента отвергает ее количественное определение как разности между рыночной стоимостью и рыночной ценой производства товара и дифференциальной ренты как разности между рыночной и индивидуальной ценами производства.

Рассмотрев в пяти таблицах в «Теориях прибавочной стоимости» различные сочетания дифференциальной и абсолютной ренты, иллюстрирующие ее общий закон, К. Маркс писал: «Все пять таблиц показывают, что *абсолютная рента* всегда равна избытку [индивидуальной] стоимости товара над его собственной ценой издержек; а *дифференциальная рента* равна избытку рыночной стоимости товара над его индивидуальной стоимостью; совокупная же рента, когда сверх абсолютной ренты имеется еще и дифференциальная, равна избытку рыночной стоимости над индивидуальной стоимостью плюс избыток индивидуальной стоимости над ценой издержек, или избытку рыночной стоимости над индивидуальной ценой издержек».²²¹

Некоторые советские экономисты усматривают противоречие в количественном определении ренты в «Теориях прибавочной стоимости» и в III томе «Капитала». В действительности же никакого противоречия во взглядах К. Маркса на количественную определенность ренты нет. Рассматривая дифференциальную земельную ренту отдельно, при отсутствии абсолютной ренты, Маркс определяет ее как разность между общественной и индивидуальной ценой производства продуктов земледелия. Иного определения и быть не может при предположении, что сельскохозяйственные продукты продаются по ценам производства. Однако при наличии монополии частной собственности на землю, при наличии абсолютной ренты

---

²²⁰ См. там же, т. 26, ч. II, с. 288 – 289.

²²¹ Там же, с. 291.

сельскохозяйственные продукты продаются на капиталистическом рынке по стоимости. В этом случае дифференциальная рента не может быть определена иначе, как разность *между общественной и индивидуальной стоимостью* продуктов разных категорий земель. Именно так и определяет К. Маркс дифференциальную земельную ренту и в «Теориях прибавочной стоимости» и в III томе «Капитала», когда рассматривает ее не изолированно, а в сочетании с абсолютной рентой.²²²

В рассмотренных выше условных примерах абсолютная земельная рента определена как разность между *стоимостью (индивидуальной)* и *ценой производства (индивидуальной)* продуктов на землях разных категорий при средних (общественно нормальных) условиях производства. Такое определение полностью согласуется с марксистско-ленинской теорией земельной ренты и, следовательно, является единственно правильным.

Последовательное применение диалектического метода исследования дает возможность установить и другую важную закономерность в движении ренты. При прочих равных условиях ее величина зависит от величины вложенных в землю капиталов. С их ростом растет не только дифференциальная, но и абсолютная земельная рента. «Прежде всего мы видим, — указывал Маркс, — что по своей сумме *абсолютная рента* увеличивается или уменьшается соответственно вложенному в земледелие капиталу...».²²³

Известно, что необходимым условием существования абсолютной земельной ренты Маркс считал относительно низкое по сравнению с промышленностью органическое строение капитала в сельском хозяйстве. С развитием капитализма этот разрыв в определенные периоды времени может сокращаться. Однако данное явление не влечет

---

²²² См. там, т. 25, ч. II, с. 390.

²²³ Там же, т. 26, ч. II, с. 279.

за собой с неизбежностью уменьшение массы абсолютной ренты, поскольку с интенсификацией капиталистического земледелия растут вложения капитала в землю.

Следует подчеркнуть, что никаких принципиальных различий в образовании дополнительной прибыли как материальной основы дифференциальной и абсолютной земельной ренты при первой и дополнительных затратах капитала в землю нет. Условия и причины образования этой прибыли в обоих случаях одни и те же. Это — различия в плодородии земельных участков и монополия на землю как на объект хозяйства при образовании дифференциальной ренты, и относительно низкое органическое строение капитала и монополия частной собственности на землю при образовании абсолютной земельной ренты. Правда, во втором случае к различиям в плодородии земельных участков присоединяются различия в распределении капитала (и кредитоспособности) между фермерами. Однако с развитием капитализма в сельском хозяйстве эти различия становятся все менее существенными.

Нельзя не признать ошибочными содержащиеся в некоторых учебно-методических пособиях и литературных источниках попытки установить различия и даже вывести необходимость двух форм дифференциальной земельной ренты из различий естественного и экономического, естественного и искусственного плодородия земли.²²⁴

Как при первой, так и при последующих дополнительных затратах капитала к естественному плодородию земли присоединяется искусственное плодородие, как в первом, так и во втором случае дифференциальная прибыль обусловлена различиями в экономическом плодородии земель, которое выступает как конкретное единство естественного и искусственного плодородия.

---

²²⁴ Козодоев И.И. Земельная рента при капитализме. М., 1958, с. 78; Курс политической экономии. М., 1963, т. I, с. 448.

Неправильным является также утверждение, что дифференциальная рента I рода возникает лишь в процессе экстенсивного роста земледелия.²²⁵ Действительно, производство дифференциальной прибыли — материальной основы дифференциальной ренты I рода — предполагает затрату определенного капитала, считающегося при данных условиях производства нормальным капиталом. Однако в процессе изменения условий сельскохозяйственного производства изменяется и средняя нормальная величина капитала в расчете на единицу земельной площади. В процессе интенсификации земледелия возрастает величина капитала, считающегося в изменившихся новых условиях производства нормальным, обеспечивающим производство на относительно лучших землях дифференциальной прибыли. Если рост нормальной величины капитала сопровождается изменением относительного экономического плодородия земель разных категорий, то это приводит к изменению самой величины дифференциальной прибыли — материальной основы дифференциальной ренты I рода на этих землях. Таким образом, по производству материальной основы дифференциальной земельной ренты II рода является лишь другим выражением дифференциальной ренты I рода, по существу совпадая с ней.

Однако капиталистическая земельная рента как экономическая категория выражает не только отношения производства добавочной дифференциальной прибыли, но и особые отношения по поводу этой прибыли между капиталистом-фермером и земельным собственником, опосредующими переход дифференциальной прибыли из рук фермера в руки земельного собственника.

Анализ условий, при которых совершается превращение дифференциальной прибыли в дифференциальную земельную ренту по плодородию, дает возможность установить существенные различия

---

²²⁵ Политическая экономия: Капиталистический способ производства. М., 1976, т. I, с. 309.

между двумя ее формами и, следовательно, определить объективную необходимость этих ее форм.

Дифференциальная прибыль при дифференциальной ренте I рода всегда полностью присваивается земельным собственником. Что же касается дифференциальной прибыли при дифференциальной ренте II рода, то она может временно частично присваиваться капиталистом-фермером. Этот случай имеет место тогда, когда, заключив договор на аренду земли и зафиксировав в этом договоре размер ренты, соответствующий нормальному среднему капиталу, фермер вкладывает в землю дополнительный капитал, приносящий добавочную дифференциальную прибыль. При перезаключении договора земельный собственник учитывает возможности своей земли как сферы дополнительного производительного вложения капитала и соответственно увеличит размер арендной платы.

Следовательно, не являясь причиной создания дифференциальной прибыли, частная земельная собственность препятствует слиянию эффекта от дополнительных вложений капитала в общий эффект всей суммы капитала, вложенного в землю, фиксирует и обособляет дифференциальную прибыль от последовательных дополнительных затрат капитала. При этом цена земледельческого продукта может определяться не условиями производства его на худшей земле, а наименее производительной общественно необходимой затратой на земле любого качества. Если эта затрата сделана на относительно лучших землях, то на худших землях образуется дифференциальная рента I рода.

Естественным условием возникновения дифференциальной ренты II рода, так же как и дифференциальной ренты I рода, являются устойчивые различия в экономическом плодородии разных категорий земель. Однако движение дифференциальной ренты II рода в известных пределах независимо от изменения относительного экономического

плодородия земельных участков. Например, в случае равновеликих дополнительных вложений капитала, производительность которых равна производительности первоначальных вложений, относительное экономическое плодородие разнокачественных земель остается без изменения, а дифференциальная рента II рода возрастает.

Следует отметить, что, вкладывая в пределах срока действия арендного договора дополнительные капиталы в землю, капиталист-арендатор присваивает не только часть дифференциальной ренты II рода, но и часть абсолютной ренты.

«Арендатор в течение того срока, на который он арендовал землю, — писал В. И. Ленин, — „всегда может“ присвоить себе и *всегда присваивает себе всякую* ренту, *раз* он... вкладывает новый капитал в землю. В течение срока действия арендного договора частная собственность на землю перестает существовать для арендатора: он уже „откупился“, выплатив аренду, от этой монополии, она уже не может мешать ему. Поэтому, когда новая затрата капитала арендатором на его участке дает ему и новую прибыль, *и новую ренту*, то эту ренту получает *не землевладелец, а арендатор*. Землевладелец станет получать эту новую ренту лишь после того, как срок старого арендного контракта кончится, после того, как будет заключен новый арендный контракт... Теперь спрашивается, какого вида новую ренту присваивает себе арендатор во время срока действия арендного договора? Только ли абсолютную, или и дифференциальную? И ту и другую».²²⁶

В процессе анализа условий и причин образования дифференциальной и абсолютной земельной ренты следует так же обратить внимание на следующее немаловажное обстоятельство. Не являясь причиной образования дифференциальной земельной ренты, монополия частной собственности на землю косвенно, через цены на продукты земледелия, влияет на ее величину. Обращаясь к табл. 1, можно

---

²²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 280 – 281.

увидеть, что при продаже сельскохозяйственных продуктов по ценам производства дифференциальная рента составила на участке *B* 6000 долл. и на участке *B* — 12 000 долл. При наличии абсолютной земельной ренты и при продаже продуктов по их стоимости дифференциальная рента составила на участке *B* 6750 долл., и на участке *B* — 13 500 долл., т. е. возросла (табл. 2).

Подводя итог исследованию условий, причин, источника и механизма образования и изъятия капиталистической земельной ренты, ее тенденции, К. Маркс сформулировал следующий закон: «Своеобразие заключается в том, что вместе с условиями, при которых земледельческие продукты развиваются в стоимости (товары) и вместе с условиями реализации их стоимостей развивается и сила земельной собственности присваивать себе все растущую долю этих создаваемых без ее содействия стоимостей, все растущая доля прибавочной стоимости превращается в земельную ренту».²²⁷

Рента капитализируется в цене земли, которая принимает форму капитала, приносящего проценты.

§ 4. РЕЗУЛЬТАТ ДВИЖЕНИЯ КАПИТАЛА

В процессе и результате действительного движения капитала стоимость отрицается ценой производства, прибавочная стоимость — прибылью, а сам капитал как самовозрастающая стоимость — нестоимостью, порождающей прибавочную стоимость в форме ренты.

Стоимость товара, являющегося результатом капиталистического производства, разлагается на стоимость потребленных в процессе производства средств производства, стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость, принимающую форму предпринимательского дохода, торговой прибыли, процента и ренты. Это обратное процессу формирования движение осуществляется в полном соответствии с

---

²²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 189.

законом стоимости. Однако, приобретая в силу обособления и взаимодействия особенных капиталов относительную самостоятельность, эти части прибавочной стоимости из результатов процесса производства и увеличения стоимости становятся его предпосылками, его условиями. Из таких частей, на которые стоимость может быть разложена, они превращаются в самостоятельные элементы, которые ее конституируют. *Результат становится началом.*

Различные доли стоимости, создаваемой наемными рабочими, в итоге движения капитала приобретают форму *доходов*. Рабочий трудится, и его труд, как это выглядит на поверхности капиталистического общества, полностью оплачивается в форме заработной платы. Капиталист, функционирующий в сфере материального производства или торговле, получает за свой труд вознаграждение в форме предпринимательского дохода или торговой прибыли, образующих его доход. Будучи собственником, персонификацией капитала, он присваивает в форме дохода процент, порождаемый капиталом как таковым. Земельный собственник получает в форме постоянного дохода земельную ренту, проистекающую из земли как таковой. Таким образом, на поверхности капиталистического общества вся создаваемая рабочими стоимость получает форму суммы доходов, источниками которых являются труд, капитал, земля. Поскольку же они — факторы производства, постольку создается видимость, что продуцируемые ими доходы формируют цены товаров. Цена товаров, выступавшая ранее как денежное выражение стоимости и цены производства, получает форму суммы доходов собственников различных факторов производства. «Поэтому тот порочный круг, — писал К. Маркс, — в котором вращается носитель вульгарных взглядов, будь он теоретик капиталистического сознания или практический капиталист, и который гласит: цены товаров

определяют заработную плату, процент, прибыль и ренту, и наоборот, цены труда, процента, прибыли и ренты определяют цены товаров, — есть только *выражение того кругового движения*, в котором всеобщие законы противоречиво реализуются в действительном движении и на поверхности явлений».²²⁸

Три фактора капиталистического производства и соответствующие им формы доходов являются специфическим выражением классовой структуры капиталистического общества. Таким образом, исследование движения капитала на данной ступени требовало развития учения о классах капиталистического общества и их взаимоотношениях. «...Так как эти три формы (заработная плата, земельная рента, прибыль (процент)) составляют источники доходов трех классов — земельных собственников, капиталистов и наемных рабочих, — писал Маркс Энгельсу 30 апреля 1868 г., — то как итог всего, *классовая борьба*, в которой находит свое разрешение это движение и вся эта дрянь».²²⁹

К сожалению, в «Капитале», все содержание которого является обоснованием всемирно-исторической революционной роли пролетариата, К. Маркс не успел изложить в законченном виде свое учение о классах капиталистического общества и классовой борьбе.

Однако именно в последней, незаконченной, главе «Капитала», которая называется «Классы», Маркс пишет о законе развития капитализма как процессе и результате движения капиталистического способа производства: «Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоит в том, что средства производства все больше и больше отделяются от труда, что распыленные средства производства все больше концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наемный

---

²²⁸ Там же, т. 26, ч. III, с. 536.

²²⁹ Там же, т. 32, с. 64 – 65.

труд, а средства производства — в капитал. И этой тенденции соответствует, с другой стороны, самостоятельное отделение земельной собственности от капитала и труда, то есть превращение всякой земельной собственности в форму земельной собственности, соответствующую капиталистическому способу производства».²³⁰

Все движение капиталистического способа производства и весь результат этого движения, определяемые экономическими законами капитализма, есть реализация тех противоречий, которые заложены в его основе, реализация той исторической тенденции капиталистического накопления, которая в I томе рассматривалась еще абстрактно. Централизация средств производства и обобществление труда достигают в процессе действительного движения капитализма такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. «Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».²³¹

Таким образом, основной экономический закон и закон движения способа производства далеко *не одно и то же*. Последний богаче первого и содержит его в самом себе как свое начало, как свой момент. Вместе с тем *основной закон — это закон движения способа производства в себе. Закон движения есть развертывающийся, реализующийся основной закон*. Он не просто спокойное, устойчивое в экономических явлениях, а сама динамичная капиталистическая действительность со всеми ее противоречиями, выраженная в форме всеобщего. Познание этого закона определяет содержание всех томов «Капитала».

В процессе движения капитала от элементарного понятия до самого сложного изменяется не только его форма или формы его

---

²³⁰ Там же, т. 25, ч. II, с. 457.

²³¹ Там же, т. 23, с. 773.

проявления, но и его сущность. Соответственно в процессе развертывания законов от самых абстрактных до самых конкретных и богатых изменяется не только форма их проявления, но и сущность. В противном случае для познания сущности капиталистического способа производства достаточно было бы познания его самой глубокой и самой абстрактной сущности, которая в дальнейшем остается неизменной. Именно это утверждал К. Каутский, когда писал, что для исследования отношения между капиталистами и рабочими теория прибыли не нужна, что она есть теория распределения добычи — прибавочной стоимости — между различными слоями господствующих классов и лишь затемняет отношения между капиталом и трудом.²³²

Иначе считал К. Маркс, различавший абстрактную и конкретную, богатую определениями сущность, абстрактный и действительный экономический закон. Диалектический метод исследования закона движения капитализма позволил ему разрешить те трудности, которые оказались непреодолимыми для его предшественников из классической школы буржуазной политической экономии. «Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями, — писал Маркс, — здесь хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному».²³³ «Отсюда, однако, у них, с одной стороны, действительный закон выступает как абстракция действительного движения, которое поэтому всюду противоречит этой абстракции в частностях. С другой стороны, они насильственным образом хотят природой стоимости или прибавочной стоимости объяснить такие феномены, которые возникают только из прибавочной стоимости в форме прибыли. Отсюда ошибочные законы».²³⁴

---

²³² Каутский К. Экономическое учение Карла Маркса. М., 1956, с. 95 – 96.

²³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 26, ч. III, с. 85.

²³⁴ Маркс К. Прибавочная стоимость и прибыль. – Коммунист, 1978, № 7, с. 8 – 9.

Теория прибавочной стоимости является краеугольным камнем экономической теории Маркса, но, конечно же, она не охватывает и не может охватить всего богатства последней.

Форма не может изменяться, не изменяя сущности, так как она существенна. В то же время признание неизменности сущности означало бы отрицание движения. Закон, сущность которого не изменяется вместе с формой его проявления, не есть диалектический закон.

Однако, говоря об изменении сущности, следует различать изменение в пределах данной сущности и отрицание ее. Прибыль в сущности то же, что и прибавочная стоимость. Вместе с тем ее сущность богаче определениями сущности прибавочной стоимости, хотя бы потому, что она являет себя в такой форме, какой не имеет прибавочная стоимость как таковая. По той же причине сущность ренты богаче сущности прибыли вообще.

Выше рассматривались законы движения обособившихся капиталов как форм проявления общей сущности. Но эти капиталы не могли бы иметь своих особенных законов, если бы наряду с общей сущностью они не обладали своеобразными сущностями.

Развитие сущности законов до противоречия означает диалектическое отрицание ими самих себя. Таков экономический закон движения способа производства.

Открытый и исследованный К. Марксом закон движения капитализма разрешает противоречие между единством стоимости, капитала и прибавочной стоимости и их многообразием. Как конкретное полное понятие он содержит во всеобщей форме в себе и для себя все многообразие движения капитала и его результат, как развитое начало.

Указывая на противоречия капиталистической действительности и действительных экономических законов, К. Маркс подчеркивал, что

«законы вообще никогда не совершают революций».²³⁵ В конечном счете они реализуют себя в действиях людей, совершающих революции.

§ 5. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ КАПИТАЛИЗМА КАК ЕГО ОПРЕДЕЛЕННОЕ ОТРИЦАНИЕ

Закон движения капиталистического способа производства как противоречие не просто отрицает капитализм, а отрицает его конкретно, определенно.

«...Неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое,— отмечал В. И. Ленин, — Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала, — вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат».²³⁶

Вывод о необходимости пролетарской социалистической революции, экспроприрующей экспроприаторов, с железной логикой вытекает из всего научного исследования капитализма, развернутого Марксом в «Капитале».

Конечно, Маркс объективно не мог и поэтому не ставил перед собой задачи дать детальную картину будущего общества. О том, как будет выглядеть коммунистическое общество, он говорит в «Капитале» в самых общих чертах. Тем не менее, исходя из экономического закона

---

²³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 760.

²³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 73.

движения капитализма, можно было с уверенностью сказать, что капиталистическое производство с необходимостью естественного процесса порождает свое собственное отрицание, и это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает непосредственно общественный характер производства на основе достижений капиталистической эры, общественной собственности на средства производства и продукты труда. И ныне данная в «Капитале» характеристика коммунистического общества является образцом научного прогнозирования развития сложнейшего социально-экономического организма.

Однако определить развитие такого сложного организма, как социально-экономическая формация, в основных конкретных направлениях можно только в результате открытия и всестороннего исследования экономического закона движения этой формации.

Изучение диалектического метода исследования экономического закона движения капитализма в «Капитале» позволяет, на наш взгляд, наметить некоторые направления поиска и исследования экономического закона движения коммунистического способа производства, начиная с его первой фазы — социализма.

Экономический закон движения общественно-экономической формации является развертыванием его основного экономического закона. Основной же экономический закон, как это отмечалось выше, является законом явления исходного (основного), определяющего данный способ производства отношения.

Поэтому первой ступенью в определении основного экономического закона социализма является нахождение его элементарного производственного отношения.

Непосредственное отношение собственников средств производства к непосредственным производителям в непосредственном процессе производства при социализме находит, на наш взгляд, свое выражение в отношении общества как совокупного собственника к

обществу, как совокупному производителю материальных благ, т. е. общества к самому себе. Положительное тождество этого отношения очевидно. Его реализуемой целью является производство непосредственно для удовлетворения общественной потребности, т. е. производство непосредственно общественной потребительной стоимости. Производство непосредственно общественной потребительной стоимости как внутреннее, прочное, остающееся, спокойное в таком явлении, как социалистический непосредственно общественный процесс производства, есть поэтому основной экономический закон социализма.

Вопрос о так называемом «материальном» носителе основного экономического закона социализма в советской экономической литературе является дискуссионным. Одна группа исследователей определяет в качестве такового непосредственно общественную потребительную стоимость, другая — непосредственно общественный чистый продукт или его стоимостное выражение— национальный доход, третья — самого развитого человека и общество.

Наиболее аргументированной, на наш взгляд, является позиция первой группы. Было бы неправильно при определении общественной потребности, удовлетворение которой является целью социалистического производства, не учитывать потребность в фонде возмещения потребленных средств производства. Исключение этой части совокупного общественного продукта из цели социалистического производства лишило бы саму цель возможности быть реализованной. И при капитализме, как уже об этом говорилось выше, целью производства является не просто и не только прибавочная стоимость, а сохранение и умножение стоимости. Опасение, что определение в качестве непосредственной цели социалистического производства непосредственно общественной потребительной стоимости объективно оправдывает производство ради производства и игнорирует

необходимость соизмерения прироста продукции с затратами, обуславливающими этот прирост, лишено оснований. Непосредственно общественная потребительная стоимость совокупного продукта потому и является таковой, что она есть результат количественно определенного необходимого труда и ее структура отражает общественную потребность в фонде возмещения, накопления и потребления. В противном случае эту потребительную стоимость нельзя было бы назвать непосредственно общественной. По своему понятию ее производство (как собственно процесс производства и потребления) есть в то же время процесс формирования развитого человека и общества.

Разумеется, сказанное ни в коей степени не отрицает исключительной важности и необходимости использования при решении крупных народнохозяйственных задач таких категорий и показателей, как конечный общественный продукт, чистый продукт, национальный доход, фонд возмещения, накопления и потребления.

Однако эти категории не обнаруживают себя в самом начале движения. Они еще должны быть выведены. Поэтому они не могут быть элементами такого простейшего, абстрактнейшего закона, каким является основной экономический закон. Конечно же, действительной целью капиталистов и земельных собственников является не просто присвоение прибавочной стоимости и тем более стоимости, а присвоение предпринимательского дохода, процента и ренты. Однако это выясняется лишь в конце движения как его результат и не может в явном виде содержаться в основном экономическом законе капитализма.

Определение непосредственно общественной потребительной стоимости в качестве цели социалистического производства исключает необходимость и в такой формулировке основного экономического закона социализма, которая определяла бы ее и как средство собственного производства. Реализующаяся цель является и средством своей реализации.

Производство непосредственно общественной потребительной стоимости является абсолютным экономическим законом социализма. Этот закон абсолютен, поскольку он не опосредован иным.

Однако непосредственно общественная потребительная стоимость становится таковой только в конечном пункте производства — в потреблении. В начале она лишь в себе. Она должна положить себя, опосредоваться, развернуться в систему. Непосредственное производство потребительной стоимости опосредуется распределением, обменом и потреблением, а абсолютный экономический закон — соответствующими производственными отношениями. Это опосредование имеет в качестве одного из своих результатов то, что общественная потребительная стоимость начинает различаться как цель (удовлетворение личных потребностей) и как средство (удовлетворение производительных потребностей).

Развиваются различия и в самом обществе. Общество как совокупный собственник и совокупный работник — абстракция, что, конечно, ни в какой степени не умаляет значение этих абстракций. Вместе с тем в действительности общество состоит из классов, социальных групп и отдельных лиц. Действительные производственные отношения есть поэтому отношения между этими самостоятельными сторонами (частями) общества как целого. Эти отношения ближайшим образом проявляются как экономические интересы. Последние есть не что иное, как осознание носителями производственных отношений самих себя в этом качестве, осознание и познание своих потребностей. Это порождает цели и действия.

В системе личных, коллективных и общественных интересов при социализме определяющими являются последние как выражение господства социалистической общественной собственности на средства производства. Вместе с тем различие в интересах существует, оно порождает различные цели и различные действия. Высшая цель общественного социалистического производства проявляет себя поэтому как господствующая, как закон многообразных экономических явлений. Определяющее производственное

отношение выступает здесь не только как положительное тождество, но и как отношение разных сторон и далее — как существенное отношение.

Основной закон как выражение связи между этими сторонами конкретизируется в законе социалистического накопления и законе распределения по труду. Первый выражает определенное отношение между общественным богатством, которое представлено в социалистическом обществе прежде всего как непосредственно общественная потребительная стоимость, и удовлетворением личных потребностей. Чем больше общественное богатство, его размеры и степень возрастания, тем полнее удовлетворяются потребности каждого члена общества, — таково содержание закона социалистического накопления. Таким образом, он выражает отношение между общественной потребительной стоимостью как средством накопления и ею же как целью производства (удовлетворение личных потребностей каждого члена общества). Закон распределения по труду выражает причинно-следственную связь между количеством и качеством труда членов общества и той частью совокупной потребительной стоимости, которая присваивается ими.

Дальнейшее развертывание этих законов обнаруживает, что стороны, отношения которых они выражают, не есть только разные, а связь между ними не только причинно-следственная. Каждая из этих сторон не только отрицает, но и предполагает другую, и каждая из них как самостоятельность есть отрицание самой себя. Таким образом, основной экономический закон социализма развивается до противоположности, до противоречия.

Вопрос об основном противоречии социализма (коммунизма) является важным, сложным и пока еще недостаточно изученным вопросом. Но некоторые формы проявления этого противоречия обнаруживают себя уже в двух рассмотренных выше экономических законах. Действительно, при более внимательном рассмотрении закона социалистического накопления обнаруживается, что цель переходит в средство, средство — в цель, и каждое из них есть противоположность самой себя. В противоположность тому, что

сказано об этом законе, непосредственно из его содержания следует, что, чем больше накопленное общественное богатство как средство производства общественного богатства (фонд возмещения и фонд накопления), тем меньше при прочих неизменных условиях возможностей для удовлетворения личных потребностей всех членов общества в данный момент (фонд потребления). Наоборот, чем полнее удовлетворяются потребности каждого члена общества в данный момент, тем ограниченнее возможности удовлетворения растущих личных потребностей в будущем. Закон распределения по труду, будучи выражением равного отношения всех членов социалистического общества к средствам производства как к общественному достоянию, утверждает их экономическое неравенство в степени удовлетворения своих потребностей.

Эти и другие противоречия, их разрешение и возникновение новых являются выражением движения, развития социалистического общества.

Как закон развитого целого, социалистического способа производства, основной экономической закон находит выражение в действии системы экономических законов социализма, и только в этой системе он обретает самое богатое, конкретное содержание.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ I. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА К. МАРКСОМ ДИАЛЕКТИКИ ГЕГЕЛЯ.	
<i>Глава I. Понятие диалектического метода: Гегель и Маркс</i>	
§ 1. Коренная противоположность метода Маркса методу Гегеля	13
§ 2. Проблема «начала» науки	18
§ 3. Сущность процесса познания и его основные этапы	24
§ 4. Диалектическое противоречие	33
§ 5. Абстрактное и конкретное	39
§ 6. Историческое и логическое	48
§ 7. Истина	54
<i>Глава II. Диалектический закон</i>	
§ 1. Место закона в системе диалектической логики	57
§ 2. Познание закона	60
§ 3. Диалектика закона	63
§ 4. Классификация законов	70
РАЗДЕЛ II. ДИАЛЕКТИКА «КАПИТАЛА».	
<i>Глава III. Основное производственное отношение и основной экономический закон капитализма</i>	
§ 1. Понятие основного производственного отношения	87
§ 2. Становление капитала	95
§ 3. Формирование понятия капитала. Основной экономический закон капитализма	143
<i>Глава IV. Движение основного экономического закона капитализма</i>	
§ 1. Движение капитала вообще	165
§ 2. Действительное движение капитала	189
§ 3. Земельная рента и ее закон	197
§ 4. Результат движения капитала	210
§ 5. Экономический закон движения капитализма как его определенное отрицание	216